

• VK.COM/TR_BOOKS_VK •

ИРЛАНДСКАЯ
МАФИЯ #1

ПРИНЦ

Мафии

ВИ КАРТЕР

Джек

Я сын Лиамы О'Ригана. Я следующий в очереди на корону.

И когда достойно зарекомендую себя, встану во ГЛАВЕ Ирландской мафии.

Мне некогда отвлекаться на всякие мелочи — и меньше всего хочется тратить время на женщину, которая вечно была занозой в заднице.

Когда Мейв вновь появляется на моем горизонте, я всеми силами сопротивляюсь притяжению к ней.

Притяжению, которое со временем становится только сильнее.

Но когда проблемы приводят ее на мой порог, я не упускаю возможности заполучить то, чего в действительности от нее хочу.

Я предлагаю ей сделку. Я помогаю ей, но взамен она проводит одну ночь в моей постели.

Одну ночь покорности.

Одну ночь полностью в моей власти.

Если бы я только знал, что моя битва с Мейв развяжет войну.

Мейв

Джек — единственный, кто может мне помочь.

К сожалению, он меня ненавидит.

Но у меня нет другого выхода, кроме как прийти к нему.

Оказалось, ненависть — мощный мотиватор, и я просто дала ему возможность наказать меня.

Он предлагает мне свою помощь — за определенную плату. Все в его мире имеет цену.

Одна ночь в его постели.

Он — воплощение всего того, о чем мечтает женщина, так что это должно быть легко.

Вот только я — девственница, а он меня пугает.

Мне стоило сбежать, но я не сбегаю.

Не могу.

Мне остаётся лишь молиться, чтобы эта ночь не разрушила нас двоих.

Переводчики: Елена Теплоухова

Редактор и оформитель: ВуTalis

Вычитка: -

Русификация обложки: Александра Волкова

Специально для группы: Книжный червь/Переводы книг

ПРОЛОГ

МЕЙВ

Воспоминания.

Бывает, мы выстраиваем из них такие нагромождения, что они начинают жить своей собственной жизнью. Иногда они перевоплощаются в чудовищ, которые пожирают нас изнутри. Иногда краски жизни меркнут, и мы ждем жестокой реальности, которая будет

после.

Никто не говорил мне, что будет так тяжело.

Иногда сила воспоминаний может либо разрушить вас, либо вознести.

Мое чудовище — разрушитель, у которого два лица. Одно из них принадлежит Джеку О'Ригану, а другое — моему дорогому папочке. Да, похоже, в один прекрасный день эти двое разорвали меня на части и мне так и не удалось заново себя собрать.

Поверьте, я пыталась.

Но это, все равно, что каждый раз пытаться выйти на берег, когда вода бурлит вокруг лодыжек, до боли стискивая их своими ледяными пальцами, и утаскивает меня обратно в пучину, где я захлебываюсь и тону. Что ж, жизнь преподает свои уроки плавания.

Я пыталась отключать и мысли, и чувства. До поры до времени мне это просто отлично удавалось... До тех пор, пока не накопилось так много всего, что очень скоро превратилось в огромную гору дерьма. Такую высокую, что я уже видеть ее не могла. Она полностью заслонила свет и погрузила мой мир в непроглядную тьму.

Самое печальное, что единственный, кто мог бы мне помочь выбраться, — это тот, кто и заварил всю эту кашу. Тот, из-за кого я теперь стою, по колено погрузившись в эту боль и страдание.

Какая ирония!

Четырнадцать лет назад...

— Толкни меня выше! — пищит Дана, как принцесса из какой-то сказки, и мне хочется оказаться там рядом с ней, так что я толкаю сильнее, и ее восторженные вопли вызывают у меня улыбку.

— Выше, Мейв!

Ее длинные темные волосы со свистом проносятся рядом со мной, и я отворачиваюсь, чтобы жалящие нити ее локонов не попали мне в глаза. Вместо этого они обжигают мне лицо, пока я подталкиваю ее еще выше. Она взлетает под облака, ее белое платье облепляет точеную фигурку балерины, и она хохочет, привлекая внимание своей матери.

Я тут же уменьшаю силу своих толчков. Светлана, уперев руки в бока, улыбается Дана:

— Девочки, это слишком высоко.

Ее мать красавица, совсем как Дана. У нее черные волосы и ясные голубые глаза, в которых светится улыбка, даже когда ее губы неподвижны. С ними я чувствую себя легко и счастливо.

— Прости, мамочка, — хихикает Дана.

Протянув руку, я хватаю веревку и тяну ее назад, пока та не обжигает мне ладонь, но Дана замедляется, и ее мать направляется к нам по ухоженной лужайке.

— Девочки, хотите попить? — Светлана переводит взгляд с меня на свою дочь. Красное платье на ней даже не колышется на ветру, как, по-моему, должно быть с такой длиной. Оно неподвижно как воздух.

Я облизываю губы. Солнце стоит высоко, и я так долго качала Дану, что устала.

— Да, пожалуйста.

— Мейв, у тебя прекрасные манеры, — произносит Светлана, наблюдая за своей дочерью, которая, спрыгнув с качелей, топает в распахнутые объятия своей матери.

Я ощущаю какое-то покалывание в затылке, и не до конца понимаю, откуда оно взялось. Но все проходит, когда Дана выскользывает из объятий матери.

— Я буду через минутку, — улыбается Светлана. Она произносит слова иначе, чем мы с Даной. Дана говорила, что ее мама из Чехии и учит ее говорить по-чешски. Мне бы хотелось, чтобы моя мама научила меня какому-нибудь другому языку. Мне хотелось, чтобы она научила меня хоть чему-нибудь.

Дана поворачивается ко мне, широко улыбаясь.

— Это было так здорово! — все так же улыбаясь, она прижимается ко мне и обнимает меня. Мне нравятся объятия Даны, они теплые как солнце и от нее всегда вкусно пахнет домашней стряпней.

— Дана, что тебе папа говорил?

У меня внутри все непроизвольно сжимается, и, в отличие от покалывания в затылке, я понимаю, откуда это ощущение. Щеки вспыхивают, когда я поднимаю глаза на старшего брата Даны, Джека.

Под взглядом прищуренных глаз цвета голубого льда я выпрямляю спину. У меня начинает крутить живот, когда он так смотрит на меня, и я задаюсь вопросом, что сделала не так. Каждый раз, когда он так смотрит, я хочу спросить, зачем он это делает, но, как всегда, храбрость покидает меня и почва ускользает у меня из-под ног.

— Ухожи, Джек, — Дана отпускает меня и скрещивает руки на груди. Я замечаю, что ее ногти покрашены голубым лаком и удивляюсь, почему не обратила на него внимания раньше.

Джек по-прежнему стоит, уставившись на меня, и я встречаюсь с ним взглядом. Я хочу огрызнуться на него, чтобы он перестал на меня смотреть, и в то же время надеюсь, что он никогда не прекратит это делать.

— Она чужак, и мы с ними не водимся, — он приближается ко мне, и я уже не чувствую опоры под ногами. Я хочу быть храброй, но он выше меня. Он такой высокий, что мне приходится вытянуть шею, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Заткнись, — Дана делает шаг вперед, как рыцарь в одной из ее волшебных сказок. Она такая сильная, и мне иногда хочется быть похожей на нее.

Он освобождает меня из плена своего взгляда и обращает лед глаз на сестру. Глумливо усмехаясь, произносит:

— Заставь меня, ты, мелочь сопливая.

Я срываюсь с места быстрее, чем ожидала от себя. Вскидываю руки, и так, будто миллион раз качала Дану на качелях, бью Джека в грудь, с ужасом наблюдая, как он спотыкается и начинает падать. Выражение полнейшего шока появляется у него на лице, но тут же сменяется гневом, когда он тяжело заваливается на траву и тут же вскакивает, оказываясь рядом со мной.

— Ах ты, мелкий кусок дерьма!

Я вздергиваю подбородок повыше.

— Только тронь, и мой отец вышибет из тебя все дерьмо!

— Я не собираюсь тебя трогать, — Джек окидывает меня с головы до ног каким-то странным взглядом, от которого мне становится не по себе, и я хмурюсь. — Даже если бы ты горела, я бы не стал мочиться на тебя.

— Мам! — вопль Даны разрезает воздух, заставляя нас с Джеком отпрыгнуть друг от друга.

Повернувшись, он подходит очень близко ко мне, и тихо произносит:

— Ты — отребье, и мой отец не желает, чтобы ты околачивалась рядом с Даной. Я —

тоже. Мы знаем таких, как ты, и здесь тебе не рады. Ты никому здесь не нужна.

— Так что тебе папа говорил? — Джек хватается Дану за руку и подтаскивает ее ко мне.

Я смотрю на свою самую лучшую подругу на всем белом свете. Она покусывает губы и глаза ее бегают.

— Она моя подруга.

Джек встряхивает ее, и я уже готова снова надрать ему задницу, когда его цепкий взгляд пригвождает меня к месту.

Я вижу, что Светлана выходит из дверей, неся на подносе напитки. Неужели она считает меня отребьем?

— Скажи ей, — требует Джек.

— Папа сказал, что я не могу больше играть с тобой. Ты — чужак.

— Напитки! — — ничего не подозревающая мать Даны выходит на лужайку, и Джек отпускает сестру, а затем влезает в мое личное пространство.

— А теперь проваливай, и дуй домой к своей мамаше-алкоголичке.

Это похоже на пощечину. У меня глаза жгут, и, когда он расплывается в ухмылке, как акула, кружащая вокруг крови, я понимаю, что не могу допустить, чтобы хоть одна слеза пролилась. Я бегу мимо Джека и Светланы. Бегу домой. И худшее из всего этого то, что Дана не зовет меня и не бежит вслед за мной. Она даже не пытается меня остановить.

Я сжимаю свои маленькие кулачки и колочу по обшарпанной синей двери, но никто не открывает. Нажимаю на потертую старую дверную ручку и захожу внутрь. Собираюсь позвать маму, когда из спальни до меня доносятся громкие голоса. Я тихо прикрываю дверь. Велик брата стоит, прислоненный к грязной стене. Я прохожу дальше по коридору к открытой двери в спальню моих родителей.

— Так вот оно что, ты сбежать надумал, — ноет мама.

Когда-то розовая ночнушка облепила ее тощую фигуру. Она худая, слишком худая. Она выпускает дым прямо в лицо отцу. При виде него что-то внутри меня смягчается, превращаясь в желе. Я хочу окликнуть его, рассказать, какие ужасные вещи наговорил мне Джек О'Риган, но отчего-то замираю на месте.

Он запихивает в сумку рубашки, сердито поглядывая на мать.

— Я не сбегаю. Я ухожу. Я так больше не могу, Джейн.

Моя мать хватается сумку свободной рукой. Пепел от ее зажженной сигареты падает на издававший виды коричневый ковер.

— Папочка, — мое сердце колотится слишком сильно, и у меня возникает желание прижать руку к груди. Мои родители одновременно замирают, и отец опускает плечи, как будто больше не может удержать эту ночь.

— Милая, — от его улыбки все, что было вверх дном, занимает свое законное место. Его улыбка говорит мне, что все будет хорошо.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я.

Мой папочка такой высокий, но он наклоняется и встает передо мной на колени. Ласковый взгляд его карих глаз говорит мне слова, которые я не в состоянии понять в свои десять лет.

— Папе нужно ненадолго уехать, — он протягивает руки и касается моих ладошек, но я едва замечаю его большие руки на своей коже.

— Кто будет заботиться обо мне? — шепчу я, потому что, как бы там ни было, чувства своей матери я ранить не хочу.

— Твоя мама, — папа сжимает мои руки и поднимается.

Что за чушь собачья!

У меня печет глаза.

Мать занимает место отца, и дым обволакивает меня. Я закашливаюсь, и она убирает сигарету за спину. Она так близко, что я могу разглядеть каждую морщинку возле ее рта. Они становятся глубже, когда она затягивается.

— Я позабочусь о тебе, потому что твой отец не хочет нас больше видеть.

— Иисусе, Джейн! — отец оттаскивает ее от меня и поднимает на ноги.

— У тебя появилась другая баба? Кто она? — рявкает мать.

— А как же Деклан? — спрашиваю я, и родители застывают, уставившись на меня.

Папа качает головой, и я вижу в его взгляде поражение, которое ненавижу.

— Прости, милая, — он отворачивается и продолжает набивать свою сумку. Единственный человек, которому я была нужна, больше меня не хочет.

— Я обещаю. Я буду вести себя лучше, — у меня дрожат губы, и я хочу вцепиться в моего папочку и остановить его, но он продолжает укладывать свои вещи.

Он не хочет на меня смотреть.

— Дело не в тебе, детка.

— Нет, во мне. Всегда и во всем виновата я, — моя мать топает к туалетному столику, тушит сигарету и берет кружку.

— Что у тебя в кружке, Джейн? — злость в папином голосе заставляет мать поставить ее обратно, и она заправляет сухие светлые волосы за ухо.

— Кофе, — я слышу ложь. Мы все знаем, что у нее там.

— Папочка, — я снова окликаю его, и он отходит от мамы. — Пожалуйста, не уходи, — умоляю я его, и он перекидывает сумку через широкое плечо.

Паническое желание удержать его заставляет меня броситься к нему и крепко обхватить его за талию.

— Джек О'Риган наговорил мне гадостей. Я хочу, чтобы ты поговорил с его отцом. Я хочу, чтобы ты заставил его извиниться, — слезы текут по моим щекам, и я понятия не имею, почему — из-за Джека или из-за того, что мой отец хочет уйти от нас.

— Джек О'Риган — богатенький мальчишка, считающий себя лучше других. Держись от него подальше, — резкий окрик моей матери заставляет мои слезы высохнуть, и отец медленно отрывает от своей талии мои руки.

— Мне пора идти.

— Пожалуйста, не бросай меня.

— Господи Иисусе, Джейн! Успокой ее, — голос отца дрожит, когда он выходит в коридор в своей любимой красной кепке, натянутой на голову. Я знаю, он никогда с ней не расстанется. Он в самом деле бросает нас. Он в самом деле бросает меня.

Я не могу его отпустить.

Где-то внутри меня зарождается крик и поднимается к горлу. Когда он срывается с моих губ, отец оборачивается со слезами на глазах. Короткая пауза, прежде чем он еще ниже надвинет красную кепку и исчезнет в проеме двери.

— Хватит, Мейв, — вонь сигарет и выпивки обволакивает меня, когда мать обнимает и прижимает меня к себе.

— Мы ему не нужны, — ее слова — последний гвоздь в крышку гроба.

Я никому не нужна.

Даже эта женщина, что сжимает меня в своих объятиях, вспоминает обо мне, только когда ей что-нибудь нужно.

— Я тебя ненавижу, — говорю я ей в грудь, и она прижимает меня еще сильнее.

Из-за нее я потеряла отца и дружбу с Даной. Все знают, что она — пьяница. Я отталкиваю ее, и, не удержавшись, она падает на пол. Потрясение сменяется злостью, и я бегу по коридору, а она преследует меня по пятам. Еле держась на ногах, она движется не слишком быстро, и я подумываю о том, чтобы сбросить на пол перед ней велосипед Деклана, но я не хочу делать ей больно. Я залетаю в свою комнату и захлопываю дверь. Она сотрясается от ударов, и мама кричит на меня по ту сторону двери.

— Ах ты, паршивка! Не удивительно, что твой отец ушел!

Я закрываю уши ладонями, и ее слова звучат приглушенно, когда я сползаю по двери на голые доски пола в пятнах краски — моя попытка покрасить свою комнату. Я закрываю глаза, но боль не утихает. Я никогда не чувствовала такой боли.

В этот момент в этой комнате часть меня умерла. Я не верила, что эта часть когда-нибудь сможет возродиться.

ГЛАВА 1

МЕЙВ

НАШИ ДНИ

Ключи лязгают в замочной скважине двери, и я прижимаю ногой нижние доски, из-за которых ее обычно заклинивает. Такой способ открывания двери на протяжении многих лет сильно повредил нижнюю часть, и она того и гляди развалится. Я толкаю дверь и одновременно задерживаю дыхание. Правила мне уже известны. Уезжая на всю неделю в колледж, я оставляю мать и брата одних, и они едва могут поддерживать в себе жизнь.

— Мам, — зову я, с усилием захлопывая за собой дверь. Понадобится по меньшей мере три попытки, чтобы замок встал на место, закрывая меня внутри дома. Я огибаю гору картона, сваленную возле плинтуса. Желтая напольная плитка под ним старая и грязная.

Шагнув в кухню, я остаиваюсь и бросаю сумку на пол. Стол заставлен тарелками с присохшими остатками еды — придется замачивать не один час, чтобы все это отскрести. Я подхватываю стопку нераспечатанных писем и бросаю обратно, когда обнаруживаю пустые бутылки из-под водки и вина. Обойдя стол, дергаю окно, впуская немного воздуха и пытаюсь избавиться от этой вони.

— Мам, — зову громче, открывая заднюю дверь и подпирая ее стулом, чтобы не закрылась. Сердце делает сальто, когда Сэнди спрыгивает со стола и выбегает в открытую дверь. Мне даже не нужно смотреть на стол, я и так знаю, чем там занималась кошка.

Упаковки от еды сложены высокими штабелями друг на друга. Возвращаясь из колледжа, я каждый раз застаю такую картину. Все выходные я проведу за уборкой, работой в местном магазинчике и попытками сделать домашнее задание хоть немного.

Серебристого цвета миски Сэнди зияют пустотой на полу. Я не хочу дольше задерживаться на кухне, но я и не жестокая. Открываю дверцу шкафа, достаю заплесневелый хлеб и кладу его на кухонную столешницу. Отодвинув в сторону красный соус и какой-то джем, обнаруживаю за ними пустоту. Закрываю дверцу и перехожу к следующему, в котором находится пакетик сахара и немного соли.

Сэнди возвращается на кухню, мяукает и трется около моих ног.

— Да, я работаю над этим, — опускаюсь на колени, открываю нижний шкафчик и улыбаюсь пакету с кошачьим кормом. Сэнди запрыгивает мне на колени, но я стоняю ее.

— На старт, внимание, марш, — едва я насыпаю еду в миску, как Сэнди тут же ее сметает. Наполняю водой другую миску, и еще раз зову мать, выходя из кухни:

— Мам! — она, должно быть, опять где-то валяется в отключке. Дверь в гостиную закрыта, и толкнув, открываю ее. Чтобы привыкнуть к полумраку, моим глазам требуется несколько мгновений, но, когда это происходит, я жалею, что не могу выйти из комнаты. Воздух застывает у меня в легких и пол уходит из-под ног.

Мужчина стоит над моим окровавленным братом, лежащим на полу. Серая футболка на брате, ужасно старая, вся в пятнах крови. Джинсы сползли с его тощих ног.

Я лихорадочно обвожу взглядом скудную обстановку гостиной и наконец нахожу мать. Воздух вновь поступает в легкие, и я пытаюсь унять мчащееся галопом сердце.

Моя мать лежит бесформенной кучей в углу. Ее безумный взгляд мечется, ни на чем конкретно не задерживаясь. Тушь стекает по ее изможденному лицу. Мне хочется подойти к ней, но от внезапного толчка в спину меня пробирает озноб. Меня снова и снова толкают в спину пистолетом, пока я не оказываюсь в центре комнаты.

— Что это тут у нас?

Я поворачиваюсь на голос. Он как острие ножа, глубоко прорезающее кожу. Мне не по себе от него, и я настораживаюсь.

Даже без оружия этот мужчина опасен. Его лысый череп как будто поглощает свет. Голубые глаза под нависшими тяжелыми бровями оценивающе смотрят на меня. Он подходит ближе. Кожаный плащ на нем поскрипывает, когда рукой в татуировках он тянется к моим светлым волосам, заплетенным в косу, приподнимает их и опускает обратно на мое обнаженное плечо.

Мне хочется подтянуть повыше лямку топа, но эта модель предполагает ношение на одном плече, так что я лишь сжимаю руки в кулаки.

— А ты милашка, — его улыбка остра как бритва, тревожные колокола начинают бить сильнее, когда я пячусь назад от него.

— Что вам нужно? — мой голос звучит тверже, чем я на самом деле себя чувствую.

— Оставь ее в покое, — стонет Деклан с пола, и я радуюсь, что он жив. Его бледность заставила меня задуматься, не сегодня ли тот день, когда я должна буду найти своего брата мертвым.

Теперь, когда я вижу, что он не умер, задаюсь вопросом, в какое же дерьмо он нас втянул. Я пытаюсь взглядом донести до него этот вопрос. Брат недолго смотрит мне в глаза, а затем зажмуривается, когда мужик, стоящий рядом с ним, впечатывается черным армейским ботинком в его живот. Я бросаюсь вперед, но чья-то рука хватает меня за запястье и дергает назад.

— Стой, где стоишь, сучка!

— Просто скажите, что вам нужно, — я не могу оторвать взгляда от Деклана, пока он хватается ртом воздух. Мужик, возвышающийся над ним, довольно ухмыляется. Он смотрит мне в глаза и сплевывает вниз на моего брата, словно на бездомного пса.

— Деклан торчит нам двенадцать штук.

Пол уходит из-под ног, и мне хочется присесть, но я не двигаюсь. Я больше не смотрю на своего брата и не слышу его стонов. Мне хочется посмотреть на мать, которая не издает ни звука, лишь настороженно наблюдает за происходящим. Я слышу ее прерывистое дыхание, доносящееся из угла гостиной.

— А если он не заплатит? — задаю я пугающий вопрос.

Взгляд голубых глаз опускается на мою грудь, парень придвигается ближе и пожирает взглядом мое открытое плечо.

— Я собирался отправить твою мать погашать долг в один из наших борделей. Но теперь, когда ты здесь, думаю, ты сможешь приносить лучший доход, — он приподнимает пальцами мой подбородок, и у меня возникает желание отшатнуться, но я стою смирно, и в его взгляде появляется одобрение, которое мне совсем не нужно.

— Я мог бы провести тест драйв прежде, чем мы согласимся на что-нибудь, — скалитесь парень, стоящий возле брата.

— Оставь мою сестру в покое, бро. Я достану деньги, — Деклан пытается приподняться, но нога в огромном ботинке давит ему на грудь и толкает обратно.

Он тянет свои тонкие руки, и я ненавижу то, каким потухшим он выглядит. Бледная тень того, каким брат был прежде.

— Твоя сестра?

Пока лысый говорит, я делаю шаг назад, и его пальцы соскальзывают с моего лица. Я не ожидала, что он отпустит меня так легко.

— Итак, мы заключим сделку, — он прячет пушку за пояс брюк, и комната как будто облегченно выдыхает. Но я не питаю иллюзий. Этот мужчина может достать ее снова уже через секунду. Я слежу за его напарником, который, без сомнения, тоже вооружен.

— У вас двадцать четыре часа, чтобы достать мне мои деньги. Если я вернусь, а их не будет, я заберу тебя, — он сверлит меня взглядом и делает шаг в мою сторону.

На этот раз, когда его пальцы сжимают мою руку, он ничуть не нежен. Меня впечатывает в его грудь, когда другой рукой он грубо лезет мне в штаны. Горло перехватывает от накатившей волны ужаса, я отталкиваю его и сопротивляюсь. Я пытаюсь вырваться, но из-за глубоко засевшего страха меня начинает охватывать оцепенение, быстро расплываясь от кончиков пальцев на ногах вверх по телу. Мне нельзя застыть, я не могу, иначе он меня изнасилует. Его пальцы вторгаются внутрь меня, и в следующее мгновение меня отпускают, он делает шаг в сторону и сует пальцы, побывавшие во мне, себе в рот. Мне страшно, и внутри все завязывается в узел. Через секунду все закончится.

— Я почти надеюсь, что ты не найдешь деньги. Увидимся через двадцать четыре часа, — его смех слышится уже из-за двери, а его напарник убирает ногу с груди брата и выходит вслед за ним.

Как только они скрываются из виду, мама начинает плакать, сильнее с каждой минутой. Я хочу утешить ее, но у меня подкашиваются колени. Я пытаюсь не думать о вторжении в мое тело.

— Деклан, — я вглядываюсь в его лицо. В его ласковых карих глазах — таких же, как у меня, — светится улыбка.

— Привет, малыш, — его улыбка всегда приносила мне утешение, когда дело дрань, но сейчас я стала старше и набила шишек, и эта его улыбка уже не утешает. Только заставляет меня печалиться и вспоминать о том, что было когда-то.

— Двенадцать тысяч, Деклан? — я качаю головой. Лежа на спине, он приподнимает голову, и мне больно смотреть, как выпирают его кости.

— Когда вы в последний раз ели? — беру его за руку, и он не останавливает меня, когда я переворачиваю его ладонь вверх.

Я ожидаю не увидеть свежие следы от уколов, но, когда обнаруживаю их, любая надежда иссякает. Каждую неделю он дает мне одно и то же обещание, что, когда я вернусь,

он будет чист и станет совсем другим. Глупая часть меня хочет поверить в мечту, то у него получится.

Что за наивные мысли?

Ага, а еще моя мать сможет бросить пить, а отец вернется и войдет в эту дверь. Почему бы мне тоже не слететь с катушек и не бросить работу, благодаря которой у нас есть крыша над головой и еда на столе.

— Я достану деньги, — Деклан растягивает в подобии улыбки потрескавшиеся губы, которые умоляют о воде, даже не осознавая, что его тело испытывает жажду.

Я встаю, мать продолжает причитать в углу. Она умудряется достать сигареты и зажигалку из недр своего розового халата, из чего я делаю вывод, что она не так уж и травмирована.

Я захожу на кухню, и вонь заставляет меня сглотнуть слюну. Беру кружку, наполняю ее водой и возвращаюсь обратно в гостиную. Брат осушает кружку и медленно садится.

— Помнишь то Рождество... — он смеется нерассказанному до конца воспоминанию.

Я разглядываю его лицо. Шрам под глазом кровоточит до сих пор.

— Это, когда мама опрокинула елку? Или ты про то, когда она упала в ванной? — список можно продолжать бесконечно, но в нем нет ничего смешного. Так же, как нет ничего забавного в том, как в каждое Рождество ты жаждешь, чтобы твой отец вернулся, но он никогда не возвращается. С каждым годом я становлюсь все закаленнее, потому что это все перестает хоть что-то значить для меня. Больше неважно ничего, кроме того, чтобы хоть как-то выжить.

— Я про то, когда ты клялась, что видела Санта Клауса, — наконец объясняет Деклан и хватается длинной рукой за свой живот, как будто собирается остановить смех, срывающийся с губ и наполняющий гостиную. Его смех приносит с собой лучик тепла, в котором я позволяю себе понежиться мгновение.

Я улыбаюсь, глядя на брата сверху вниз. Это напоминает мне то, как мы с ним поздно ночью забирались под его одеяло после того, как мать, набравшись, валялась в отключке.

У Деклана здорово получалось сочинять истории, он — прирожденный рассказчик. Он забирал меня из нашего дома, и мы отправлялись в путешествие по сказочным землям Ирландии, где на радуге стояли горки с золотом, а банши оплакивали смерть. В те краткие мгновения благодаря ему я верила, что, возможно, есть что-то, кроме этого жалкого существования.

— Это был один из маминых дружков, — говорит он, все так же улыбаясь, но смысл его слов отрезвляет меня.

Бесконечный поток мужчин, проходящих через двери нашего дома, никогда не иссякал. Все, как один, были такими же пропойцами, как и мать, до сих пор причитавшая в углу, как чертова банши из сказок Деклана.

— Можешь встать?

Я ненавижу то, с какой легкостью поднимаю Деклана с пола. Словно вязанку хвороста.

— Не бросай меня, — хнычет мать из угла. Гнев бурлит у меня в венах, и, если бы он мог превращаться в нечто большее, давно бы сжег ее дотла.

Мы с Декланом выходим. В его комнате ужасный беспорядок. Его кровать давно исчезла. Грязный матрас на полу застелен простыней, на которую я не могу его уложить. Деклан ковыляет к нему, но я его останавливаю.

— Надо ее сменить. Она вся в блевотине.

— Это моя блевотина.

Он уже собирается лечь, но я успеваю выдернуть простыню из-под него.

— Как ты собираешься достать деньги? — не глядя ему в глаза, задаю глупый вопрос, бросая простыню в грудку грязного белья возле комода.

Он ложится и стонет, когда я отдергиваю занавески, чтобы впустить немного солнечного света в комнату.

— Мейв, перестань! Закрой их! — он прикрывает глаза рукой. Но я не слушаю его, и следом рывком распахиваю окно, чтобы впустить в комнату еще и немного свежего воздуха.

— Деклан, все это очень серьезно, — говорю, уставившись на нашу давно почившую лужайку. Мой взгляд путешествует дальше, к группе парней, которые отбивают бит для других.

— Я понятия не имею, где взять деньги.

Услышав признание брата, я отхожу от окна и отправляюсь в ванную за аптечкой. Стенаний матери уже не слышно, когда я возвращаюсь в комнату брата и опускаюсь на колени возле матраца.

— Что насчет Ленни? — спрашиваю я и меня передергивает. Я ненавижу даже упоминание имени Ленни. Но он местный ростовщик.

Брат поворачивается ко мне, и я не могу не видеть печаль в его глазах. В них как будто кружиться вся его боль и высасывает из него душу. Сила, которую я не могу остановить. Я касаюсь рукой его темных волос и мне хочется умолять моего брата вернуться и помочь мне.

Эта мысль вынуждает меня сфокусироваться на его ране.

— В прошлый раз Ленни сломал мне ноги, — говорит Деклан и шипит от боли, когда я слишком сильно нажимаю на рану.

— Да, ну а я не хочу, чтобы меня раз за разом насиловали, — резко говорю я, и его долговязое тело коченеет. Он на пять лет старше меня, ему двадцать девять, но чаще всего мне кажется, что именно он — мой младший брат.

— Я что-нибудь придумаю, — бормочет он и отворачивается от меня. Я сижу рядом с окровавленным полотенцем в руках, пока его дыхание не становится ровным, и я не убеждаюсь, что он уснул.

Проснувшись, он может даже не вспомнить об угрозе, нависшей над нами.

ГЛАВА 2

ДЖЕК

Джип мотает из стороны в сторону, когда я переезжаю металлические балки, уложенные на въезде в дом на ферме. Опускаю стекло, от холодного воздуха, ворвавшегося в салон, горят легкие. Холод покалывает кожу и заставляет немного взбодриться.

Сколько часов я уже без сна? Тридцать шесть? Без понятия. Честно говоря, я уже сбился со счета. Подъезжаю к красному заграждению, мешающему двигаться дальше. Выключаю мотор и тянусь на заднее сидение в поисках плаща. Рука скользит по прохладной коже. Должно быть, я оставил его в клубе.

Вытащив ключи из замка зажигания, я неохотно выхожу. Запах металла и свежескошенной травы обволакивают меня, когда, сунув руки в карманы джинсов, наклоняюсь и пролезаю под красным заграждением.

Старый фермерский дом стоит заброшенный, с забитыми досками окнами. На крыше растет больше травы, чем на том крошечном пятнышке грязи, который можно было бы назвать передней лужайкой.

Прохожу вдоль стены дома, направляясь к сараю, в котором, наверное, могло содержаться одновременно больше ста голов скота. Сейчас он пуст. Скот снаружи, на клочках зеленой травы, что виднеются вдалеке. Из рта вырываются танцующие облачка пара, когда я оборачиваюсь на шум приближающегося автомобиля.

Работа, которая мне сегодня предстоит, не имеет ничего общего с моей основной деятельностью. Я делаю это для своего отца. Я держу клубы, управляя ими и поддерживая порядок. Остальными аспектами нашей деятельности занимаются мои дяди. Все они играют свою роль.

Но сегодняшнее дело — это начало моего испытания. Я должен доказать, чего стою, прежде, чем мой отец передаст мне корону.

Белый джип подъезжает позади меня. Я не вижу водителя, но знаю, кто это. Финн, мой дядя, выходит из машины, и я проклиная своего ебаного папашу. Финн хороший. Он никогда ни о ком и слова плохого не скажет. Он как миротворец. Я бы хотел работать с моим дядей Шейном или, на худой конец, с дядей Даррой. У всех у них руки в банке, над которой отец держит крышку, в любой момент готовый ее захлопнуть.

Финн машет мне, в уголках его глаз появляются морщинки. Он открывает заднюю дверь, достает теплое серое пальто и набрасывает себе на плечи. По крайней мере, у него хватило здравого смысла захватить пальто. Но я другого от Финна и не ожидал — только разумности и подготовленности.

— Финн, — приветствую его, двинув подбородком, когда он подходит ближе.

— Ну и дубак, — он достает перчатки из кармана и натягивает на руки.

— Да, очень холодно. Так что за дельце? — я надеюсь, что он знает больше моего, но, судя по тому, что отец прислал Финна, нужно будет просто что-то забрать.

Он не стал бы посылать его, чтобы кому-нибудь навредить. Мой дядя отпустил бы их или попытался бы отговорить нас от причинения им увечий.

Внешне он ужасно похож на моего дядю Дарру. Они с ним близнецы, но занимают противоположные части спектра. Дарра — больной ублюдок, всегда таким был, если верить тем историям, что я постоянно о нем слышал.

Финн вечно находится в непрекращающемся круге боли. Говорят, это из-за того, что он потерял жену. Этого мне не понять. По правде говоря, я считаю, что, если бы он потрахался как следует, ему стало бы лучше. Конечно, у меня хватает ума не высказывать свои мысли вслух. Что бы я себе ни думал, я должен проявлять уважение к старшим.

— Я понятия не имею, зачем она нас сюда прислал, — Финн рассматривает фермерский дом, застегивая пальто.

Я вынимаю руки из карманов джинсов, и трение о ткань обжигает кожу. Пробую согреть их дыханием, но оно почти не помогает на таком лютном холоде.

Финн поводит плечами в своем пальто, и я следую за ним в сарай. Он наклоняется и заглядывает в каждый закуток, проверяя каждое стойло прежде, чем перейти к следующему.

— Так ты говорил с Кйаном?

Я двигаюсь вдоль противоположной стены и принимаюсь за проверку в стойлах, чтобы ускорить процесс. Я тут скоро яйца отморожу.

— Нет, — отвечаю коротко, но прекрасно понимаю, в каком тоне звучит мой ответ.

Финн больше не двигается, а я сую пальцы подмышки, чтобы согреться, и поворачиваюсь к нему.

— Он... — пытаюсь подобрать подходящие слова. На языке вертится «совершеннейший

мудак», но, опять же, понимаю, что должен следить за словами.

— Я знаю, что с ним нелегко.

Я не могу скрыть улыбку, растянувшую мои губы.

— Он — маленький рыжий долбоеб.

Блядь! Я сказал это вслух!

Финн пытается спрятать улыбку, осматривая следующую стену.

— Лучше, чтобы Шейн этого не слышал.

— Да, я понял, не дурак, — бормочу я.

— Я знаю, поэтому-то ты нас и возглавишь, — от доверия Финна мне не по себе.

С самого рождения я знал, что встану во главе нашей семьи. Мы контролируем всю северо-восточную Ирландию. Под нашим контролем все поставки наркотиков, все бордели, поставки оружия. Отец с братьями начинали с нуля, а сейчас в империи, что простирается передо мной, сети отелей, клубы, рестораны и несметное количество объектов недвижимости. Мне следовало бы испытывать счастье из-за того, что унаследую все это, но не так уж все и просто. Далеко не просто.

— Нашел! — возглас Финна прерывает мои размышления, и я в один прыжок оказываюсь возле него. Он заходит в самое последнее стойло в ряду. Разумеется, это в самом конце, в самом дальнем от джипа месте. Я откидываю зеленый брезент и обнаруживаю белые блоки, уложенные в башню высотой почти полтора метра.

— Это же целая гора кокса! Нам что, придется его весь погрузить в джипы?

— Нет. Мы просто полюбуемся на него и оставим здесь, — сарказм Финна весьма неожиданный, и, когда он поворачивается ко мне, я могу сказать, что он готов извиниться.

Мне не нужны его извинения.

Я подхватываю два блока белого порошка и поворачиваюсь к Финну. На его губах по-прежнему играет улыбочка ... воздух колеблется, и теплая жидкость забрызгивает мне лицо. Финн падает на пол, а я цепенею на несколько секунд. Булькающий звук, раздающийся снизу, возле моих ног, заставляет меня бросить блоки и присоединиться на земле к Финну.

Он пытается дышать, но напоминает мне рыбу, выброшенную из воды на берег и хватающую ртом воздух. Кровь толчками выливается из его шеи. Он зажимает руками рану, но кровь слишком быстро вытекает.

Я жду, что на нас обрушится дождь из пуль, но вокруг тишина. Стрелок или затаился, или ушел. Я жажду найти его и заставить расплатиться за пролитую кровь О'Риганов. Меня уже переполняют мысли о мести.

Голубые глаза Финна тускнеют, и в его взгляде воцаряется дикая паника, которую я видел прежде у умирающих животных и людей.

— Ты не умрешь сегодня, — одной рукой зажимая его рану, другой тянусь в карман за телефоном.

Отец не отвечает на звонок, и я матерюсь, набирая номер Шейна.

— В Финна стреляли, — произношу я и хочу добавить «и все плохо».

— Я уже еду, — Шейн отключается и не спрашивает, где мы. Должно быть, они все знают, поскольку это является частью испытания. Я трюсь щекой о плечо, пытаюсь стереть кровь, все еще покрывающую мое лицо.

Моя рука становится красной, а кожа Финна бледнеет с каждой секундой все сильнее. Все, о чем я могу думать, — он не должен умереть на моих глазах. Это уже не часть испытания. Кровь, которая вытекает из него, — теплая. Это не трюк или тест. Кто-то взял и

подстрелил моего дядю.

— Может быть, целью был не он. Может, целились в меня. Я приподнимаю голову, но ничего не могу рассмотреть из-за стены.

— Шейн уже едет, — говорю я дяде, и его закрытые глаза подрагивают. — Не спи, Финн.

Он открывает глаза, но в этот момент он не со мной. Он где-то далеко.

— Не сдавайся, мать твою! — предупреждаю я и сильнее прижимаю ладонь к его шее. Все, что я могу, — это нести всякую хрень, только, чтобы он не вырубился. Я рассказываю ему все подряд, все, что приходит на ум. Мне снова десять.

— Я как-то встречался с твоим отцом. Моим дедом.

Готов поклясться, его глаза становятся шире.

— Он сказал, что всего лишь хотел познакомиться со мной, узнать меня получше. Вы все с ним похожи, — я прислушиваюсь, ожидая услышать урчание мотора, но не слышу ничего.

Где же ты, Шейн?

— Он сказал, что я часть Клана.

В горле у Финна булькает, когда он пытается что-то сказать.

— Заткнись нахрен, Финн, — меня охватывает паника. Я не хочу слышать его предсмертные слова. Я не хочу стать тем, кто увидит, как потух свет в его глазах.

Во двор стремительно врывается машина.

— Видишь, все будет хорошо. Шейн здесь.

Надежда не расцветает в глазах Финна. Хлопает дверь машины.

— Последнее стойло! — кричу я. И опять у меня возникает соблазн сказать, насколько все плохо, но я молчу. — Стреляли с западной стороны. Стрелок может быть все еще здесь.

— Все плохо? — голос Шейна все ближе.

Мне хочется рывкнуть на него, чтобы он поторапливался.

— Ему прострелили шею.

Слышу мат Шейна, и в следующее мгновение появляется он сам. Он смотрит на своего брата, лежащего на полу.

— Финн, — он опускается на колени, и его взгляд блуждает по лицу и шее дяди.

Финн все еще в сознании, и я не знаю, как ему это удастся. «Ты не можешь уничтожить зло», — так всегда говорил мой отец. Только вот Финн не злой человек. Он был лучшим из нас всех.

— Поднимаем на счет три.

Я подхватываю его за ноги, а Шейн держит за плечи. Мы поднимаем его, и мне не нравится то, как льется на пол кровь. Кровавый след тянется за нами через весь сарай до машины.

Как только мы укладываем его на заднее сидение машины Шейна, я собираюсь забраться внутрь.

— Останься здесь. Дарра скоро приедет и поможет тебе здесь прибраться.

— Как же Финн? — сейчас мне его не видно.

Шейн захлопывает дверь и срывается с места так, будто за ним гонится полиция. Какое-то время я не двигаюсь, пока мой телефон не начинает звонить.

— Шейн приехал. Он забрал Финна в больницу.

— Дарра и Киан уже едут к тебе, — говорит мой отец.

Мне не хочется видеть Киана, но прямо сейчас не время пререкаться. Я забираюсь в джип, оставляя повсюду кровавые отпечатки.

Любой другой брат спросил бы, что с его братом после того, как того подстрелили, но не мой отец.

— Ты видел, кто стрелял? — его линия вопроса так типична для него. Найди угрозу и устрани ее. Все остальное — сопутствующие потери. Интересно, если бы это я барахтался на полу как ебучая рыба, его реакция была такой же?

— Нет, — отвечаю я.

— Ты осмотрел все вокруг?

Я сжимаю зубы и смотрю на свои руки.

— Нет, Шейн только что уехал.

— Как только появятся Дарра и Киан, разведайте местность. Попытайся что-нибудь найти.

— Найду.

— Я замечаю в зеркале заднего вида, как подъезжает БМВ Дарры. Рыжий уебоп настолько высокий, что согнулся в три погибели на переднем сидении.

— Дарра здесь.

— Хорошо, звони, как только что-нибудь обнаружите, — голос отца донельзя сух.

Собираюсь нажать отбой, когда он, помолчав немного, добавляет:

— Сынок, будь осторожен.

По спине пробегает холодок страха. Мой отец никогда не говорил такого прежде. Я хочу спросить его, но он нажимает «отбой». Дарра, появившись напротив моего окна, закуривает сигарету.

Я выхожу из машины, и он оборачивается. Он опускает взгляд на мои руки, и я вижу неподдельный страх в его глазах.

— Шейн увез его в больницу.

Киан обходит Дарру. Ростом он больше двух метров и возвышается над нами. На его лице, как обычно, выражение злобы, когда он кладет огромную ладонь на плечо Дарры.

— Он в хороших руках.

Я почесываю затылок и останавливаюсь, когда влага касается чувствительной кожи.

— Что ты можешь нам сообщить? — Киан в серой куртке с поднятым воротником, как какой-нибудь сраный игрок в гольф. Он тот еще мудила.

Его слова меня бесят.

— Ничего, — я спешу отойти, пока не врезал ему по шее. Вместо того, чтобы обращать на него внимание, я перевожу взгляд на Дарру, который безостановочно курит.

— Одиночный выстрел с западной стороны. Так что я собираюсь разведать окрестности.

— Где его подстрелили?

— Шея, я делаю движение подбородком в сторону последнего стойла.

Дарра шлет проклятия, когда замечает на земле кровавый след, тянущийся к дальней стене сарая.

— Я осмотрю окрестности вместе с Джеком, — предлагает Киан, а я уже отхожу подальше, надеясь, что до него дойдет, что таким образом я намекаю, чтобы он от меня отъебался. Если бы подстрелили его, и он бы булькал на земле, думаю, я бы еще и наступил ему на шею.

— Так значит, ты ничего не видел?

— Нет, — я стискиваю зубы.

Перед нами вырастает высокая насыпь, и я карабкаюсь наверх. Киан лезет за мной. Забравшись наверх, я осматриваюсь в поисках следов, чего-то, что подскажет мне, откуда стреляли. Я иду дальше и смотрю наверх. Я недалеко от сарая, но он должен был бы спуститься ближе, чтобы сделать выстрел. Киан достает пушку и идет впереди меня. Я его не останавливаю. Если он хочет быть щитом, да без проблем, пусть будет ебаным щитом.

— Думаешь, он еще здесь? — спрашивает он.

Почему он такой высокий? Шейн ростом больше ста восьмидесяти сантиметров, но его мать, Уна, все полтора метра. У него ее рыжие волосы.

«Если он здесь, уже бы нас подстрелил», — подсказывает мне логика, но со мной все в порядке, пока Киан идет впереди.

Он останавливается на пяточке, и я обхожу его. Трава здесь примята. Я ложусь на это же место, и мне видно отсюда и сарай, и последнее стойло, где находились мы с Финном. Он мог подстрелить любого из нас. Он выбрал Финна. Я шарю пальцами в траве, но ничего не нахожу. Место холодное.

— Он ушел.

В кармане пиджака звонит телефон, и я встаю и достаю трубку.

— Все очень плохо, — слова Шейна заставляют меня осесть на землю, в то время как я жду последнего удара. Что Финн мертв.

ГЛАВА 3

МЕЙВ

Я долго сижу возле Деклана, просто наблюдая за тем, как он спит. Поправляю небольшое одеяло на его костлявых плечах. В комнате слышен бит со словами рэперов. Слова о стрельбе и о том, что кто-то умирает, заставляют меня подняться и закрыть окно.

Я оставляю брата и тихонько прикрываю дверь, чтобы его не разбудить.

— Почему ты заботаешься о нем больше, чем обо мне? — голос матери обрушивается на меня миллионом крошечных булавок.

— Почему ты больше заботаешься о выпивке, чем о нас с ним? — парирую я и, скрестив руки на груди, смотрю ей в глаза. В моих словах нет злости. Я чего-то подобного от нее и ожидала.

— Это нечестно, — доставая из кармана пачку сигарет, отвечает она.

Я опускаю руки и подхожу к ней. Сквозняк из открытой двери напоминает мне о бардаке на кухне.

— Что нечестно, так это бардак, что творится на кухне, — я тычу в сторону кухонной стенки. — Что еще более несправедливо, так это то, в каком состоянии находится мой брат.

— Я не заставляю его принимать наркотики, — она зажигает сигарету, а я прижимаю подушечки пальцев к векам. Это давняя битва, и я поверить не могу, что снова в нее ввязываюсь.

— Это неважно. Прямо сейчас, — показываю на свою грудь, — мне нужно придумать, где достать двенадцать штук.

Мама отводит глаза и выпускает дым из уголка рта. Она — ходячая реклама того, как не надо жить. Я не пью и не курю, потому что все это делает она. Я поклялась, что никогда не стану такой, как она.

— Не горюшь желанием мне помочь? — спрашиваю, проходя сквозь клубы дыма, зная,

что не дождусь от нее ответа. В какой-то момент, возвращаясь на кухню, я подумываю о том, чтобы поднять с пола свою сумку и выйти через заднюю дверь. Мне стоит оставить разгребать этот бардак ей. Единственная причина, по которой я все еще здесь, спит в соседней комнате.

Закрываю заднюю дверь и начинаю уборку, собираю все пустые бутылки и пакеты, складываю их в мусорный бак. Сложив все тарелки в раковину и вымыв все столы, останавливаюсь, устало прислонившись к столешнице.

Передохнув, отталкиваюсь от столешницы и возвращаюсь в комнату к брату. Достāju телефон и набираю номер Ленни, нацарапанный на стене.

В последний раз, когда Деклан занял у него деньги и не отдал вовремя, тот сломал ему обе ноги. На этот раз под угрозой мои ноги.

Я возвращаюсь на кухню и звоню.

— Что? — его хриплый голос лишает меня дара речи.

— Ленни, это Мейв Рейли, сестра Деклана, — меня передергивает от того, насколько тихо звучит мой голос, и я прочищаю горло.

— Чего тебе? — рявкает он, а затем обращается еще к кому-то. Он звучит приглушенно, как будто закрывает рукой трубку.

— Деньги займы, — я жду, и, когда он молчит, повторяю, на этот раз громче.

— Сколько? — его голос все так же приглушен, но сам факт того, что мы еще говорим, вселяет в меня надежду, и уверенность во мне растет.

Я смогу это сделать.

— Двенадцать штук.

Его смех заставляет меня убрать телефон подальше от уха. Я жду, пока он перестанет смеяться, и прикладываю телефон обратно.

— Возьму две сотни процентов.

— Это грабеж!

— Ну так позвони в свой ебучий банк, — похоже, он собирается повесить трубку, а я не могу позволить этому случиться. Я не могу позвонить в банк, потому что уже брала деньги для того, чтобы сохранить крышу над головой, и теперь с трудом выплачиваю этот кредит.

— Сколько времени есть на то, чтобы вернуть?

Он тяжело вздыхает.

— Два месяца.

— Два месяца? — повторяю, поворачиваясь спиной к груде тарелок в раковине. — Тридцать шесть штук за два месяца, — говорю я, встречаясь взглядом с матерью.

Она стоит, прислонившись к дверному косяку, с чашкой в руках и внимательно наблюдает за мной.

— Дай мне немного подумать, — отвечаю я, но уже знаю, что это невозможно.

— Ага, подумай об этом, — издевательским тоном говорит он и вешает трубку.

— Ну? — спрашивает мать, глядя на меня осоловелыми глазами.

— Ты сможешь выплатить тридцать шесть штук за два месяца?

Она отводит кружку подальше от себя и роняет подбородок себе на грудь.

— Это не мой долг.

Я качаю головой и долго смотрю на телефон, а затем сую руки в карманы.

— Ты что, не слышала, что сказали эти мужики? Они отправят тебя в бордель.

— Не говори ерунды, — ее плечи расслабляются, и она отпивает из кружки.

Я не могу сейчас с ней об этом говорить. Это бессмысленно. Других ростовщиков в окрестностях нет. Моя семья сожгла слишком много мостов.

— А что насчет твоей богатенькой подружки?

Мой желудок сжимается от чувства вины.

Я так часто вспоминала о Дане. Но я не могу. Она путешествует по Италии со своими друзьями.

— Ты о ком? — притворяюсь, что не поняла ее и наполняю раковину водой.

Мама выдвигает стул и садится на него. Через какое-то время мне начинает казаться, что она уже ушла, но затем я слышу щелчок ее зажигалки.

— О'Риган, — выплевывает она их фамилию.

Опустив руки в ледяную воду, я отскребаю грязные тарелки.

— Горячей воды нет, — говорю я пене.

— Те, что отдавали тебе всю одежду.

Я сжимаю кулаки под водой. Дана всегда отдавала мне свою ненужную одежду. Став постарше, я перестала ее брать. Я чувствовала себя так, будто беру подачки.

— Ты же знаешь, что ее семья владеет «Гадюкой», — продолжает отвлекать меня от работы мама.

— Ты откуда знаешь? — бросаю на нее взгляд через плечо и тут же отворачиваюсь. Она выматывает меня, даже когда я просто смотрю на нее.

— Я была там несколько раз, — она встает, забирает грязную тарелку со столешницы и переставляет рядом с собой на стол.

Я пытаюсь отогнать картинки того, как она обжималась с незнакомыми мужиками, возникающие в моем воображении.

— Дана в Италии, — отвечаю я, тут же пожалев о сказанном. Часики тикают. Мытье тарелок и болтовня с мамой не помогут нам выбраться из этой передраги.

— Поменьше негатива, Мейв. Ты всегда нравилась ее матери.

— Негатива? — переспрашиваю я, вытирая мокрые руки о свои джинсы и поворачиваясь к маме.

Она тушит сигарету в тарелке.

— Да, в тебе слишком много негатива. Даже Деклан так считает.

От ее слов мне становится больно. Я не хотела, чтобы она упоминала его имя.

Я молча выхожу из кухни, подхватив по пути свою сумку. Достаю из бокового кармана сумки ключ от своей спальни, открываю дверь и захожу внутрь. Запах благовоний и свежести встречает меня. Я оставила окно приоткрытым, но шторы были задернуты. Уезжая, я всегда закрываю дверь, иначе моя мать может продать все мои вещи. В действительности, продавать почти нечего. Но в моей комнате есть хоть какая-то мебель, и здесь чисто.

Стараясь ни о чем не думать, я достаю из шкафа черный облегающий топ. Он идеально льнет к моему телу — как разлившиеся чернила. Надеваю чистые черные джинсы и распускаю длинные светлые волосы, позволяя им свободно спадать по спине. Если хочу попасть в «Гадюку», мне нужно выглядеть подобающе.

При мысли о встрече с Джеком О'Риганом, у меня все сжимается внутри, но я знаю, что он работает там и днем, и ночью, как сказала мне Дана. А еще она сказала, что там работает ее кузен Киан, который не такой засранец, как Джек.

Я смотрю в зеркало, уже собираясь попытаться отговорить себя от этой затеи. Если у меня и есть хоть какой-то шанс достать эти деньги достойным способом, то только с

помощью О'Риганов. Я могла бы поработать в клубе или что-нибудь убирать для них, чтобы потом расплатиться с долгом.

Дана рассказывала мне бесчисленные истории о том, как их семья помогала людям. Если я попрошу, она даст мне эти деньги, но я знаю, что она не позволит мне их ей вернуть. А это не та сделка, которую я бы хотела заключать. А еще я не хочу отдавать Ленни двести процентов.

Я натягиваю кожаную куртку и достаю клатч. Затем снова закрываю свою комнату на замок. Проверяю, заряжена ли батарея телефона, и замедляюсь возле двери в комнату Деклана. Приоткрываю ее и вижу, что он спит.

Тиски, сдавившие мою грудь, немного ослабевают, когда я выхожу из нашей маленькой хибары и похожу по дорожке вдоль нашего заросшего сада. Несколько соседских парней провожают меня взглядами. Я киваю в знак приветствия и продолжаю путь.

Держать рот на замке и не высовываться. Благодаря этим правилам я научилась выживать в нашей райончике.

Я подумываю о том, чтобы взять такси, но решаю прогуляться двадцать минут, чтобы попробовать отговорить саму себя.

Передо мной вырастает «Гадюка», освещая тремя этажами неоновом свете улицу вниз. Толпа уже начинает собираться перед входом. Еще рано, и я присоединюсь к ним. Мы постепенно продвигаемся вперед, и, когда наступает моя очередь, я собираюсь пройти мимо охранника, у которого лицо похоже на морду питбуля.

— Удостоверение личности, — говорит он, глядя поверх моей головы на улицу.

Его жвачка не такая белоснежная, как его зубы. Я протягиваю ему свои документы, и он внимательно их рассматривает. Девушка позади меня громко покашливает, как будто это моя вина.

Я забираю документы из рук громилы, а он оглядывается и делает двумя пальцами знак проходить девушке, стоящей за мной. Я загораживаю ей проход, и его взгляд останавливается на мне.

— Проход запрещен. Отойдите в сторону.

От охватившего меня смятения перехватывает горло и стираются все логические мысли. Девушка позади меня проходит мимо и улыбается. Ее короткие фиолетовые локоны подпрыгивают при каждом шаге, когда она исчезает в дверях «Гадюки». Это мой единственный шанс. Это лучший выход для меня, и я не могу позволить себе так легко его упустить

— Почему?

Вышибала несколько раз моргает, жуя жвачку. Меня так и подмывает пощелкать пальцами возле его лица, но по его позе понимаю, что это бесполезно.

Моросит дождь, и охранник делает шаг назад под фиолетовый навес. Поток людей проходит мимо меня, и я отступаю на несколько шагов назад, наблюдая, как с каждой секундой пропадает мой шанс сесть в последний вагон уходящего поезда.

Я отступаю все дальше назад, пока не натыкаюсь на стену. Прижавшись к ней спиной, закрываю глаза и пытаюсь взять под контроль сбившееся дыхание. Воспоминания о грубых пальцах лысого мужика заставляют меня сжать ноги в попытке изгнать прочь от себя ощущения, вызванные в памяти его образом. Картинка рассыпается, и я отлипаю от стены.

Дождь льет все сильнее, и я закутываюсь поплотнее в куртку, двигаясь дальше по переулку, пытаюсь найти какое-то укрытие и придумать, что делать дальше.

Из открытой двери на тротуар льется свет и доносится шум. Выходит парень с мешком мусора, и я, приняв решение за доли секунды, проскальзываю внутрь.

ГЛАВА 4

МЕЙВ

— Эй! — я быстро двигаюсь по коридору. Вдоль стены выстроились пустые ящики из-под бутылок. Позади меня лязгает железная дверь, и я ускоряюсь, направляясь к приоткрытым двойным дверям. Меня притягивает к ним приглушенный ритм музыки.

— Эй! Тебе нельзя здесь находиться, — мужской голос разносится по пустому коридору, но, когда я приближаюсь к двойным дверям, музыка становится громче. Я почти на месте.

Не оборачиваясь, прохожу вперед. От толчка моих ладоней двери распахиваются, и я вхожу в клуб. Стоящие рядом люди оглядывают меня с головы до ног. Я стягиваю куртку, когда оказываюсь в толпе. На влажной от дождя коже танцуют огни, и я улучаю момент, чтобы оглянуться через плечо. Парень все еще преследует меня. Пирсинг в его ухе отражает свет софитов. Я быстрее протискиваюсь сквозь толпу. Несколько человек недовольно смотрят на меня, но я не могу попасться теперь, когда я уже так близка к цели.

Я впечатываюсь в чью-то твердую грудь как раз в тот момент, когда парень дотягивается до меня и хватается за руку.

— Мейв, — я узнаю этот голос.

Меня оттаскивают от Киана и его накачанной груди и разворачивают в другую сторону.

— Ты не можешь здесь находиться! — я пытаюсь высвободить руку, но парень держит слишком крепко.

— Я разберусь с ней, — Киан наклоняется ко мне и убирает пальцы парня с моей руки.

Тот смотрит на меня так, будто впервые видит, и пожимает плечами.

— Она прошла через черный ход, — он переводит взгляд на меня, и я опускаю плечи и сую кожаную куртку подмышку.

— Я же сказал — я разберусь с ней, — Киан отворачивается, игнорируя парня. — Черный ход? — обращается он ко мне, приподнимая бровь. С его лица не сползает ухмылка, даже когда он закидывает в рот арахис. — Что ты здесь делаешь? — он наклоняется, и его дыхание обжигает мне ухо.

Сейчас идеальный момент, но я не могу произнести имя Джека. Оно застревает у меня в глотке и отказывается ее покидать.

Киан хмурится и склоняет голову набок. Он пробегается своими длинными пальцами по всей длине моей руки.

— Почему ты мокрая? — его взгляд теплеет, и он забрасывает себе в рот еще пару орешков. Я в курсе, почему толпа нас обходит.

— Мне нужно увидеть Джека, — я перекладываю куртку в другую руку и окидываю быстрым взглядом клуб, ожидая встретить ледяной взгляд голубых глаз. Мой желудок делает сальто при мысли о том, что я увижу его. Эмоции, которые я отказываюсь анализировать, плавают слишком близко к поверхности.

Какая-то девушка с двумя бокалами в руках чуть не врежется в меня. Я отхожу с ее пути и оказываюсь слишком близко к Киану.

— Я здесь, — ухмыляется Киан, и я знаю этот взгляд: он много раз смотрел на меня так. Это вроде «пойдем со мной, и я дам тебе все, что ты захочешь». Я немного отодвигаюсь от него. Киан привлекателен, но он О'Риган, и для меня этого достаточно, чтобы оставить отношения между нами платоническими.

— Так ты можешь мне помочь или нет? — мои слова слишком резки, и Киан выпрямляется, снова возвышаясь надо мной во весь рост. Он не сводит с меня глаз, а я жду, пока он отправит в рот остатки арахиса.

— Иди за мной, — дергает он подбородком на задворки клуба, и передо мной оказывается его широкая спина.

Я могу уйти в любой момент.

Я напоминаю себе эти слова, но следую за ним.

Мои джинсы намочили от дождя, и я не знаю, как выгляжу, но чувствую себя мокрой крысой. Киан приветствует по пути несколько женщин, каждый раз оглядываясь на меня через плечо, при этом нахально улыбаясь и подмигивая. Если бы мое положение не было настолько паршивым, возможно, его флирт и возымел бы на меня какое-нибудь действие, но все мои мысли заняты льдом голубых глаз и помощью моей семье.

Мы подходим к двойным дверям красного цвета, и Киан стучит три раза. Из-за грохота музыки я не слышу ответа по ту сторону двери. Киан толчком открывает дверь.

— Посмотри, кого я к тебе привел. Она искала тебя, — Киан заходит в помещение, и на какой-то момент я не могу сдвинуться с места. От страха и неизвестности на затылке выступает холодный пот. Я рефлекторно тру его в то время, как Киан выжидающе пялится на меня.

Сердце бешено стучит, когда я делаю шаг в кабинет. Пушистый ковер под ногами вызывает желание снять ботинки, чтобы не испачкать его. Дверь закрывается, отрезая все звуки. Весь воздух вышибает из моих легких, когда я медленно поднимаю глаза на массивный стол из красного дерева и восседающего за ним Джека О'Ригана.

Он стал взрослее и свирепее, но оказывает все тот же эффект на мое сердце. Ярость разгорается в моих венах вместе с тоской, сжимающей горло. Мысли путаются. Его прозрачные голубые глаза на миг озаряет вспышка, но тут же гаснет. Это похоже на лампочку, которая едва включившись, тут же перегорает, — вспышка узнавания поглотилась торнадо враждебности.

— Что тебе нужно? Я занят, — его глубокий голос напоминает осколки разбитого стекла, но я рада, поскольку он выводит меня из оцепенения.

Киан все еще торчит позади меня, глядя на меня с весельем, которого во мне нет ни капли.

— Всего на пару слов.

Молчание.

Его взгляд пронзает меня насквозь, и, если бы это было нечто осязаемое, я бы уже истекала кровью на его кремовом ковре.

— Не знаю, помнишь ли ты меня. Я Мейв. Эээ... я подруга Даны, — Джек откидывается на спинку кресла, и все силы, которые я собирала, чтобы прийти сюда, покидают меня.

— Киан, ты можешь нас оставить, — он не сводит с меня глаз, но я устремляю взгляд на Киана. Не знаю, что видит тот в выражении моего лица, но он колеблется.

— Иди, я сказал, — резко повторяет Джек, и Киан кивает мне, как будто заверяя, что все будет в порядке. Мне хочется крикнуть, что это не так.

У меня за спиной грохочет музыка, и я уже подумываю о том, чтобы опустить руки и выйти вслед за Кианом в эту дверь. Я могу даже выпить и провалиться в ту бездну, в которой, похоже, поселились мои мать с братом.

Дверь закрывается, и воздух становится разреженным. Мой пульс учащается, когда я

поворачиваюсь к Джеку, который наблюдает за мной. В моем теле бурлит слишком много крови, и я знаю, что, если не смогу успокоиться, потеряю сознание и рухну на пол.

— Мне нужны деньги взаймы, — выпаливаю я, но Джек не реагирует. Я подхожу ближе к столу. Расстояние между нами приличное, но я сокращаю его, потому что это, вроде как, уменьшает панику, сдавливающую мне горло. — Я бы ни за что не пришла, но мне больше не к кому обратиться.

Никакой реакции. Он просто молча смотрит на меня, как будто я говорю на иностранном языке. Меня снова так и подмывает умчаться отсюда со всех ног, но я остаюсь.

— Я все верну, до последнего пенни. Я могу убирать, работать в баре...

Джек, наконец, проявляет реакцию, вставая с кресла. Он выше ростом, чем я помню. Его плечи шире, и я стараюсь не ерзать, когда он, обойдя стол, прислоняется к нему с другой стороны, скрещивая руки на своей широкой груди. Темно-синяя ткань рубашки натягивается на его руках.

— Что заставило тебя думать, что я дам тебе деньги? — в его словах сквозит насмешка, а его заносчивость заставляет меня прикусить щеку изнутри. Кое-что не изменилось у Джека О'Ригана: он так и остался высокомерным козлом.

— Дана говорила мне, что вы помогаете людям.

Не в силах выдержать его взгляд, я смотрю на стол позади него, а затем мое внимание привлекает мусорная корзина, из которой торчит мужская рубашка, перепачканная кровью. По моей влажной коже от страха бегут мурашки.

— Я бы не пришла, но у меня нет другого выхода.

— Сколько тебе нужно? — он отталкивается от стола и делает шаг ко мне. Комната уменьшается с каждой секундой, и мне кажется, что вокруг меня сжимаются стены.

— Двенадцать тысяч.

Он кивает и продолжает на меня наступать.

— Предположим, я дам тебе эти деньги. Каким образом ты собираешься мне их отдавать? — что-то, похожее на довольный блеск, вспыхивает в его глазах, и я заставляю себя думать о своем брате, истекающем кровью на полу. Это единственное, что удерживает меня здесь, и будь все иначе, у меня бы было, что ему сказать.

— Я могу убираться, работать в баре или в офисе. Все, что угодно.

Он останавливается меньше, чем в полуметре от меня, запах его одеколona и чего-то еще, присущего только Джеку, обволакивает меня и заставляет сжаться мой желудок.

— Все, что угодно?

Я замечаю жестокий огонек в его опасных глазах и поднимаю повыше голову, ожидая, когда он скажет мне, чего хочет. Я не смогу причинить кому-то вред, даже если он прикажет.

— Джек...

Он вскидывает голову.

— Не говори со мной так, будто знаешь меня, — тихо рычит он.

Его реакция заставляет меня отшатнуться. У него всегда был взрывной характер, но я никогда не боялась его. Теперь же тревожные колокола звонят оглушительно громко.

— Я дам тебе двенадцать штук.

Меня бросает в жар, весь адреналин, удерживающий меня в вертикальном положении, устремляется мне в ноги. Я испытываю облегчение. Хочу поблагодарить его, но опасный блеск в его глазах, никуда не делся. Мой желудок сжимается, и я задаю вопрос, от которого

сердце снова пускается галопом.

— Как я верну тебе долг? Я могу работать по выходным. На неделе я учусь в колледже.

— Я хочу, чтобы ты провела одну ночь в моей постели, — он не смеется и не улыбается.

В выражении его лица нет ничего, что говорило бы о том, что это шутка.

— Что? Зачем?

Его лицо расплывается в хищной ухмылке, и Джек подходит ко мне еще ближе.

— Да ладно, Мейв, ты же не настолько наивна.

Я часто и неглубоко дышу.

— Ты хочешь, чтобы я переспала с тобой? Зачем?

— Да.

Как какая-то проститутка. Он пытается унижить меня. Мне хочется крикнуть ему, что я не продаюсь.

— Одна ночь в моей постели. Ты подчинишься мне, и долг погашен.

Меня мутит, и я не могу поднять глаз на него.

— Если я откажусь? — бросаю на него быстрый взгляд, пытаюсь сдержать нотки мольбы в голосе.

На его скулах играют желваки прежде, чем его лицо расслабляется.

— Можешь отказаться, — пожимает он плечами и отходит от меня. — Таковы условия сделки. Одна ночь со мной, и я дам тебе двенадцать тысяч.

Мой выбор ограничен: отработать в борделе под бесчисленным количеством мужчин или отдаться на одну ночь Джеку.

Пока я обдумываю оба сценария, в моей груди медленно разливается жар. Джек усаживается обратно за стол и начинает писать.

— Решай быстрее.

Гнев снова ускоряет мой пульс. Он может быть с любой девушкой на свете, так почему именно я? Я знаю, почему. Потому что он может. Потому что деньги дают ему власть.

Я вся горю и, закрыв глаза, шепчу:

— Ладно.

Он не смотрит на меня, хотя моя душа кричит не делать этого. Он продолжает писать, и я не знаю, услышал ли он меня.

— Я согласна, — говорю громче.

— Я и в первый раз прекрасно тебя услышал, — говоря это, он не поднимает головы. Как будто, я даже не достойна того, чтобы взглянуть на меня лишний раз.

— Можно мне сначала немного выпить? — спрашиваю, оглядываясь на дверь. На ней нет замка. Деньги нужны мне сейчас, так что лучше сделать это, и дело с концами.

Когда я вновь поворачиваюсь к Джеку, он молча смотрит на меня, но в его глазах полыхает ярость. Я неуверенно делаю шаг вперед и, стараясь набраться смелости, кладу сумочку и куртку на стул, стоящий возле его стола. Ни фото, ни чего-то личного на столе я не вижу, только ноутбук, пара папок с документами и трехъярусный накопитель для бумаг.

— Мы можем сделать это прямо сейчас, — я не в силах даже поднять на него глаза, когда тянусь к своему топу. Терпеть не могу то, как дрожат мои руки. Я медленно стягиваю через голову влажную ткань. Мои щеки пылают, когда я кладу топ на стул. Неужели я действительно собираюсь это сделать?

Я смотрю на Джека, который впивается взглядом своих голубых глаз в мою грудь в черном бюстгальтере, а затем в мои глаза.

— Прямо сейчас я не в настроении, — он протягивает мне через стол лист бумаги.

Мое лицо становится пунцовым.

— Мне нужны деньги немедленно, — глаза и горло печет, и я проглатываю унижение.

Почему он заставляет меня умолять? Как будто, этого недостаточно.

Он швыряет серебряную ручку на стол.

— Прочти и подпиши.

Я смотрю вниз на бумагу.

— Что это? — спрашиваю и пробегаю глазами по тому, что похоже на контракт.

Джек встает из-за стола и подходит ко мне.

«Я, Мейв Рейли». Сердце подпрыгивает, когда я вижу свое имя. Он знает, кто я, и помнит меня, хоть и пытается сделать вид, что мы незнакомы. Почему это маленькое понимание так радует меня? Что со мной не так?

— Жить с тобой? — я выпрямляюсь и оборачиваюсь к нему.

Он стоит на коленях перед сейфом.

— Да, пока ты не выполнишь свою часть сделки, ты останешься со мной, — Джек поднимается, держа в руках пачку банкнот.

Деньги, обладающие безграничной властью над всеми нами.

— Я могу сделать это сейчас, — стискиваю зубы, когда Джек кладет деньги на стол.

— Я не хочу тебя сейчас, — его ухмылка остра, как бритва, и я опять его ненавижу. Я сердито натягиваю влажный топ.

Джек садится обратно и наблюдает за моим сражением с тряпкой. Она задирается, оголяя мой живот и привлекая к нему внимание.

— Прочти это. Я хочу, чтобы между нами все было предельно ясно.

Я опускаю взгляд на бумагу и продолжаю читать. Я должна остаться до тех пор, пока не отдамся ему всего на одну ночь. Как только это произойдет, я могу уйти и долг будет погашен.

Серебряная ручка лежит рядом. Сколько времени это займет? Несколько дней? Переспать с ним я должна всего лишь раз.

«Ты должна отдать ему свою девственность», — предупреждает голос внутри меня.

Я беру ручку и думаю о Деклане.

— У меня мало времени, Мейв, — похоже, Джек заскучал, и мне хочется воткнуть в него эту ручку. Пробегаюсь чернилами внизу страницы, отписывая дьяволу собственную душу.

Сделав это, я протягиваю руку за деньгами, но он уводит их у меня из-под носа.

— Ты же сказал, то дашь мне деньги, — плаксивость в моем голосе отвратительна, но он уже нарушил контракт. Мне следовало догадаться.

— Иди домой и собери вещи. Когда вернешься, я дам тебе деньги.

Хватаю свою куртку и сумочку со стула. Он намеревается сделать это медленно и болезненно. Я просто уверена в этом.

— Мейв.

Мне хочется сказать ему, что он не имеет никакого права называть меня по имени. Когда я на него смотрю, вижу на его губах довольную улыбку.

— Один час, — его голо, такой самодовольный, вынуждает меня согласно кивнуть.

Пересекаю кабинет по пушистому ковру, пока где-то глубоко внутри меня зреет понимание, что я отдала лучшую часть себя мужчине, который, воспользовавшись случаем,

снова разрушит меня.

ГЛАВА 5

ДЖЕК

Дверь закрылась, а я так и сижу, уставившись на нее. Член у меня все еще каменный. Я ненавижу то, как сильно ее хочу. Я всегда хотел ее. И сейчас могу ее получить. Мурашки раздражения ползут по коже.

Едва она вошла в мой кабинет, как что-то старое и скрытое глубоко внутри меня ожило и привлекло к себе слишком много гребаного внимания.

Мейв Рейли. Она была одной из тех девушек, то забирались тебе под кожу и отказывались съезжаться. Я мельком бросаю взгляд вниз на пачку банкнот и швыряю их в открытый сейф. Дверь кабинета распаивается, и мне не надо на нее смотреть, чтобы узнать, кто там.

— Зачем ты пустил ее сюда? — спрашиваю, закрывая сейф. Прежний я хочет поблагодарить его, но теперешний я, ненавидящий его, хочет его подьебнуть.

— Она друг.

Я усаживаюсь обратно в кресло и улыбаюсь Киану. Он открывает пачку арахиса и принимается жевать, как будто здесь его царство.

— Что ты здесь опять забыл? — я наклоняюсь вперед.

От моего тона он даже не вздрагивает.

— Мне нравится тусоваться с тобой.

Я потираю виски, тщетно пытаюсь унять боль. С тех пор, как уехал с фермерского двора, голова раскалывается. Звонил Шейн и сообщил, что Финн в операционной и врачи не дают прогнозов. Пускать Мейв ко мне в кабинет, когда я охвачен гневом, неразумно. Но я не из тех, кто упустит такую возможность.

Во мне медленно поднимается нечто близкое к чувству вины, но я заталкиваю это обратно. Когда Мейв стягивала топ, ее руки тряслись. Я не собираюсь брать ее в ближайшее время. Пусть ждет и будет покорной, пока не проявит ко мне должного уважения.

Она вечно смотрела на меня с ненавистью, и я видел, что она считала себя лучше меня. Было бы неплохо сбить с нее спесь. Мысль о том, что она окажется в моей постели, заставляет меня ерзать на стуле. Громкое чавканье Киана заставляет меня оторваться от контракта, который она подписала.

— Ну так чего она хотела? — скучающим тоном спрашивает он, но от меня не ускользает любопытство в его голосе.

— Почему тебя это волнует? — я откидываюсь обратно на спинку кресла. Если он хоть пальцем ее тронет, я его убью.

Он высыпает пачку арахиса себе в рот, подходит к моему столу и устраивается на стуле возле него.

— Ты здесь не удержишься, — я хочу, чтобы он свалил, но он не двигается.

— Как я уже говорил, мы с ней дружим.

Чушь собачья.

Я уже готов ему врезать, когда дверь открывается и на пороге возникает Шей. Он кивает, окидывая взглядом мой кабинет. Его костюм выдает в нем гангстера.

— С кем я должен трахнуть, чтобы заполучить такой кабинет?

Киан хохочет:

— Придется сделать это с Джеком.

— Я драл и похуже, — улыбается Шей.

Не обращая внимания на Киана, поднимаюсь.

— Шей, — он встречает меня на полпути, и мы обнимаемся. Я не спрашиваю, почему он здесь. Все дело в Финне. Вся семья собирается вместе, когда одному из нас плохо.

— Ну ты и везучий мудака, — его североирландский акцент ярко выражен. Он превращает ругательство в комплимент.

— Да, здесь неплохо, — я даже никогда не задумывался об обстановке вокруг меня, был слишком занят ее созданием.

— Рыжик, как делишки? — Шей подваливает к моему столу.

Я улыбаюсь, возвращаясь на свое место.

Киан не разуется словам Шея.

— Да пошел ты! — Киан поднимается. — Я буду снаружи.

— Оставь арахис в покое, — бросаю ему в спину, и он показывает мне палец, не оборачиваясь. Шей садится на стул, который только что освободил Киан. Под его черным тяжелым взглядом я не могу расслабиться. Я не часто встречаюсь с Шеем, но знаю, как опасен он и его люди. Наши с ним отцов связывает прошлое. Между ними вражда, так что мы с Шеем действуем осторожно, когда дело касается бизнеса.

— Финн в операционной, — откинувшись на спинку кресла, тру ладонями лицо. Мне нужно поспать.

— Я могу съездить и посмотреть, где это произошло. Хочешь со мной?

Убираю руки от лица и смотрю на Шея. Тут нечто большее, чем просто съездить поглазеть на место происшествия.

— Там не на что смотреть. Все чисто.

Шей стучит пальцем по кончику своего носа.

— У меня нюх на такие вещи, — он склоняется ко мне и его темные глаза не улыбаются, как прежде. — Мы вычислим пиздюка и выпустим ему кишки, — он растопыривает на столе свои пальцы, унизанные кольцами, как обещание мести. Он прав. Я выясню, кто это сделал и почему. Никто не причинит вред моей семье безнаказанно.

— Погнали, — хлопает Шей ладонями по столу и поднимается. На этот раз я не забываю надеть пальто, когда выхожу из клуба вместе с Шеем. Киан замечает нас, когда мы проходим через черный ход. Он у барной стойки, глядя нам вслед, открывает очередную пачку арахиса.

— Так вы с Кианом теперь общаетесь? — спрашивает Шей, залезая в мой джип.

— Нет. Он приезжал с Шейном, чтобы помочь. Что я мог возразить?

Шей ухмыляется. Его лицо пугающе счастливое.

— Я бы знал, что возразить.

Я захопываю дверь и завожу двигатель.

— Я бы сказал: «Рыжик, иди на хуй. Вали домой, к мамкиной сиське».

— Вот поэтому ты никому и не нравишься, Шей.

— Я здесь не для того, чтобы заводить друзей, — хмыкает он.

Я выезжаю на улицу.

— Это не значит, что ты должен заводить себе врагов, — бросаю быстрый взгляд на Шея. Он не отрывает от меня своих пронизательных глаз. — Выкладывай, в чем дело.

— Отец ушел в отставку.

Это было неожиданно. Его отец, Коннор, заправлял мафией на севере, без

вмешательства с нашей стороны. Наши отцы были сводными братьями — сложная неразбериха. Мой отец не сблизился ни с кем, кто не был бы чистокровным О'Риганом, так что они с Коннором не общались. Повзрослев, Коннор присутствовал на моем причастии и конфирмации, но он был дядюшкой, который приходил позже всех и уходил первым.

— Он что, заболел?

— Нет. Просто хочет передать бразды правления мне.

Я бросаю еще один взгляд на Шея.

Он улыбается во весь рот.

— Король Севера.

— Поздравляю.

Его голос становится серьезным.

— Я тут подумал — раз уж ты возглавишь Северо-Восток, нам стоит наладить тесное сотрудничество.

— Раньше мы никогда не сотрудничали. Почему сейчас? — мы выезжаем за город.

— Пора все изменить. Нам нужно открыть границы, наладить торговлю.

Что-то тяжелое оседает мне на плечи.

— Ты говоришь не с тем человеком. Мой отец здесь все еще король.

— Да, а ты уже начал проходить свои испытания, — Шей уставился в окно.

— Для северянина ты слишком много знаешь.

Он резко поворачивается ко мне, и я киваю, понимая, что зашел слишком далеко. Да, когда-то мы были маленькими детьми, но теперь уже нет. Независимо от того, на чьей стороне ты будешь, политика и правила никуда не денутся. Мы можем резко разговаривать друг с другом, но это все равно будет взвешенная резкая риторика.

Я въезжаю на ферму, и мы выходим из машины.

— Вот здесь это и произошло.

Я веду Шея на вершину холма и показываю место, где лежал стрелок.

— Снайпер?

— Да, я почувствовал его даже прежде, чем это произошло, — я прячу руки в карманы и смотрю вниз на большой дощатый сарай. — Он целился в Финна. Он собирался убить его.

Шей опускается на колени и шарит руками в траве. Я понятия не имею, что она там ищет. Я уже все прочесал.

— Я не слишком хорошо знал Финна, но мой отец всегда высоко его ценил.

— Он лучший из О'Риганов, — я притопываю на месте, сражаясь с холодом. Иисусе, мне надо бы поспать.

— Кто знал, что вы будете здесь?

Шей встает, и я понимаю, что он пытается помочь, но это не его юрисдикция, и короли не нарушают границы друг друга вот так запросто.

— Это не твоя битва, — я жду ответной реакции. Шей такой же необузданный, как и его отец. Он неконтролируем.

— В моего отца стреляли две недели назад.

Вот теперь пазл сложился.

— Вот почему ты здесь. Ты полагаешь, это тот же стрелок?

Черты лица Шея выдают напряжение.

— Снайпер тот же, только это был не смертельный выстрел.

— Предупредительный выстрел, — с пониманием этого я спускаюсь вниз по склону, и

Шей следует за мной.

— Почему я только сейчас об этом слышу?

— Мой отец не хотел, чтобы твой узнал о его делах.

Мы возвращаемся в джип, и я завожу его, чтобы прогреть мотор.

— Твой отец был предупреждением, — рычу я. — Ты должен был сообщить нам. Мы могли это предотвратить.

Шей пожимает плечами так, словно это не наш дядя прямо сейчас борется за жизнь.

— Это было не мне решать.

— Что ж, теперь решаешь ты. Ты должен рассказать остальным.

— Да, — кивает Шей. — Я уже организовал встречу.

— Когда? — я выезжаю с фермы, и с каждой секундой внутри меня разрастается тревога.

— Вечером.

Я надеялся, что отец сохранит спокойствие и никого не убьет, в особенности Шея. У него была склонность ничего не говорить, но затем выслеживать и убивать.

Я бросаю взгляд на Шея.

— Твой старик знает, что ты здесь?

Он хищно оскалился.

— Нет. Но после сегодняшнего вечера узнает.

ГЛАВА 6

МЕЙВ

Я выхожу из клуба через центральный вход. Охранник косится на меня, но не говорит ни слова. В любом случае, это уже ничего не даст. На улице льет дождь, и меня не волнует, то я насквозь промокну. Мне нужна льющаяся с неба холодная вода, чтобы остудить мое пылающее сердце. Мне нужен воздух, чтобы наполнить мои легкие. Мне нужно пространство, которое украл у меня Джек.

Джек О'Риган.

Нежели это действительно произошло? Неужели я в самом деле попросила у него денег? Неужели он правда только что заставил меня подписать контракт, по которому я должна переспать с ним?

Мне хотелось каждые несколько секунд доставать телефон, чтобы посмотреть, сколько времени мне осталось до возвращения.

Один час.

Он вел себя так нагло. Я сделала глубокий вдох. Ничего страшного. Одна ночь, и на этом все. Деклан будет в безопасности, и я смогу вернуться к своей жизни. Ложь оставляет горький привкус на языке. Уверена, что его не смыть никаким количеством выпивки. Я возвращаюсь домой, промокшая до нитки.

— Мейв, — зовет мама из кухни. Она пьяна. В обычное время такого не случается. Она умеет пить, значит, что-то не так. Может, они вернулись.

Я стягиваю куртку по пути на кухню. Она одна.

— Где Деклан? — страх разжигает только что погасший огонь внутри меня.

— Вышел прогуляться с друзьями, — она тушит сигарету. — Он в порядке, — она закатывает глаза, когда делает хороший глоток из своей кружки. — Ангелочек в порядке, — сарказм льется из ее рта как яд.

Пользуясь моментом, я оглядываю кухню. В раковине все еще полно воды. Мусор,

который я собрала, так и не вынесли. По крайней мере, худшего бардака не устроили. Кладу куртку на спинку стула, беру пакет с мусором и выношу через заднюю дверь. Когда возвращаюсь обратно, мать по-прежнему сидит за столом и наблюдает за мной.

— Я достала деньги, — она не спрашивает меня, откуда я их взяла или почему я промокла.

Моя мать встает, опираясь на стол своим высохшим костлявым телом.

— Хоть немного хороший вестей, — она отталкивается от стола и, шатаясь, бредет к шкафчику. Открыв дверцу, достает полную бутылку водки и тащит ее обратно на стол.

— За это стоит выпить, — наполняет она свою кружку до краев.

Я сплываю желчь, что поднимается к горлу. Может, сбежать от этого безумия не так уж и плохо. Печально, когда оказывается заманчивее пойти в дом к мужчине, который за тебя заплатил, нежели в свой собственный.

— Меня не будет пару ночей.

Моя мать хмыкает и прикуривает еще одну сигарету.

— Ага, — она выпускает дым из уголка рта. — Только не забудь перед уходом оплатить счета. Не хочу, чтобы в мою дверь ломились всякие.

Меня так и подмывает сказать ей, что мне придется сделать за эти деньги — чем мне придется пожертвовать. Я подавляю этот порыв. Хотелось бы мне, чтобы она проявляла немного больше заботы, но этому не бывать, так что все мои слова бесполезны. Заботило бы это моего отца?

Я закрываю глаза, и картинки болезненных воспоминаний возникают передо мной. Его голос был таким глубоким, его смех — таким искренним, его руки — такими огромными, что мои ладошки утопали в них. Он вставал, напевал что-то и кружил меня в танце по комнате. Я парила. Он был великаном, а я была защищена.

Воспоминание вдребезги разбивается о кухонный пол, когда открывается входная дверь. Я хватаюсь за возможность уйти от своих мыслей и выхожу в коридор. По крайней мере, теперь я смогу попрощаться с Декланом.

Он не один. Брат заходит в дом с двумя парнями, такими же тощими, как и он сам. Их осунувшиеся лица и лихорадочный блеск глаз разрывают мне сердце.

— Сестренка, — Деклан останавливается и раскрывает руки для объятий, на что я не реагирую. — Ты чего такая кислая? — он как ребенок надувает губы.

— А ну валите отсюда, — повышаю я голос, бросаясь вперед и без труда выталкивая обоих парней за дверь. И тощие тела и спутанное сознание облегчают мне задачу.

— Мееейви, — скулит у меня за спиной Деклан, как будто я поступаю неразумно.

— Убирайся! — я толкаю в грудь одного из его друзей, одетого в красную футболку супермена. Он спотыкается и падает навзничь в траву. Я захлопываю дверь, пока они не решились отомстить и поворачиваюсь к Деклану, но в коридоре его уже нет.

Я залетаю на кухню.

— Он сюда не заходил, — пожимает мама плечами.

Бесполезно.

Мое внимание привлекает шум из его спальни. Из проема окна в его комнате торчат только его ноги, и раздается смех. Я поспешно пересекаю комнату и дергаю его за пояс джинсов, втягивая обратно. Его дружки смеются словно дикие гиены. Я закрываю окно и задергиваю шторы.

— Ты чего такая злая, сестренка? — Деклан улыбается, укладываясь на свой матрас, а я

стою рядом, и внутри меня бушует буря. Я прикладываю максимум усилий, чтобы успокоиться.

— Это должно прекратиться.

Деклан садится, и впервые за долгое время его взгляд проясняется.

— Я завяжу.

От его лжи все во мне успокаивается, и, шагнув вперед, я усаживаюсь на пол рядом с ним. Я делаю глубокий вздох.

— Почему ты вся мокрая? — спрашивает он.

Я растягиваю губы в улыбке.

— Это долгая история. Послушай, — смотрю на глупо улыбающегося Деклана, но проникаю ему в душу и вижу боль брата. Он сам ее выбрал. В этом наше с ним отличие, и, наверное, поэтому в конце концов я присматриваю за ним, хотя не сказать, что хорошо справляюсь со своей работой.

— Мне надо будет уехать на несколько дней.

При этих словах он закрывает глаза и тяжело вздыхает.

— Куда ты поедешь?

— К друзьям. Но меня не будет всего несколько дней. Ты должен позаботиться о себе сам, — умоляю я.

— И кто здесь старший брат? — улыбается он, показывая на себя. Мне хочется сказать: тогда и веди себя соответственно. Мне кажется, эта фраза повисает между нами на невидимых нитях, и мы оба это чувствуем.

— Я нашла деньги.

Деклан приподнимается на локте.

— Правда? — у него от улыбки загораются глаза, и в них пляшут веселые искорки. Даже если бы захотела, не смогла бы остановить себя и не улыбнуться при виде того, как вспыхивает счастьем его лицо.

— Да, оказываюсь в его объятиях и медленно обвиваю руками его талию. Закрываю глаза и позволяю себе насладиться этим кратким моментом счастья. Это так приятно, и я улыбаюсь, уткнувшись в его плечо.

— На этот раз я действительно постараюсь, Мейв. Обещаю.

Я отстраняюсь, мне нужно видеть его лицо, мне нужно убедиться, что в нем столько же серьезности, сколько слышится в его голосе. Мое сердце начинает биться чаще.

— Ты серьезно? — я вглядываюсь в его темные глаза.

Я молюсь и надеюсь, что это действительно так. Все, что нужно, — это чтобы он один единственный раз на какое-то время остался чист, всего лишь решимость остаться чистым и один человек, который поможет ему в этом.

— Я поддерживаю тебя, — я знаю, что это значит, потому что и раньше делала это. Я сидела здесь рядом с ним, пока его тело кричало об освобождении от агонии. Освобождении, которое я отказывалась ему подарить, даже когда он просил и умолял меня, словно умирающий. Это чувствуется, словно твое тело высыхает и превращается в ничто, оставляя после себя лишь пепел. Но я была рядом несмотря на его крики, угрозы, несмотря на моменты, когда он лежал на полу и плакал по отцу, который давным-давно оставил нас, который никогда не вернется. Я была рядом и держала его, пока его всхлипывания не переходили в беспокойный сон, из которого он выныривал как буйно помешанный. Это продолжалось снова и снова, пока он, наконец, не засыпал крепко и опасность не отступала.

— Мы делали это и прежде, — обхватываю ладонями худое лицо брата.

Он прищуривается.

— Я потерпел тогда неудачу.

— Неудача — это если мы сдадимся. У нас все еще есть шанс.

Он тоже обхватывает ладонями мое лицо.

— Я сделаю это ради тебя, Мейв.

Гордость за него обурекает меня, обжигая горло. Я прислоняюсь лбом к его лбу. Слов сейчас недостаточно.

Сквозь мою радость руки времени тянутся ко мне, я слышу, как медленно отсчитывают они уходящие секунды. Чтобы получить эти деньги, мне необходимо появиться вовремя.

— Я должна идти. Но обещаю, что буду звонить каждый день.

Деклан улыбается и, когда отпускаю его, ложится обратно на свой матрас, и на лице его воцаряется умиротворение.

Направляясь в свою комнату, я понимаю, что приняла правильное решение. Стягиваю себя мокрую одежду и поспешно переодеваюсь в джинсы и красный топ, что был на мне ранее. Переплетаю волосы, достаю сумку с верхней полки, собираю одежду на несколько дней. Беру с собой только выстиранные вещи. У меня и так немного одежды, поэтому мои скудные пожитки уместаются в одну сумку.

«Это всего на пару дней», — снова уговариваю я себя. Это становится уже моей мантрой. Пара дней, и все закончится. Деклан избавится от своих долгов, и сейчас, когда он собрался завязать, может, все и наладится. Я оглядываю комнату и забираю сумку. Не знаю, сколько дней пропущу в колледже, так что беру с собой пару учебников, чтобы не сильно отстать от группы.

Мне нужно проучиться еще три года, чтобы получить диплом социального работника и начать помогать таким детям, как мы с Декланом.

Бросаю последний взгляд на свою спальню и смотрю на часы. Осталось пять минут. Придется брать такси. Запирая свою комнату, задерживаюсь возле двери Деклана. Дверь приоткрыта, и он лежит, повернувшись спиной ко мне. Собираюсь продолжить свой путь, но кое-что заставляет меня бросить сумку и войти к нему.

Одеяло сбилось у него в ногах. Он замерзнет, а я знаю, что моя мать не придет и не укроет его.

Я берусь за ткань и пока поднимаю одеяло вверх по его тощему телу, у меня разбивается сердце от того, в какой скелет, обтянутый кожей, он превратился за это время. А потом я не могу вдохнуть, и кровь застывает в жилах. Резиновый жгут затянут вокруг его предплечья. Пустой шприц торчит из его вены. Я оседаю на пол. Деклан поворачивается ко мне.

— Только один последний раз, — бормочет невнятно он.

На этот раз я не могу сдержать подступившие слезы. Они беззвучно струятся по моему лицу, пока я развязываю жгут и вынимаю иглу из его вены. Кровавый пузырь надувается в месте укола, и я роняю жгут со шприцем на пол. Я просто сижу, уставившись на след от иглы. В моем сознании всплывают воспоминания обо всей боли, через которую мне довелось пройти, и обо всей радости, которая удерживала меня на плаву. Я чувствую себя сломленной... разбитой.

Двенадцать штук спасут положение сегодня, но не завтра. Отчаяние заставляет меня вытащить телефон из кармана джинсов и погуглить «Гадюку» сквозь затуманенное слезами зрение. Нахожу номер, нажимаю вызов и жду. Не знаю, кто мне отвечает, но я прошу позвать

Джека. Стараюсь говорить тише, глядя на Деклана.

Я жду, пока в телефоне играет музыка. Деклан все еще в отключке, и я тянусь к его шее, чтобы прощупать пульс. Чувствую под пальцами пульсацию, и слезы бегут еще сильнее.

— В чем дело? — от голоса Джека я цепенею.

Я натягиваю одеяло на плечи брата. Печальная действительность такова, что я уже ничем не могу ему помочь.

— Сделка отменяется, — произношу я и нажимаю «отбой».

Я знаю, что должна уходить. Мне нужно убираться отсюда. Страх сжимает горло. Меня трясет так, что я не могу сдвинуться с места. Я вцепляюсь руками в спину Деклана, пока меня сотрясает от боли, настолько сильной, что она поглощает все вокруг меня.

— Прости, — я заставляю себя оторваться от него и встать.

Ты сама сказала, что мы терпим неудачу, только когда сдаемся. Так не сдавайся. Голос разума звучит слишком поздно.

Выхожу из комнаты Деклана, набираю девять-девять-девять и жду ответа. Я никогда не делала этого прежде, но мне необходимо хоть что-то предпринять до того, как я уеду.

— Полицейский участок Навана.

— Моего брата преследуют мужчины из-за денег, которые он им задолжал. Они угрожают отправить меня в бордель, — я сглатываю и закрываю глаза, прислонясь к стене.

— Хорошо. Назовите свое полное имя, — голос полицейского звучит так, словно он миллион раз слышал подобные истории. А, может, так и есть.

— Мейв Рейли.

— Адрес.

Я диктую ему свой адрес.

— Как зовут вашего брата?

— Деклан Рейли.

Наступает пауза.

— Деклан нам известен.

Я открываю глаза и отталкиваюсь от стены.

— Его задерживали за мелкую кражу, но это не должно иметь значения. Ему угрожают и преследуют.

— Деклан Рейли находится под следствием по обвинению в смерти бездомного.

Тошнотворная слюна собирается у меня во рту, а перед глазами кружится водоворот страха, затмевая все вокруг.

— Что? — Нет, Деклан и мухи не обидит. — Когда?

— Извините, мы не можем разглашать детали.

— Он наркозависимый, — уже пытаюсь оправдать его я. — Он не в себе.

«Он никому не причинит вреда», — уговариваю сама себя. Прижимаюсь к стене, часто дыша.

— Мисс, я не имею права это с вами обсуждать. Так о каком преступлении вы желаете сообщить?

— С кем это ты там разговариваешь? — передо мной появляется мама. Я убираю телефон от уха.

— Мисс?

Я нажимаю «отбой».

— С полицией.

— Это еще зачем? — моя мать никак не реагирует на полицию. Она давно привыкла, что они барабанят в наши двери.

— Деклана обвиняют в убийстве бездомного.

Моя мать раздражается лающим смехом, заполняя тишину коридора.

— Ты знала? Почему я не удивлена?

— Он этого не делал. Деклан хороший мальчик. Они просто пытаются его обвинить, потому что он — легкая добыча. Эти свиньи не придумали ничего лучше, чем цепляться к моему милому мальчику.

— Я так больше не могу, — в этих словах правда, но я слышала их прежде. Эти же слова говорил мой отец. Неужели его, как и меня, довели до ручки? Нет, я бы ни за что не оставила ни в чем неповинных детей. На него была возложена ответственность, как на взрослого человека, как на нашего отца.

А как же Деклан?

— Не можешь что? Тебя здесь почти не бывает.

— Я хочу позвонить папе, — угрожаю я.

Мать застывает с напряженно натянутой улыбкой на лице.

— Удачи! — ее глаза бегают.

— Ты что-то недоговариваешь? — я понятия не имею, что, но она явно что-то срывает.
— Он умер?

В ее смехе слышится горечь, когда она вынимает сигарету и зажигалку из кармана.

— Этот сукин сын еще как жив и завел себе троих детей.

Я поднимаю руки.

— Не говори мне. Я не могу... — качаю я головой и вынимаю дрожащими руками ключ из кармана. Все это — слишком для меня. Я вхожу в свою спальню, и стены вокруг меня идут кругом. Я теряю рассудок.

Треск ломающегося дерева и вопли моей матери заставляют меня вернуться в гостиную. Понятия не имею, кого ожидала увидеть: отряд полиции, группу захвата или банду гангстеров — кого угодно. Но только не того, кто прямо сейчас направляется ко мне, полыхая яростным взглядом.

Джек О'Риган.

ГЛАВА 7

ДЖЕК

(часом ранее)

Я возвращаюсь с фермы. До сих пор не укладываются в голове новые сведения о том, что в Коннора стреляли и что мы могли предотвратить выстрел в Финна. Мы все проявили бы больше бдительности, если бы знали, что мишенью станет один из нас.

После своего признания Шей больше не проронил ни слова.

Мой телефон оживает, вырывая меня из раздумий. Звонят из клуба. На другом конце Мейв. Что еще случилось? Может, она захотела больше денег? Так я дам ей больше. В конце концов это всего лишь деньги. Я просто заставлю ее расплатиться каким-то другим способом.

— Соедините меня с ней, — что у нее за способность появляться в самый неподходящий момент?

Шей придвигается чуть ближе ко мне. Движение едва уловимое, но мы все проходили подготовку. Мой слух улавливает самые незначительные шумы.

— В чем дело? — рывкаю в телефон, надеясь — она поймет, что лучше сделать это быстро и что я не в том настроении.

Тишина затягивается, что заставляет меня сильнее вцепиться свободной рукой в руль.

— Сделка отменяется, — от ее тихого голоса у меня кровь стынет в жилах, а затем она кладет трубку.

Я бросаю телефон и выжимаю до упора педаль газа.

— Что-то случилось? — интересуется Шей. Он, должно быть, слышал ее голос. Я не уверен, расслышал ли он, что конкретно она сказала. Это неважно.

Снимаю ногу с педали газа и пытаюсь взять себя под контроль, которого добиваюсь от меня мой отец. Он — король контроля и ждет от меня того же.

— Ничего такого, с чем я не справился бы сам, — и я разберусь с этим. Поеду к Мей и приволоку ее к себе домой, если потребуется. От меня никто еще не уходил, тем более она.

— Отец рассказал мне историю нашей семьи. Ты знал, что нашу бабушку застрелила банда?

Я киваю и гоню прочь мысли о Мейв.

— И что с того? Ты думаешь, на них лежит ответственность за перестрелки сейчас? Ту банду поймали и казнили, — я много раз слышал эту историю.

— Да, знаю, — Шей трет губы указательным пальцем. — У меня возникло много вопросов. С какой стати банда ее застрелила?

Я внимательно смотрю на Шея, встречаясь с ним взглядом.

— Ты же понял, о чем я? — спрашивает он.

— У нас много врагов, — отвечаю я, но впервые задаюсь вопросом, почему бабушку убили. Никогда не задумывался над этим. Просто предполагал, что это была конкурирующая банда и бабушка оказалась не в том месте не в то время.

— Как правило, враги расправляются с королями. А не с королевами.

В словах Шея был смысл. Наши женщины были нашими королевами, и обоюдная договоренность всегда существовала. Мы могли сколько угодно калечить друг друга, но наши женщины не должны были пострадать, и это правило соблюдалось всегда.

— Я спрошу у своего отца.

— Я уже это сделал.

Я начал нервничать от резких слов Шея.

— Что он ответил?

— Что целились не в нее, но она просто оказалась в неподходящем месте.

Я бросаю на Шея еще один взгляд.

— У тебя есть ответ.

Шей постукивает пальцем себе по носу.

— У меня нюх на такие вещи. Мой отец говорит, что мишенью была она. Твой отец — что она оказалась не в том месте. Интересно, что скажут Дарра или Шейн?

Мне не нравится, куда клонит Шей. Тот случай не связан с этим. К тому же, это было очень давно. У моего отца нет причин лгать по этому поводу. Если он не хочет о чем-то рассказывать, он просто молчит и все.

Я снова подъезжаю к клубу.

— Предположим, что ты прав и здесь что-то не так.

— Так и есть, — поправляет меня Шейн, и я пока игнорирую это.

— Предположим, ты прав, — начинаю я снова, и на этот раз он не перебивает меня. —

Что, по-твоему, произошло?

— Не знаю, но, должно быть, это что-то серьезное.

— В данный момент я хочу сосредоточиться на Финне, — говорю я.

Шей выходит из машины.

— Я тоже. Но меня хватает на все, — мне не нравится хищный блеск в глазах Шей.

Я возвращаюсь в клуб и оставляю его возле барной стойки вместе с Кианом. Как только Шей садится, Киан вскакивает. Я не могу слышать, о чем они говорят, но Киан кажется взбешенным.

Мне надо поспать.

Но сначала я сделаю одно дело. Беру с собой пару охранников и набираю номер Мейв, когда возвращаюсь обратно к джипу. Надеюсь, она ответит раньше, чем я доберусь до нее.

Телефон молчит.

Я ожидал, что она может отказаться от нашей сделки. Неужели она пришла в клуб ради развлечения, думая, что получит от меня деньги? Неужели она сделала это лишь для того, чтобы обломать меня?

Так вот она на собственном горьком опыте уяснит, что с О'Риганами не стоит играть в игры.

Я никогда не был у нее дома, но знаю район, в котором прошло ее детство. Он располагается недалеко от того места, где мы когда-то жили.

Район, в который я въезжаю, превратился в трущобы. Мой Рендж Ровер привлекает внимание всех паразитов в округе. Ни один из этих никчемных придурков не работает. Мы медленно объезжаем район, но я понятия не имею, где дом Мейв.

Я останавливаюсь около группы молодых людей и опускаю стекло. Они слетаются, как мухи на дерьмо, кружась вокруг машины. Один из парней выходит вперед, ему на голову надвинут серый капюшон, а черный шарф обмотан вокруг шеи.

Достаю из бумажника полтинник и машу перед ним.

— Где живет Мейв Рейли? — игнорируя меня, он смотрит на Фредди, сидящего на переднем сидении со свирепым выражением лица, как у бойцовской собаки.

Парень дергает подбородком себе за плечо.

— Вон там, — он тянется за деньгами, и я прячу купюру обратно. Он переводит взгляд на меня.

— Какой из них? — проговариваю по слогам.

Парень оглядывается на товарищей, которые увлеченно разглядывают мой джип. Для этих поганых отмороzków будет лучше, если они не станут его трогать. Наконец, парень указывает на один из домов.

— Вот этот, — на этот раз я позволяю ему выхватить деньги и трогаюсь с места. Парень отскакивает прежде, чем я успеваю проехать ему по ногам. Останавливаюсь возле дома Мейв. Он не такой, каким я ожидал его увидеть. Это развалюха с крохотным убитым передним двором.

— Лоулор, останься в машине. Если кто-то из них только тронет ее — пальни в них, — я бросаю взгляд на Лоулора, сидящего на заднем сидении, и он кивает мне в ответ. Фредди выскакивает из машины, а Лоулор занимает его место. Я пропускаю Фредди вперед.

Мейв нужно преподать урок.

— Выбей дверь, — киваю я Фредди, и он выполняет приказ, трижды ударяя по двери ногой. Прогнившая древесина легко поддается. Откуда-то доносится женский плач. Фредди

заходит внутрь, и адреналин в моей крови ускоряет сердцебиение, когда я следую за ним.

Это место не может быть домом Мейв. Это помойка. Из-за невыносимой вони мне хочется побыстрее уйти отсюда. Я поднимаю голову и мой взгляд натывается на Мейв. У меня возникает желание подойти к ней и вытащить ее из этой дыры. Но в ее глазах вспыхивает ярость, и я посылаю ей ухмылку, которая излучает немую угрозу.

Мейв смотрит в коридор, а затем подходит к завывающей женщине.

— Убирайся! — ее покрасневшие глаза говорят о том, что она плакала. В мои вены вновь проникает поток угрызений совести, но я вспоминаю, какой наглой она была не так давно. Она заявила в мой клуб в поисках денег. В ее глазах читается все то же отвращение, что было всегда, сколько я себя помню.

— Собери свои вещи, — спокойно говорю я, не позволяя прорваться яростному огню сквозь свои слова.

— Что ты еще натворила? — спрашивает женщина у Мейв и качает головой. У меня тут же возникает желание защитить Мейв.

— Ничего, — сквозь зубы рычит Мейв.

Я делаю пару шагов к ней, и она напрягается.

— Я же сказала — сделка отменяется, — типа отъебись от меня.

— Фредди соберет твои вещи, — с угрозой говорю я и наклоняю голову. Это последнее предупреждение для нее прежде, чем я схвачу ее и затолкаю в свой джип. При мысли о прикосновении к ней я машинально подхожу еще ближе. — Или, может, ты хочешь, чтобы я это сделал? — ухмыляюсь я, и краска заливает ее шею.

Мейв переводит взгляд на женщину. Должно быть, это ее мать. При одном взгляде на нее я узнаю в ней алкоголичку, и до меня доносится вонь от ее перегара. Я хочу выбраться из этого гадюшника.

Я щелкаю пальцами.

— Мое терпение кончилось.

— Ладно, я только... сейчас заберу свои сумки, — руки Мейв дрожат, когда она останавливается возле двери справа от нее, где стоит сумка с чемоданом. Она поднимает их, но слишком долго стоит, уставившись на дверь.

— Живо, Мейв! — рявкаю я, и она подпрыгивает. Бросая на меня взгляд, полный отвращения, она останавливается рядом с матерью.

Тихим шепотом торопливо говорит с ней, но я могу разобрать ее слова.

— Позаботься о нем. Обещай, что сделаешь это.

— Он и сам сможет о себе позаботиться, — отвечает ей мать, скрестив руки на груди.

Какого бы утешения ни ждала Мейв от матери, сейчас она его не получит.

Я киваю Фредди, и он тянет из рук Мейв ее багаж.

— Прекрати! Это мои вещи! — ее крики не останавливают Фредди, и она смотрит на меня.

— Садись в машину, живо, — я жестом приказываю ей поторапливаться. Она повинуется, и злость волнами расходится вокруг нее по воздуху, когда она проходит мимо меня. Я бросаю прощальный взгляд на ее мать.

— Я тебя знаю, — кривит она губы в оскале.

— Нет, не знаешь, — перешагиваю через обломки двери и догоняю Мейв возле джипа. Кучка пацанов внимательно наблюдают за нами. Один из них окликает Мейв, но она не отвечает. Вместо этого открывает заднюю дверь и садится внутрь. Я пристально смотрю на

того, кто с ней заговорил, и парень делает шаг назад.

Сажусь в машину. Фредди устраивается на заднем сидении рядом с Мейв, которая не сводит глаз со своего дома. Я оглядываюсь на место, которое назвать домом язык не поворачивается. Никто не выглядывает ни в дверь, ни в окно, чтобы посмотреть, куда она уезжает. Перевожу взгляд на зеркало заднего вида и встречаюсь глазами с Мейв, в них плещется ярость. Мне становится легче. Я принял верное решение.

Выезжаю из района и направляюсь в сторону своего дома. Никогда прежде я никого не приводил к себе. Понятия не имею, что заставило меня заключить эту сделку. «Преподавать ей урок», — напоминаю я себе.

Звонит мой телефон, и я отвечаю на звонок.

— Я так понимаю, Шей с тобой поговорил? — голос отца звучит спокойно и четко. Это плохой знак.

— Да, Коннор ушел в отставку, передав руководство севером Шею.

— Что еще он сказал?

— Я знаю, что он собирает встречу вечером, — я предан своему отцу, но Шей тоже будет хорошим лидером, и я не хочу лишать его возможности всем сообщить сегодня вечером о том, что Коннора подстрелили. Я окажу ему эту любезность, даже несмотря на неодобрение отца. А он не одобрит.

— Он сказал, в связи с чем созывает собрание?

Свернув с шоссе на боковую дорогу, подъезжаю к улице с несколькими домами. Все они принадлежат О'Риганам. Вместе со мной здесь живут моя кузина Рейчел, дочь Дарры, и Киан.

— Да, с связи с произошедшим с Финном.

— Ты не очень-то общителен. Я предполагаю, что тебе неудобно разговаривать.

Бросаю в зеркало заднего вида взгляд на Мейв. Она уставилась в окно. Она не та причина, по которой я утаиваю информацию, но стала бы прекрасным оправданием, чтобы я мог ответить честно.

— Вообще-то, я кое-что сейчас везу.

Она вскидывает голову, широко распахнув глаза и раздувая ноздри от злости.

— Ладно, я хочу, чтобы ты заехал ко мне перед встречей, — отец вешает трубку в уверенности, что я буду там.

— Как долго я пробуду в плену? — голос Мейв дрожит, и я жду, что она сорвется. Правда, я думал, что она подождет, пока мы останемся одни.

— Ты не пленница. Ты гостя.

Она складывает руки на груди, а у меня в памяти всплывает образ ее, стоящей в моем кабинете в черном лифчике. Загорелая кожа и нежные полушария, идеально заполняющие чашечки бюстгальтера.

— Значит, я смогу уйти, когда захочу? — злость в ее словах заставляет меня остановить ее взглядом, и она благоразумно замолкает.

— Ты уйдешь, когда исполнишь условия контракта.

Ее щеки снова пылают, и это меня радует.

Подъезжаю к большим белым воротам и, нажав кнопку на пульте, открываю их. Выруливаю к парадной двери.

— Фредди, возьми ее багаж, — Фредди выполняет приказ и подхватывает ее сумки.

Достаю ключ из замка зажигания и выхожу из джипа. Открываю для Мейв дверь, но она

не двигается. Она вжимается в сидение как загнанное животное или так, словно может раствориться в коже и исчезнуть.

— Выходи.

Мои слова выводят ее из оцепенения, и она отстегивает ремень безопасности перед тем, как выйти. Запах клубничного шампуня и чего-то сладкого заставляет меня шагнуть ближе к ней. Она застывает и опускает голову, словно испугалась, но я знаю, кто такая Мейв Рейли. Она не девица, нуждающаяся в помощи. Никогда такой не была и не будет.

Фредди с сумками в руках держит входную дверь открытой.

— Можешь отнести их в мою спальню, — говорю я, ступая в прихожую с белыми стенами и не оглядываясь на Мейв, чтобы оценить ее реакцию. В открытом пространстве большая округлая лестница ведет на второй этаж. Я поднимаюсь вверх и оглядываюсь, когда понимаю, что Мейв не следует за мной. Она озирается вокруг, и, вместо восторга, который я привык наблюдать, в ее глазах нет ничего, кроме отвращения.

Эти темные глаза останавливаются на мне, и отвращение теперь обращено на меня. У меня возникает искушение пощелкать перед ней пальцами, но она приходит в себя и поднимается вслед за мной по лестнице. У меня есть несколько комнат для гостей, где она могла бы остановиться, так почему же я открываю перед ней дверь своей спальни?

Мейв входит в комнату и обхватывает себя руками за талию. Лямка ее красного топа сползла с одного плеча. Ее нежная кожа выглядит безупречно. Джинсы в обтяжку подчеркивают все ее изгибы, которые фигурировали во многих моих фантазиях. Я ненавижу ее за то, что она заразила мой разум подобно чуме. Такие, как она, — угроза для общества, они паразитируют на системе и никогда не работают.

«Но именно благодаря таким, как она, набиваются наши карманы», — напоминаю я себе.

Девушка оглядывает мою спальню, а я с громким стуком захлопываю дверь. Мейв подпрыгивает от неожиданности. Она отворачивается и кивает, будто приняв какое-то решение.

— Ладно, — проводит она ладонями по своим джинсам. Я молча наблюдаю за борьбой эмоций, отражающихся у нее на лице. Это почти забавно. Она тянет подол своего топа, и я скрещиваю руки на груди, ожидая ее дальнейших действий.

Мейв бросает последний уничтожающий взгляд на меня прежде, чем стянуть через голову свой топ.

Я сжимаю зубы, сдерживая рвущиеся наружу слова. Она ведет себя так, будто не выносит меня. Такая реакция на меня у нее была всегда.

— Я не в настроении, — говорю ей с ухмылкой, которая точно выведет ее из себя.

Мейв сжимает пальцами топ. Я даже не пытаюсь притвориться, что не плююсь на ее грудь. Ее щеки заливают краской, она в замешательстве. Ну или похожа на человека, постепенно приходящего в себя от тяжелого забытья.

— Чего ты хочешь от меня? — повышает она голос.

Я развожу скрещенные руки и грожу ей пальцем.

— Нет необходимости повышать голос, — делаю к ней шаг и наслаждаюсь ее реакцией. Она обнимает себя за талию, и я упиваюсь ее кожей. Всего лишь пригубить, один раз прикоснуться, заполучить ее на одно мгновение, чтобы погасить тот огонь, что она распалает во мне.

Когда я подхожу к ней, ее грудь быстро вздымается и опускается.

— Я хочу тебя в моей постели, голую. И я хочу трахнуть тебя.

Ее грудь поднимается и замирает. Она задерживает дыхание.

— Я хочу тебя, стоящую на коленях. Я хочу, чтобы ты умоляла меня о большем.

Она выдыхает и качает головой, в ее глазах оживает вызов.

— Я никогда не буду умолять.

Я улыбаюсь, глядя на нее. Искушение прикоснуться к ней слишком велико, и я провожу рукой по ее шее к груди. Она отскакивает от моего прикосновения, и злость от ее реакции заставляет меня засунуть руки в карманы.

— Ты будешь умолять. Я это устрою.

Я, не дожидаясь ее ответа, но спокойно, точно, как мой отец, иду к двери, остановившись перед выходом.

— Эту комнату не покидай. Я вернусь за тобой позже, — не оглядываясь на разгневанную красотку, оставляю ее одну терзаться и переваривать мои слова.

ГЛАВА 8

МЕЙВ

Я касаюсь своей шеи, проводя по тому месту, где меня трогали его пальцы. Внутри меня снова все сжимается. Что со мной не так? Неужели одно его прикосновение способно выбить весь воздух из моих легких? Я встряхиваю топ, чтобы отвлечься от нездорового, пустившего во мне глубокие корни, влечения к Джеку О'Ригану.

Он мудака, который намеревается забрать самое дорогое, что есть у меня.

Натягиваю обратно топ и впервые оглядываю спальню. Огромная кровать занимает большую часть пространства. Во всей комнате присутствует темно-синий цвет: от длинных штор, обрамляющих двойные французские двери, до кресла, стоящего возле внушительных размеров стола. Подхожу к дверям и любуюсь видом. Если бы в моем сердце не было столько черного и синего, оно бы запело прямо сейчас.

Вдали возвышаются горы, за ними простираются холмистые зеленые поля, вдоль которых тянется линия ограждения, не мешающая такому потрясающему пейзажу. Ясное небо нахмурилось, но не смогло отнять этой чистой красоты.

Деньги.

Отвернувшись, я концентрируюсь на столе и принимаюсь открывать ящики. В верхнем обнаруживаю новый блокнот и упаковку ручек. Во втором — канцелярские принадлежности, а третий заперт. Я мысленно делаю себе пометку. Подхожу к двери и дергаю ручку. Она не поддается.

Сколько времени прошло с тех пор, как я видела Джека? Годы? После того дня у них во дворе, когда он назвал меня отребьем, я встречалась с Даной только тогда, когда его не было поблизости. Я избегала его, и, когда бы мы ни встретились, это всегда было очень неприятно. С каждым годом он пугал меня все больше, пока мы с Даной не отделились. Мы продолжали общаться, но это случалось все реже.

Прислоняюсь лбом к дубовой двери и позволяю прохладе дерева вразумить меня. О чем я только думала, обращаясь к нему за деньгами? Каким-то образом Дане удалось убедить меня в том, что Джек не такой уж плохой парень. Она говорила, что он помогал многим семьям. Теперь я задумалась, а не солгала ли она мне.

Деклан. Это все ради Деклана. Прижав руку к двери, я думаю о своем брате. Воспоминания о шприце, торчащем из его руки, так и будут продолжать разбивать мне сердце. Когда-то он был пышущим здоровьем подростком, любившим езду на велосипеде и

быстрые машины. Он был умен и неплохо рисовал. То, что я вижу сейчас, рвет мне душу.

Двойные двери ведут в гардеробную Джека размером с комнату. Я чувствую его запах от каждого кусочка ткани. Он атакует меня, вызывая желание опрокинуть все это на пол.

Это комната Джека. Его спальня. Оглядываюсь на его кровать и ненавижу тот жар, что вспыхивает внутри меня.

Подойдя к висящим в ряд рубашкам, подхватываю одну и вдыхаю его запах, будоражащий мои эмоции. В груди разливается тепло, а кулаки сжимаются.

Углубляюсь дальше в его гардероб и задерживаю дыхание. Даже в колледже, сидя на лекции рядом с одноклассником и чувствуя от него запах прошедшей ночной попойки, мне приходилось пересаживаться, иначе меня могла поглотить ярость и беспокойство за Деклана.

На мой взгляд, запахи обладают такой же силой, как и мысленные образы. Они даже сильнее. Я ненавижу такие моменты, когда запах проникает в мои чувства, начиная выстраивать воспоминания. Иногда мне хочется запечатать запах в бутылочку, чтобы я могла понюхать его в любое время. Например, как пах мой отец после бритья. Пряный и слишком сильный аромат, но он принадлежал только ему. Глубоко внутри меня вспыхивает боль, и я вдыхаю запах Джека. Он успокаивает боль, которая пронзает меня и разжигает мою ненависть.

Повернувшись, я берусь за мраморные ручки на дверцах гардероба и закрываюсь. Свет гаснет, но мне все равно. Я пробираюсь в самый дальний угол и опускаюсь на пол. Кладу голову на колени и позволяю себе погрузиться в одну из сказок Деклана.

Вспыхивает свет, и передо мной возникает его улыбающееся лицо. Мне хочется протянуть руку и потрогать его. Он выглядит таким здоровым.

— А потом великан схватил принцессу и поднял ее в воздух, — Деклан поднимает руку и натягивает одеяло повыше. Мое сердце бьется быстрее, когда я смотрю на его руку, превратившуюся в великана. Темные глаза Деклана впиваются в меня, и он шепчет:

— А затем он выжал все ее кишки. Они полились из ее глаз и ушей.

Я сдергиваю с нас одеяло.

— Фу, какая гадость, Деклан!

В мою комнату заходит папа, привлеченный его хохотом. Папа укладывает меня, а Деклану велит идти спать.

— Расскажи мне сказку.

Папа гладит меня своей большой рукой по макушке.

— Мне кажется, на сегодня сказок тебе достаточно.

— Деклан сказал, что великан выдавил принцессе кишки.

Папа не может скрыть улыбку.

— Она упала на землю... — папа подтыкает мне одеяло, — ... и ее поймал принц.

— Откуда взялся принц? Они были в море, — я с подозрением смотрю на папу, сомневаясь, точно ли он знает эту сказку.

— Принц незаметно пробрался на корабль, чтобы спасти принцессу.

Это имеет смысл.

— Он поймал принцессу и использовал свои целительные способности, чтобы ее вылечить. Вместе они нырнули с борта корабля в море и уплыли в безопасное местечко, где зажили долго и счастливо.

— Слишком быстро кончилась, — дуюсь я, но папа наклоняется и целует меня в

макушку. — Тебе пора спать.

Его слова кружат меня в танце, действуя на меня как приказ, который я не могу игнорировать, и я засыпаю в гардеробной.

Проснувшись, не сразу понимаю, где я. Все вокруг пахнет Джеком. Клуб, контракт, игла, Деклан — внезапно я вспоминаю все. Потягиваясь, выхожу в темную спальню. Ищу выключатель и нахожу один возле двери. Комната выглядит такой же, как и была. Ничего не изменилось. Я пробую открыть дверь, но она по-прежнему заперта.

Безумие какое-то. Так не должно быть.

Проверяю дверь на балкон, и она поддается. Я не ожидала, что она окажется незаперта. На улице резкие порывы ветра со стороны горного склона врезаются мне в лицо. Тело покрывается гусиной кожей под редкими каплями начинающегося дождя. Закрыв глаза, я позволяю ему пробудить меня ото сна об отце, от этого ужаса с Джеком.

— Ты что творишь? — раздается голос рядом со мной, и я поворачиваюсь, отступая к перилам.

В глазах Джека замечаю проблеск страха, и я не знаю, в чем его причина.

— Зайди внутрь, — доносится до меня тихий приказ.

— Я хочу домой. Мне нужно домой. Не стоило мне оставлять Деклана.

— Ты думаешь, это путь домой? — он сводит брови над ледяными голубыми глазами.

— Что? Ты считаешь, я собиралась прыгнуть? — холодный дождь хлещет меня по спине с нарастающей силой.

— А разве нет?

Я не отвечаю ему, потому что мне нравится страх, который вижу в его глазах. Впервые он проявил что-то другое, кроме неприязни или отвращения.

— Из-за тебя, Джек? — иду к двери. — Это вряд ли, — он не двигается, когда я прохожу мимо него. Меня трясет от того, как близко мы оказываемся на краткий миг.

Двери закрываются за мной, и я обхватываю себя руками, ожидая, что будет дальше. Он сказал, что я буду умолять. Это то, чего я никогда не сделаю. Что бы ни случилось, я никогда, никогда не буду умолять Джека О'Ригана.

Его надменность по отношению ко мне заставляет мою ненависть к нему взлететь до новых высот, о которых я даже не подозревала.

— Ты либопустишь меня, либо покончишь с этим, — мое сердце колотится где-то в горле.

— Ты собираешься устроить мне еще один стриптиз? — спрашивает Джек.

Я не отвечаю, и он наклоняет голову набок, словно что-то обдумывая.

Он поднимает руки, расстегивает свое пальто, и я сглатываю, когда он снимает его и бросает на кровать. Джек придвигается ближе, и я делаю шаг назад.

— Я просто хочу домой, — говорю я, держа голову высоко поднятой.

— То место, из которого я тебя забрал? — отвращение в его словах звучит громко и явственно.

Я опускаю руки и отвечаю ему его же монетой.

— Может, у тебя куча денег и шикарных вещей, но держу пари, нет никого, кто бы любил тебя искренне. Ты лишь средство для достижения цели. Решение проблем, — его глаза опасно сверкают, но я игнорирую предупреждение. — Совсем как для меня. Так что да, я хочу вернуться домой, в то место.

Предупреждение в его взгляде тает, когда Джек расстегивает на себе рубашку.

Внизу живота нарастает жар, и я заталкиваю его обратно, поглубже.

— Я не заметил особой любви в глазах твоей матери, — его жестокая усмешка вызывает у меня желание наброситься на него.

— Мои отношения с матерью тебя не касаются.

Его рука взмывает вверх, будто змея, и оборачивается вокруг моей шеи. Страх поднимается глубоко внутри меня и бьет по легким, лишая кислорода.

— Все, что тебя касается, теперь мое дело, — он подталкивает меня назад, пока я не упираюсь спиной в двойные двери. Джек возвышается надо мной, и, когда он наклоняется ближе, я не могу выдержать его пристального взгляда. — Поняла? — его злость вынуждает меня кивнуть. Он сильнее сжимает пальцами мою шею. Я вновь поднимаю на него глаза. От него исходят волны холода, и я боюсь того, что он сожмет ладонь еще сильнее.

— Скажи это, — он гладит большим пальцем мою шею.

— Я поняла, — слова выходят хрипло, и он ослабляет свою хватку на мне, но не отодвигается.

Горло жжет, мне хочется плакать, но это последнее, что я сделаю. Я никогда не покажу ему свою слабость, потому что, как только это произойдет, он проглотит меня без остатка. Или как в той сказке про принцессу и великана, — выжмет из меня жизнь.

Его глаза блуждают по моему лицу. Лед в них, кажется, тает, но не исчезает полностью. Его ноздри раздуваются, как будто он учуял что-то неприятное, и желудок у меня сжимается, когда Джек наклоняется ближе.

Его губы касаются моих. Это невесомое прикосновение лишает меня последнего глотка воздуха, который был у меня в запасе. Его рука на моей шее еще больше расслабляется, в то время как он углубляет поцелуй. Я не отвечаю, когда его теплые губы захватывают мой рот. Крепко сжимаю ноги, когда нервы и все органы чувств в моем теле включаются на полную мощность.

Он прерывает поцелуй, и я рада, что он это сделал, потому что находилась на грани того, чтобы ответить ему. Резко вдыхаю, замечая ненависть, с которой Джек смотрит на меня. Он отпускает мою шею, но вопреки моим ожиданиям не отстраняется. Я жду, что он отвернется и оставит меня, растерянную и жаждущую его. Его взгляд скользит по моим губам, и мой язык предательски облизывает их.

— Ты можешь сдерживаться, сколько угодно, — Джек хватается за подбородок, заставляя посмотреть на него. — Я знаю, что ты хочешь меня.

У меня готова для него лучшая «да пошел ты» ухмылка, которую я только могу изобразить, не вымолвив ни слова. Это срабатывает, но не всегда в мою пользу. Я снова жду, что его избалованная задница отойдет, но этого не происходит. Он заканчивает расстегивать рубашку и только тогда делает шаг назад.

От паники у меня сводит живот. Перед моим взором медленно предстает загорелый торс, рельефный и мускулистый. На боках виднеются татуировки, но я не могу их разглядеть, даже когда он полностью снимает рубашку. Я обхватываю себя руками за талию, представляя, как он накрывает меня своим большим телом. Как это будет ощущаться? Я не думаю, что кому-нибудь удастся уйти от Джека О'Ригана нетронутым. Этот мужчина сложен как бог.

Его презрительная усмешка, говорящая «я вижу, как ты таешь», превосходит все, что я когда-либо видела, и у меня больше нет сил на него смотреть. Он бросает рубашку на кровать, и у меня возникает искушение рассмотреть его, но я заворачиваюсь в последние

крупницы приличия, как в изношенное покрывало.

Едва услышав звук льющейся воды, я делаю дрожащий вдох, понимая, что он ушел в душ, а я осталась одна.

— Ты можешь ко мне присоединиться, если хочешь.

Я слышу улыбку в его словах, и это до чертиков раздражает меня.

— Я лучше выброшусь с балкона, — как только слова покидают мой рот, у меня возникает желание погнаться за ними, схватить и запихнуть обратно. Я жду, что разъяренный и совершенно голый Джек выйдет из ванной и накажет меня. Чего я не ожидаю, так это тихого смеха, который выводит меня из равновесия. Я никогда раньше не слышала, чтобы он смеялся. И слава Богу, что не слышала.

Да, вне всяких сомнений, я уже никогда не буду прежней. Я уверена на сто процентов, что совершила самую большую ошибку, оказавшись на пороге «Гадюки». Я бросила взгляд на дверь спальни, а затем снова посмотрела в сторону ванной. Сейчас или никогда. Я могу сбежать, забрать Деклана и исчезнуть. Поехать в Англию и найти нашего отца.

Прийти к его двери и что сказать? Привет, папа. Помнишь нас? Детей, которых ты бросил.

Знаю одно: мне необходимо убраться отсюда, и сейчас у меня есть шанс.

ГЛАВА 9

МЕЙВ

Я спускаюсь вниз по устланному ковром ступеням лестницы, мои пальцы порхают по белому полированному дереву перил. Все время оглядываюсь, ожидая увидеть за спиной перегнувшегося через перила Джека, сердито глядящего на меня своими голубыми глазами, но каждый раз никого не обнаруживаю. Золотые светильники над огромными картинами заливают коридор мягким светом и отражаются от золотых планок, фиксирующих ковер. Я не удивлена, что Джек декорировал свой дом именно так.

— И куда это ты собралась? — замираю на третьей ступеньке. Я так близка, и только Фредди преграждает мне путь к свободе. Он стоит, уставившись на меня и широко расставив ноги, как будто готов уничтожить меня, если только дернусь.

Делаю еще один шаг и останавливаюсь на второй ступеньке.

— Джек сказал, что я могу осмотреть дом, — я улыбаюсь, несмотря на то, что сердце грозит вырваться из груди.

— Да неужели? — Фредди широко улыбается, но не двигается с места. Его улыбка подсказывает мне, что он ни на секунду не купился на мою ложь.

Я киваю.

— Да, так что не мог бы ты отойти, пожалуйста? — собираюсь миновать последнюю ступеньку, когда Фредди подходит ближе, пока я не оказываюсь на уровне его груди.

— Мистер О'Риган не позволяет таким как ты слоняться по его дому. В последний раз, когда я проверял, ты была здесь, чтобы погасить долг, — взгляд, которым меня награждает Фредди, дает мне понять, что он точно знает, как именно я должна погасить долг, о котором идет речь. Щеки заливают румянец, и вся моя уверенность улетучивается.

— Пожалуйста, дай мне пройти.

Его гадкая ухмылка становится еще шире, и я возвращаюсь на предыдущую ступеньку, понимая, что времени остается очень мало. Слышу его грубый смех, как будто он только что победил. Развернувшись, хватаю его за плечи, резко и быстро поднимаю колена, бью ему по яйцам, и тут же отпускаю. Его лицо приобретает забавный серый оттенок, а затем парень

делает несколько шагов назад и медленно оседает на белый мраморный пол.

Сорвавшись с места, бегу к входной двери. Она заперта, и я не вижу поблизости ключа и не понимаю, как ее открыть. Мне необходимо успокоиться, но я не могу. Адреналин подстегивает меня, и мраморный пол под ногами издает скрипящий звук, когда я поворачиваюсь и мчусь по коридору. Забегаю в кухню, которая заставляет замереть, чтобы рассмотреть ее.

Она похожа на выставочный зал: все хромированное, все новое, все сверкает. Женщина вскрикивает, и я слышу свой собственный крик, когда склоняюсь, проскакивая мимо нее, как пойманное в западню животное, и дергаю ручку двери, ведущую к свободе.

Ничего не происходит, и я дергаю снова. Внутрь врывается ветер и дождь, когда я вылетаю под бушевание стихии, не заботясь о том, что промокну до нитки за секунду. Я держу путь к линии ограды, которую заметила с балкона. Ее высота всего полтора метра, и я без труда преодолеваю ее, отталкиваясь ногами от металлической сетки.

Я не ожидаю перепада высоты с другой стороны, и жестко ударяюсь о землю. Удар выбивает весь воздух из легких. Густые заросли зеленой травы почти не смягчают моего падения.

Я лежу, глядя на сердитое небо и пытаюсь отдышаться. Замечаю какое-то движение возле ограды, и страх, что это может быть Фредди, слишком быстро очухавшийся, заставляет меня попытаться встать. Закрываю глаза от хлещущего в них ливня и собираюсь подняться. Вдыхать больно, и, когда открываю глаза, передо мной больше не сердитое небо, а пара свирепых холодных голубых глаз. Капли дождя падают на обнаженную грудь Джека, и все, о чем я могу думать, — это, что он похож на жестокого, мстительного бога. И сохрани Господь того, кто его разозлил. Я понимаю, что этот рассвирепевший бог здесь из-за меня.

Медленно отползаю назад, слишком медленно. Джек преследует меня, как будто на полном серьезе открыл на меня охоту. Он наклоняется и заслоняет от меня весь свет своими сильными плечами. Обхватывает руками меня за талию, обжигая своим жаром мою холодную кожу, и я взлетаю в воздух.

Какое-то мгновение пытаюсь разглядеть рисунок на его спине. Черные чернила, покрывающие его кожу, скрываются за поясом брюк. Я собираюсь с мыслями и выворачиваюсь из его хватки.

— Отпусти меня! Сейчас же!

Он разворачивается к ограде, и я жду, что он перебросит меня через нее. Он снимает меня с плеча, и я оказываюсь прижата к его груди. Отталкиваюсь от него изо всех сил. Сузившиеся глаза останавливаются на мне, и я замираю.

Слишком. Близо.

Разумная часть моего мозга готова извиниться, умолять о прощении. Но прямо сейчас эта часть плохо соображает.

— А ну отпусти меня! Немедленно! — Джек в два шага преодолевает расстояние до ограды и, легко и грациозно приподняв, опускает меня на землю с другой стороны. Я собираюсь отпрыгнуть, когда он выбрасывает вперед руку и хватает меня за запястье. Схватившись другой рукой за столб, он перемахивает через ограду.

Понты.

В его взгляде не видно торжества от такого маневра. Не выпуская мою руку, он тащит меня под проливным дождем к дому.

Извинись.

Мой инстинкт самосохранения начинает работать. Сжимаю губы, не позволяя себе уступить ему, когда мы заходим на кухню, как две мокрые крысы. Женщина, которая кричала, когда я пробежала мимо, снова вскрикивает, но поспешно замолкает. Не останавливаясь, Джек тащит меня через всю кухню, оставляя позади нас потоки воды. Я снова пытаюсь выдернуть руку, и он через плечо бросает на меня предупреждающий взгляд.

Прохожу по коридору мимо Фредди, и он не улыбается победно, как я могла бы ожидать от него. Вместо этого он выставляет подбородок в сторону Джека, который этого не замечает. Я спотыкаюсь о свои же ноги, когда меня тащат вверх по лестнице. Как только мы оказываемся на верхней площадке, я вновь делаю попытку вырваться, но его железная хватка не ослабевает. Освобождаюсь, только когда он швыряет меня на колени на пол спальни. Колени тут же обжигает от трения. Дверь закрывается, и я не оборачиваюсь и не смотрю на него.

Его ноги появляются передо мной, и я собираюсь подняться.

— Оставайся на коленях. Тебе идет, — его слова наполнены угрозой. Я его довела. Я не двигаюсь. — Думаю, тебе пора начать умолять.

Сердито на него смотрю. Не хочу умолять. Качаю головой, несмотря на то, что губы дрожат от холода, и легкая струйка страха, стекающая по позвоночнику, должна быть моим предупреждением.

Я еще больше злю бога, и он отступает на три шага назад, в то время как медленное движение его губ поджигает мои вены. Я горю изнутри.

Что будет дальше? Я сама в это влезла.

Извинись.

Поднимаюсь с коленей и проглатываю собственную гордость.

— Извини меня.

Не знаю, чего ожидаю: того, что он смягчит свой гнев, или примет извинения, но никак не жду его следующих слов:

— Снимай свою одежду.

Я не готова.

— Я же сказала «извини», — слова мои тихие и бесполезные.

Он качает головой, и вода капает с его темных волос на пол и вниз по груди.

Я снова дрожу. Я могла бы просто покончить с этим, и была бы свободна. Сколько часов я уже здесь? Мне нужны деньги. Мне нужно поскорее расплатиться с долгом, иначе все это будет напрасно.

Не думай об этом.

Я стягиваю с себя топ, и он падает у моих ног.

Ты одна в своей комнате.

Я расстегиваю молнию на ботинках и снимаю их.

Здесь больше никого нет.

Я снимаю носки.

Скоро все закончится.

Я расстегиваю джинсы и с трудом стягиваю их вниз по ногам. Мне приходится встать на них, чтобы снять полностью. Моя кожа покраснела от холода.

Готово.

Я не поднимаю головы, но стою на месте. Если я не увижу его, значит, я смогу это сделать.

— Все, Мейв, — от его слов на моих руках волоски встают дыбом. Мне не нравится то, как звучит мое имя в его устах. У него получается это слишком лично, и я ненавижу, что мне это нравится.

Я не готова.

Вздрагиваю и тянусь за спину к застежке бюстгалтера. Расстегиваю и позволяю бретелькам соскользнуть вниз по рукам, прежде чем он упадет на пол. Моя грудь освобождается, и я с трудом подавляю искушение поднять руки и прикрыться. Вместо этого прижимаю сжатые кулаки к бокам. Я замираю и понимаю, что, стоя здесь, продлеваю агонию этого момента. Я не представляла, что это произойдет именно так. Неужели я должна переживать такое унижение?

Нет.

Стягиваю свои черные трусики и позволяю им присоединиться к остальной одежде, лежащей на полу. Стою прямо, голая, и пытаюсь отыскать свою гордость. «Я сильнее него», — говорю себе, встречаясь с ним взглядом.

Я не могу расшифровать выражение его глаз под прикрытыми веками, когда его взгляд касается каждого дюйма моей плоти, и, когда он скользит по мне, я дрожу от страха, предвкушения и непреодолимого желания прикрыться.

Он переводит взгляд на мою грудь, и ее обдает жаром.

— Со сколькими мужиками ты переспала? — в его голосе слышна злость, и я не могу понять ее причину. Он обходит меня по кругу, будто я призовая лошадь.

Хочу сказать ему, что это не его дело, но не могу найти подходящих слов, когда его дыхание касается моей шеи. Я сдерживаюсь, чтобы не прижаться к нему. Терпеть не могу то, как сильно жажду его прикосновения. Закрыв глаза, пытаюсь думать о чем-нибудь другом, но резко распахиваю их, когда он проводит ладонью по моей груди, а затем накрывает затвердевший сосок.

— Ты возбудилась.

От осознания того, что это правда, меня охватывает ужас. Его рука спускается ниже, оставляя за собой пытающий след. Раздвинув мои складки, он погружает пальцы внутрь, и я задыхаюсь от новых ощущений. Я прижимаюсь спиной к его твердой влажной груди. В меня упирается его длина, и мое тело трепещет, но девственница внутри меня сжимается от страха.

Я вновь задыхаюсь, когда он толкает палец глубже, и выдыхает мне в ухо:

— Ты мокрая, Мейв.

Мне следует сказать ему остановиться, но я не хочу. Никогда и никому я не позволяла трогать себя.

Другой рукой он проходится вдоль моего бока, а затем обхватывает ладонью грудь. Я вздрагиваю от прикосновения к напряженному соску. Указательным и большим пальцем он сжимает сосок, посылая между моих ног боль вперемишку с удовольствием.

— Если ты когда-нибудь снова сбежишь, — его пальцы все еще внутри меня, и он притягивает меня ближе к себе. Его стояк больно упирается в меня и кажется огромным. — Я жестоко накажу тебя, — это обещание, а также то, что он убирает от меня свои руки, заставляя меня резко податься вперед. Он больше не стоит за моей спиной. — Прими душ и оденься.

Я моментально заливаюсь краской, и мне хочется повернуться и посмотреть на него, но я со стыдом и ужасом бегу в ванную.

ГЛАВА 10

ДЖЕК

На деревянный пол гардеробной с моих волос капает вода. Стиснув кулаки, я прислоняюсь к стене. Мне стоило бы войти в ванную и трахнуть ее, покончить с этим, чтобы я мог сосредоточиться на том, что действительно важно. Не хочу, чтобы кто-то вроде нее отвлекал меня. Она забралась мне под кожу, и мне не нравится то, что я при этом чувствую.

Стягиваю джины, член болезненно трется о грубую ткань. Он все еще каменный после того, как я увидел ее обнаженное тело.

Красивые вещи всегда опасны. И Мейв в их числе. Обхватив рукой член, прикусываю губу, чувствуя боль и удовольствие. Избавившись от боксеров, поглаживаю себя, в красках представляя ее в душе. Ее идеальные сиськи, ее розовые соски, которые так и просят, чтобы их пососали.

Что за лютую дичь я здесь творю?

Выпускаю свой член. Мне всего лишь нужно войти туда и наяву вытрахать Мейв из себя.

Так какого хуя я не двигаюсь с места?

На столе звонит телефон, я прохожу к нему через всю комнату. На экране высвечивается имя Киана, и этого достаточно, чтобы мое возбуждение прошло.

Меня так и подмывает не отвечать ему, но, скорее всего, речь пойдет о сегодняшней встрече.

— Да, Киан, — стараюсь, чтобы мои слова звучали ровно и спокойно, как учил меня отец, но в них все равно проскакивает раздражение и скрытое желание сказать «какого хрена тебе надо».

— Я забираю Дану из аэропорта.

Я отхожу от стола и возвращаюсь в гардеробную. Замечаю, что из ванной больше не слышно шума текущей воды. Мой член вновь наливается кровью, но голос Киана совершенно убивает его.

— Просто подумал, что ты захочешь об этом знать.

— Это все? — достаю черный костюм. Он придурок, но даже придурки иногда бывают полезны.

— Знаешь, а по телефону ты еще милее, чем в реальной жизни, — Киан вешает трубку. Охуительно быть таким смелым, когда нас разделяют время и расстояние. Интересно, проявит ли он такую же храбрость на сегодняшнем собрании?

Я узнал, что Дана возвращается домой, когда был с Финном в больнице. Он сообщил то, что мне уже известно.

Услышав приближающиеся тихие шаги, поднимаю голову, и под моим взглядом Мейв замирает. Большое синее полотенце обернуто вокруг ее чертовски сексуального тела. Светлые волосы рассыпались по плечам, и мой член возвращается к жизни. Ее глаза широко распахиваются, когда она смотрит на него.

Она не двигается, и я вижу, как ее взгляд меняется, словно она что-то взвешивает. Мечтаю, чтобы она сбросила с себя полотенце и захотела меня так же сильно, как хочу ее я. Но в то же время не хочу, чтобы она это делала — ведь тогда сделка будет закончена.

Мейв прочищает горло и отводит взгляд.

— Поскольку мы действительно собираемся этим заняться... Мне нужны деньги. Я должна передать их кое-кому. Мое время на исходе.

Она высоко задирает подбородок, и я понимаю, то это ее защитный механизм. Я делаю

шаг по направлению к ней, и она всеми силами старается не отводить глаз от моего лица.

Медленно растягиваю губы в улыбке, и едва заметный, постепенно проступающий румянец на ее щеках вызывает у меня желание прикоснуться к ней.

— Кому ты должна деньги?

— Мужчине, — она крепче сжимает в руках полотенце.

— Надо же. А я было решил, что это женщина.

Она опускает глаза и прикусывает губу, прежде чем снова посмотреть на меня. Я улыбаюсь шире, давая ей понять, что заметил этот промах.

— Мне нужно встретиться с ним лично, — говорит она.

Все дразнящие нотки покидают мой голос, и я останавливаюсь.

— Нет. Этого не будет.

— Я должна. У меня нет выбора, — паника в ее голосе заставляет меня преодолеть оставшееся расстояние между нами.

— Выбор у тебя есть. Я пошлю Фредди, ты скажешь нам, кому должна деньги, и он оплатит долг.

В ее прекрасных глазах мелькает вызов.

— Я пойду сама, или эта сделка не состоится.

— Я не хочу рисковать тобой.

От моего признания она широко распахивает глаза, но я спешу объяснить.

— Не пойми меня превратно, Мейв, — ее щеки заливают краска. — Я не хочу терять двенадцать тысяч. Ты и без того уже достаточно дорого мне обошлась.

— Тогда я пойду с Фредди.

Обхватываю ее шею и откидываю голову назад, ее пульс трепещет под моей ладонью.

— Почему ты думаешь, что можешь вести переговоры? — ее непокорность заводит меня, делая член твердым.

Ее сердцебиение становится еще чаще, и, высунув язык, Мейв нервно облизывает алые губы. Не в силах больше сдерживаться, накрываю ее рот своим, и она замирает рядом со мной. Нажимаю языком на ее губы, крепче сжимая шею, и она, ахнув, открывает рот, позволяя мне вторгнуться внутрь. Когда она отвечает на мой поцелуй, я проталкиваю язык глубже в ее теплый рот и притягиваю ее ближе к своему обнаженному телу. Между нами только полотенце.

Я стягиваю его, и ее плоть прижимается к моей. Она стонет мне в рот, и я приподнимаю ее от пола, не прерывая поцелуя. Ее задница в моих ладонях, а ногами она обхватывает меня за талию. Сжимаю ее ягодицы. Она пахнет моим гелем для душа и еще чем-то приятным. Ее затвердевшие соски трутся о мою грудь, когда я укладываю ее на кровать. Перемена в ее состоянии заставляет меня прервать поцелуй. Она часто и тяжело дышит. В ее широко распахнутых карих глазах плещутся желание и страх. Я тут же перевожу взгляд на ее шею, чтобы проверить, не сделал ли ей больно.

— Джек, — говорит она сдавленным голосом, как будто близка к панике. — Я девственница.

Мой член каменеет, упираясь ей в живот. Эти два слова приводят меня в восторг. Ее не касался ни один мужчина. Я буду первым.

И последним.

— Я буду нежен, — не поддаюсь на ее рискованные слова. Прямо сейчас я брать ее не собираюсь. Она так легко от меня не отделается.

Впиваюсь поцелуем в ее дурманящие губы. От ее возбуждения я ловлю кайф, и мне приходится сдерживать желание взять ее немедленно. Она не прикасается ко мне, вцепившись ладонями в покрывало, лежащее под нами.

Спускаюсь ниже вдоль ее тела, пока не оказываюсь у нее между ног. Раздвигаю их шире, и она пытается подняться.

— Что ты делаешь? — ее голос дрожит.

Я втягиваю ее клитор в рот, и она откидывается на спину. Когда мои пальцы погружаются в ее тесную киску, она сжимается вокруг меня. Провожу языком, заставляя ее извиваться подо мной и вцепиться длинными пальцами мне в волосы. Толкаюсь глубже в нее, пальцами трахая то, что будет моим. Мейв стонет и крепче сжимает мои волосы. Она сладкая на вкус, когда я слизываю всю ее влагу. Она дрожит и выгибается подо мной. Я чувствую, что она уже близка к тому, чтобы кончить. Ее вздохи и стоны становятся все громче, и я двигаюсь быстрее, пока она не вскрикивает, освобождаясь. Ее киска истекает влагой, когда я усиливаю напор, посасывая ее клитор. Замедляясь, убираю пальцы, прежде чем оставить поцелуй напоследок и приподняться, посмотрев ей в лицо.

— Это было впервые? — ее взгляд устремляется на меня, пока она борется, пытаюсь вернуть себе самообладание, но прямо сейчас она слишком далеко, и потому кивает, соглашаясь.

Просто возьми ее прямо сейчас.

Мой член совсем рядом с ее входом, и, не в силах бороться с искушением, наклоняюсь к ней и прижимаюсь губами к ее шее. Мейв кладет руки мне на плечи, в этот раз неуверенно прикасаясь ко мне. Отклонившись назад, я смотрю на нее сверху вниз.

— Чего ты ждешь? — раздражение в ее голосе лишь вызывает у меня улыбку.

— У меня встреча, — оторвавшись от нее, усилием воли заставляю себя вернуться в гардеробную и начать собираться. Я не соврал — если не выеду в ближайшее время, могу опоздать. Мейв ходит по комнате, и, когда я возвращаюсь, она уже одета в мою рубашку. На ее щеках все еще играет румянец, и она скрещивает руки на груди.

— Пожалуйста, верни мне мои вещи, — отрывисто произносит Мейв, не глядя на меня.

Я поправляю галстук, оставляя ее без ответа.

Наконец, она переводит взгляд на меня. Отвернувшись, надеваю пиджак и оставляю ее одну, не закрывая дверь в спальню.

Фредди торчит в коридоре, где я велел ему ждать.

— Я хочу, чтобы ты занес ее сумки, а потом охранял у двери.

Фредди кивает и готовится выполнить мой приказ.

— Фредди.

Он останавливается и смотрит на меня через плечо.

— Если она высунет за дверь моей спальни хотя бы носок своей ступни, я сломаю твои гребаные руки.

Его челюсть напрягается.

— Терпеть не могу некомпетентность.

— Понял, босс.

xxx

Встреча проходит в доме моего отца, когда-то принадлежавшего деду. Но, после того как власть перешла к отцу, семейный особняк также отошел ему. Подъезжаю к широким черным воротам и жду, когда их откроют. Приходится подождать дольше обычного, поэтому

опускаю стекло джипа, улыбаясь в камеру передо мной.

Ворота начинают разъезжаться, и я выруливаю на подъездную дорожку. Похоже, в особняке врубили все фонари. Вдоль всей подъездной дорожки выстроились в ряд машины. Я замечаю Шея. Он стоит снаружи и курит с Найлом, младшим сыном Шейна. Он странно смотрит на меня, затем переводит взгляд на мой джип, когда я подъезжаю ближе к парадным дверям. Моему отцу такая парковка не понравилась бы, но я хочу заявить о себе. Я не такой как остальные, ни в коей мере. Именно поэтому я стану королем.

Едва я выхожу, Шей дергает подбородком в мою сторону, сведя брови вместе.

— Кого мне нужно трахнуть, чтобы занять такой джип? — он затаптывает сигарету своим массивным коричневым ботинком.

— Должно быть, дела на границе идут туго.

У Найла не дергается ни один мускул, когда он прислушивается к нашему разговору. Его волосы, прилизанные гелем, зачесаны набок, белая рубашка поло застегнута на все пуговицы. Я опускаю взгляд на его белые кроссовки.

— Ты можешь передать парочку, так как, похоже, считаешь, что у тебя все в порядке.

— Твой отец видел тебя? — спрашиваю я Найла, останавливаясь в фуге от пацана.

— Нет, а что? — растягивает он губы, выражая свое отношение, и я делаю шаг в его сторону, заставляя его отшатнуться.

— Хочу дать тебе маленький совет. Если ты хочешь, чтобы эта семья воспринимала тебя всерьез, не одевайся как та гопота, что работает у нас на побегушках. Я вижу их на каждом перекрестке.

Он пожимает плечами и поглядывает на Шея. Ему не нравится, когда его отчитывают при свидетелях.

— Ты похож на пидора, — бросает Шей и подмигивает мне, когда входит в дом.

Найл снова пожимает плечами, как будто это единственный сигнал, который посылает его мозг.

— В следующий раз, при мне, одевайся подобающе.

Собираюсь войти в дом, когда он решает подерзнуть.

— Ты не мой отец.

Не поворачиваясь к нему и держа руку на дверной ручке, отвечаю:

— Нет. Не отец. Но скоро я стану твоим королем, — говорю это без капли самодовольства. Просто как факт. Вот, кем я стану для всех членов ирландской мафии.

Королем.

ГЛАВА 11

ДЖЕК

Многие считают, что я взял лучшее от матери и отца в идеальной комбинации. Когда я стоял рядом с ним, у меня никогда не возникало мысли, что я могу с ним сравниться. У него собственная манера поведения, которой мне не дано овладеть. Рядом с моим отцом неизменно царит смертельное спокойствие. Не имеет значения, взрывается ли бомба или дом охватывает огонь. Он спокойно оценивает ситуацию и принимает верное решение. Как, черт возьми, может кто-то с ним сравниться?

Он хотел встретиться со мной перед собранием, так что прямо сейчас мы прогуливаемся с ним по саду, в котором я вырос. В детстве мне было, в основном, не до игр. Мой отец использовал любую возможность, чтобы обучить меня нашему делу, и я впитывал знания как губка. Я благодарен ему за все, чему он меня научил.

— Я не доверяю Шею.

— Ты никому не доверяешь, — замечаю я, в надежде облегчить этот разговор, прежде чем он выйдет за рамки. Свет от фонарей освещает дорожку, которая ведет в большую беседку. Здесь моя мать любила устраивать вечерние чаепития. Она была очень веселой: любила пощекотать меня перед сном и позволяла мне быть просто ребенком. С моим отцом они составляли идеальную пару.

— На то есть веские причины, — отец впервые за все это время поворачивает голову и смотрит на меня. — Он задавал вопросы о твоей бабушке. Что он тебе сказал?

От этой темы мне становится не по себе. Тот факт, что отец спрашивает меня об этом, означает, что Шей, возможно, наткнулся на что-то, на что не должен был.

— Он считает, что вы скрываете правду о ее смерти.

Отец расслаблено держит руки по бокам. Я пытаюсь найти признаки того, что что-то не так, но по его виду трудно что-нибудь понять. На его лице застыло стоическое, бесстрастное выражение, и я жду, когда он начнет защищаться, но вместо этого он шагает вперед.

— Она была прекрасной матерью нам всем. Когда она умерла, частичка наших сердец умерла вместе с ней, — я не слышу в голосе своего отца боли или тоски, но замечаю, что он сжимает руки у себя за спиной.

Ему не все равно.

— Мне не нужен кто-то вроде Шея, откапывающий старые кости, которые нужно оставить в земле, — отец вновь притормаживает, и я вместе с ним. — Ты понимаешь, о чем я?

Я прекрасно расслышал своего отца, но то, о чем он говорит, делать нельзя.

— Он Король Севера. Его убийство может развязать войну, — я не хочу убивать его. Я скрываю этот факт, но уверен, отец все понял по моим глазам.

Отец делает паузу, прежде чем ответить:

— Это будет не первый раз, когда мы ликвидируем Короля Севера.

Слова отца повергают меня в шок. Я знал, что в том налете Шей потерял деда, который являлся не только главарем севера, но и лидером республиканской армии.

Когда ты во главе республиканской армии, в твоём распоряжении десятки тысяч солдат, готовых сражаться за тебя, не задавая лишних вопросов. Они просто понимают, что делают это ради Ирландии, и только это имеет значение. С тех пор, как Коннор занял его место, армию расформировали, но теперь я задаюсь вопросом — а был ли тот налет в действительности?

Я снова смотрю на отца. Неужели передо мной человек, ответственный за него? Мой собственный отец?

— А как же договор? — спрашиваю, пытаюсь вспомнить и удержаться за те традиции, что вбивались в меня с детства.

— Договор всегда соблюдался, — развернувшись, отец зашагал обратно к дому. — Насколько всем известно, конечно.

Неужели в его голосе мне слышится радость? На этот раз останавливаюсь я и отец вслед за мной.

— Что за причины были для убийства Короля? Разве это не противоречит всем нашим принципам? — устранять друг друга — это скользкая дорожка, на которую я не хочу вставать.

— Если Шей продолжит копать, для меня этого будет достаточно, — отец уходит,

оставляя меня ошеломленным. То, что Шей задавал вопросы, казалось мне недостаточным основанием для его убийства. Что, если это часть моего испытания? Что, если отец просто проверяет мое понимание нашей истории и традиций?

Возвращаясь, я ломаю голову, что же в действительности произошло с бабушкой, что заставило наших Королей ополчиться друг против друга.

Медленно бреду к дому. В коридоре встречаю Тагда, еще одного сына Шейна. Получаю от него лишь кивок. Он всегда молчалив и сдержан. Никогда не болтает лишнего, а я не спрашиваю. Теперь же я смотрю на все другими глазами. Если мой отец способен на убийство Короля, что еще он может сделать? Что еще могут сделать его братья?

Здесь собрались все. В комнате, куда я вхожу, стоит большой стол из красного дерева на двенадцать персон. Мемориальная доска над головой моего отца всегда вызывала у меня уважение. На ней выбито слово «Клан». Многие поколения нашей семьи владели ею. Она символизирует важность семьи, верность, уважение. Я опускаю взгляд на сидящего во главе стола отца, его брат Шейн — по правую руку от него, а Дарра — по левую. Я занимаю свободное место рядом с Шейном. Напротив меня обычно сидит Финн, но не сегодня. А место рядом с ним всегда пусто. Это место Коннора, но он никогда не занимал его, и я не задаюсь вопросом, почему. Сейчас в моей голове и так крутится слишком много вопросов. Есть ли причина его отсутствия? Знает ли он, что мой отец расправился с его отцом?

Шей сидит рядом с тем местом, что зарезервировано для его отца. Знает ли Шей? Если не станет меня, следующими в очереди на корону будут пятеро: Киан, Нейл, Оэн, Тагд и, наконец, Колин. Итого целый стол. Собрание начинается.

— В Финна стрелял снайпер. Пока нам мало что об этом известно, но мы найдем того, кто это сделал. С этого момента все должны быть особенно бдительны, — отец обводит взглядом всех присутствующих, прежде чем продолжить: — были высказаны предположения, что предыдущие покушения на семью могут быть связаны с этим, — я смотрю на Шея, борода закрывает большую часть его лица, но легкую ухмылку я замечаю. — Дело не в этом. Так что исключите такую возможность и не тратьте мое время на это, — мой отец переводит взгляд своих темных глаз на Шея. — Спасибо, что присоединился к нам, Шей.

Шей кивает в ответ.

Я не свожу глаз с отца, думая о том, что он уже дал мне добро на убийство Шея; о том, что в языке его тела нет ни капли угрозы.

Шей отодвигает стул и встает, привлекая всеобщее внимание.

— Тебе спасибо, Лиам, — обращаясь к остальным, Шей произносит: — в моего отца стреляли две недели назад. Это был не смертельный выстрел, а лишь предупреждение. Я думаю, это тот же стрелок, что стрелял в Финна, только на этот раз предупреждение было более серьезным.

Я чувствую на себе взгляд отца, но не смотрю на него, зная, что поплачусь за сокрытие этой информации. Я должен был выказать Шею уважение как королю; я так воспитан: не сомневаясь, что к королям нужно относиться именно так.

— Отец передал бразды правления Севером мне, — самодовольная улыбка Шея предназначена моему отцу. — Так что как два Короля, мы вычислим этого сукиного сына, который причинил нам столько боли.

Отец смахивает со стола невидимые пылинки.

— Временно, — роняет он лишь одно слово.

Шей шумно выдыхает и улыбается отцу.

— Временно или нет, прямо сейчас я — Король Севера. Все приказы идут через меня.

Он замещает своего отца с тех пор, как того ранили. Об этом он умолчал.

— Шей, когда ты лишишься этих полномочий... — отец делает паузу, — ... а так т будет, постарайся сделать так, чтобы твоему отцу не пришлось слишком много подчищать за тобой.

Шей по-прежнему стоит, а за столом не двинулся ни один человек. Дарра улыбается, глядя на Шею, и я вижу уважение в его глазах. Никто не смеет идти против моего отца, тем более кто-то из племянников, но Шей сделан из другого теста. Этика северян не такая как у нас.

— В связи с тем, что в твоего отца с большей долей вероятности стрелял тот же человек, что и в Финна, я разрешаю тебе остаться и помочь в расследовании, но вся информация в первую очередь должна поступать ко мне.

Шей кивает и садится.

— Я позабочусь об этом, — его слова больше смахивают на «а не пошел бы ты...».

Шей почесывает бороду, усаживаясь обратно в кресло. Мой отец не оценил бы его неряшливый вид. Я никогда не видел отца в чем-либо, кроме костюма, поэтому на наши встречи я одеваюсь так же, как и он.

— Джек, я поручаю Киану заняться этим делом вместе с тобой, — произносит Шейн. брат отца и его правая рука. Им не стоит рассчитывать на то, что, когда я стану королем, Киан будет моей правой рукой. У меня есть брат, он сейчас не здесь, и он не желает быть частью нашего дела. Он путешествует с компанией друзей по стране моей матери. Временами я жалею, что не выбрал ту же дорогу, что и он, но в моих жилах течет кровь ирландской мафии. Я киваю Шейну.

— Все остальные возвращаются к своим обычным обязанностям, — бросает отец.

Шей поднимает вверх два пальца, будто собирается заказать себе выпивку.

— Еще один вопрос, — произносит он, и я жду, что он начнет улыбаться, но улыбка так и не появляется на его лице. — Испытания Джека закончились? — звучащий вроде бы невинно вопрос на деле совсем не такой.

— Нет, они все еще продолжаются.

На этот раз Шей смотрит на меня и подмигивает.

— Я рад это слышать.

В его исполнении это выглядит так, будто у нас с ним какое-то соглашение, как у двух новых королей. Если он не сбавит тон, его убьют, а может, и меня заодно.

— Больше нет вопросов? — поочередно оглядывает всех отец, и Тагд подает голос.

Разница между ним и Кианом всего год, но, на мой взгляд, он в большей степени соблюдает правила.

— Как Финн?

Вопрос, который мы все должны были задать.

Отец кивает, и я знаю, что таким образом он одобряет вопрос.

— Пока что он дышит.

Слова моего отца нас не обнадеживают. Я уверен, что они сказаны для того, чтобы вселить страх в сердце каждого человека за столом.

— Я связался со своим давним информатором. Он сообщил мне то место, где вы можете начать поиски, — отец достает из кармана лист бумаги и кладет его, прижимая пальцами к

столу. Мы с Шеем одновременно подходим к нему, потому что оба занимаемся этим делом, но отец не разжимает пальцев. — Там небезопасно, поэтому будьте осторожны, когда отправитесь туда, — отец говорит четко, поднимая бумагу и глядя на Киана, который привстает и берет протянутый лист бумаги у моего отца, в то время как я начинаю задаваться вопросом, что за игру он ведет.

— Киан возглавит поиски. Вы оба будете ему помогать, — отец переводит взгляд с меня на Шею. Я сухо киваю, а Шей складывает губы в улыбку, которая таит в себе его фирменное слово «пизда».

— Что за сведения передал тебе твой информатор? — Шей задает вопрос так, словно то, что нами будет руководить Киан — и не проблема вовсе. Я не смотрю на Киана — на его гребаное злорадство — я и так это знаю.

— Один парень, нездешний, расспрашивал о специфической пушке, способной нанести такие повреждения, так что проверьте, слышал ли кто-нибудь о нем. Если он все еще здесь, тогда мы все у него под колпаком, — произносит отец и поднимается из-за стола. — Свободны.

— Думаю, теперь тебе придется меня слушаться, — не теряет Киан времени даром.

— Уверен, ты облажаешься, — шепчу я в ответ и встаю. Шей выходит из комнаты, и я хочу перекинуться с ним парой слов.

— Как ты держишься? — Дарра, мой дядя и брат-близнец Финна, останавливает меня у выхода. Я замечаю, как Шей скрывается за дверями кухни.

— Нормально, а что?

— После того, что случилось с Финном.

Я качаю головой и сосредотачиваюсь на Дарре.

— Да, это жесть, но я уверен, он полностью выздоровеет, — Дарра внимательно смотрит на меня, и я не понимаю, в чем дело.

— Пойдем, покурим? — спрашивает он.

— Да, идем, — оглядываюсь на двери кухни и вижу, как за ними скрывается отец.

В действительности мы выходим не для того, чтобы покурить. Дарра хочет что-то сказать, а у меня хватает ума выслушать, а не бежать вдогонку за Шеем.

— Он приставил Киана следить за Шеем. Ничего личного, — говорит Дарра, как только мы выходим на улицу. Хмыкнув, он замечает: — Я видел, как у тебя вытянулось лицо, когда он передал Киану тот листок бумаги.

Я не стал отрицать, что это меня обеспокоило.

— Ему стоило поговорить со мной.

— Неа. Он хотел увидеть твою реакцию.

Снаружи похолодало, и на небосклоне начали появляться первые звезды. Я задаюсь вопросом, чем сейчас занята Мейв. При мысли о ней, в моем доме, мне хочется поскорее вернуться к ней. Обычно я не горю желанием возвращаться в огромный пустой дом, но больше он не пустует.

— Что ж, он ее получил, — терпеть не могу, когда мне лгут.

— Из-за чего он так цепляется к Шею? Если не обращать внимания на то, что мальчик считает себя богом? — изо рта Дарры вырываются клубы дыма.

Для наших дядюшек мы все дети. Шею почти тридцатник, он мужчина, но я не берусь поправить Дарру.

— Он задает вопросы, — говорю я.

— Его надо пристрелить, — говорит Дарра, коротко хохотнув.

Не уверен, шутка это или он серьезно. От него можно ожидать чего угодно, но они близки с Коннором, так что не думаю, что он станет таким образом вредить своему брату.

— Что за вопросы? — голос Дарры становится гораздо серьезнее.

Уверен, что отец уже рассказал ему. У них нет секретов друг от друга.

— О вашей матери.

Дарра хмурит брови и сжимает губы в тонкую линию.

— Что за вопросы? — он держит сигарету, глядя на то, как от нее поднимается дым, и теперь я понимаю, что что-то не так. Я внимательно наблюдаю за ним.

— Просто он не верит, что ее застрелили.

Дарра кивает и натянуто улыбается.

— Что, по его мнению, произошло?

Я вижу, как напряжены его челюсть и плечи. Что за секреты они скрывают от остальных?

— Случилось что-то еще? — задаю я вопрос.

Дарра бросает сигарету, и неважно, какое выражение он пытается изобразить на лице, оно не может скрыть усталости, которую я замечаю в его взгляде. Теперь он смотрит мне прямо в глаза.

— Ради твоего же блага, сынок, оставь это, — он возвращается в дом, и я знаю одно наверняка.

Я не могу этого так оставить.

ГЛАВА 12

МЕЙВ

Я пытаюсь заниматься, но мой мозг не в состоянии ни на чем сконцентрироваться, кроме того, что только что вытворял со мной Джек своим языком. Воспоминания о его больших ладонях на моем теле заставляют меня захлопнуть книгу. Мне не должно было это нравиться, я не должна была позволять ему коснуться меня там языком. Мои щеки горят, и я отталкиваюсь от стола.

— Это просто глупо, — встаю и уже в третий раз вытряхиваю содержимое своей сумки на кровать. Я ищу свой телефон, но он его, разумеется, забрал. Складываю аккуратно свою одежду, на этот раз разбирая ее по цветам. У меня ее не так много, и на самом деле мой гардероб состоит всего из четырех цветов: красный, черный, серый и зеленый.

Складываю красный свитер и поглядываю на дверь. С тех пор, как несколько часов назад Джек ушел, я открывала ее раз семь, и каждый раз Фредди торчал под дверью. Так или иначе, он должен сделать перерыв.

Я убираю все свои вещи обратно в сумку. Приятно, когда на тебе собственная одежда. Штаны для йоги и большая черная футболка — мое привычное облачение для сна. Знаю, что уже довольно поздно, но не могу заставить себя забраться в кровать Джека. Это кажется неправильным.

Слишком велико искушение. Я всегда знала, еще с детства, что меня к нему тянет. Но сейчас, когда нахожусь рядом с ним, начинаю воспринимать это влечение как одержимость. Я не могу выбросить его из головы. Это нехорошо. Это на самом деле просто ужасно.

Я открываю дверь, и Фредди, зарывав, хлопывает ее перед моим носом. Да, на этот раз мне не удастся так легко выбраться из этой комнаты. Развернувшись, убираю свои сумки с кровати и ставлю их рядом с письменным столом, за который снова сажусь, и открываю

книгу. Жаль, что у меня нет телефона, чтобы узнать, как там Деклан. У меня двадцать четыре часа, чтобы достать деньги, и срок истекает завтра вечером. Мне кажется, я застряну здесь дольше нескольких часов.

Пытаюсь переключиться на психологию, но мой мозг отказывается что-либо воспринимать. Закрыв книгу, бог знает в который раз, я выхожу из-за стола.

В гардеробе, в самом конце, я нахожу то, что искала. Чистый халат. Аромат Джека обволакивает меня, и я делаю глубокий вдох. Внутри меня все дрожит при воспоминании о его руках на мне. Каково бы мне было после того, как он полностью овладел бы мной?

Он отбросил меня как грязь под ногами. Вот, что он на самом деле видел, когда смотрел на меня — отребье. Однажды он уже говорил мне это в лицо.

Сердце сильнее колотится в грудной клетке, и меня охватывает стыд. Я наслаждалась его прикосновениями, хотя не должна была. Я не могла контролировать реакцию своего тела на него, но власть над всем остальным должна быть у меня в руках, — убеждаю я сама себя. Это меня слегка успокаивает, когда я выхожу из гардероба с его халатом подмышкой.

Я устраиваюсь в большом темно-синем кресле и натягиваю на себя халат. В свое время мне приходилось спать в разных сомнительных местах, так что здесь не самое худшее из них, и мне должно быть удобно.

— Где ты был? — моя мать тушит сигарету о линолеум, дыра начинает увеличиваться, и отец топает ногой по плавящемуся покрытию, чтобы не дать ей разойтись еще больше.

— Господи, Джейн. Я уложил линолеум не для того, чтобы ты спалила его к чертям. Я возвращаюсь в коридор и прижимаюсь к стене. Мой отец обычно никогда не ругается.

Слышу звон разбившейся тарелки и закрываю уши. Пол под моими босыми ногами ледяной, и я бросаю взгляд на дверь Деклана. Может, мне его разбудить?

Бьется что-то еще. Затем я слышу звук, который и прежде слышала, но не знаю точно, что это, пока папа не произносит:

— Ударь меня еще раз, Джейн...

— И что ты сделаешь? Дашь мне сдачи? — голос мамы дрожит от гнева, который она не в состоянии сдержать. — Кто на этот раз? Паулина? Лайза? У кого ты проторчал всю ночь?

Дверь кухни открывается, и я слышу, как отец тихо шипит:

— Ты разбудишь детей.

Глаза жжет, и я открываю их, пытаюсь стряхнуть с себя сон. Было ли это воспоминанием? Мысленно возвращаюсь на нашу кухню и как будто через увеличительное стекло вижу след от ожога на линолеуме. Я просто решила тогда, что это была одна из тех ночей, когда она напилась и уснула.

Тру лицо и переворачиваюсь в кровати, но в последнюю секунду ловлю себя на мысли: я не в своей кровати. Я не одна. Я не дома.

Он спит на животе, просунув одну руку себе под голову и повернувшись лицом ко мне. Его загорелая сильная спина обнажена, и я вижу, как по ней раскинулась черная татуировка. До крови прикусываю губу, заставляя свое тело расслабиться. Пытаюсь вспомнить, как, черт возьми, я здесь оказалась, и бросаю взгляд на кресло — халат наброшен на высокую спинку.

Возвращаю взгляд к Джеку. Его темные ресницы лежат на высоких скулах. Сжимаю пальцы в кулаки, чтобы даже случайно не дотронуться до его лица. Крепко зажмурившись, пытаюсь заставить свой пульс замедлиться, и снова открываю глаза. Потихоньку придвигаюсь и жду. Ничего не происходит. Встаю на колени, наклоняясь над его огромным торсом. Господь Всемогущий, он большой, даже когда лежит. Я осторожно придерживаю

одеяло, чтобы не стянуть его с тела Джека слишком низко.

Теперь его спина видна целиком. Я старательно вглядываюсь в рисунок, пока он не становится четким. Это лев в короне, стоящий на задних лапах, как человек. Рисунок потрясающий, и у меня снова возникает искушение прикоснуться к нему.

Я протягиваю руку, и мой пульс бьется в ушах. Кончиками пальцев касаюсь изображения. Мышцы Джека сжимаются, и я отдергиваю руку. Не могу пошевелиться, поскольку меня сковывает ужас от того, что меня застигли. Джек не двигается. Глаза по-прежнему закрыты, тело расслаблено. Я поднимаю глаза в потолок и задаюсь вопросом, какого черта я делаю. Последний раз бросаю взгляд на его спину. Единственное цветное пятно на всем рисунке — это красный глаз льва.

Медленно и осторожно ложусь обратно и отодвигаюсь от Джека как можно дальше. Он мне не подходит. Он разобьет мне сердце. Я не могу уснуть, мне кажется, он опять собирается меня разрушить. Каждый раз, когда пытаюсь закрыть глаза, мое сердце трепещет, словно пропускает удар. Это неприятное ощущение. Я медленно встаю с кровати и бреду в туалет.

Вернувшись в комнату, вижу первые признаки наступающего утра: за горами восходит солнце. Подобрал халат, накидываю его на плечи и дергаю балконные двери. Они поддаются.

Оглянувшись, выхожу наружу и закрываю дверь за своей спиной. Вид открывается потрясающий, и я завидую Джеку, который может любоваться им каждое утро. Я бы поставила здесь небольшой столик и стулья, чтобы завтракать по утрам. Запахиваю и завязываю халат. Этим утром нет ветра, деревья застыли неподвижно, и есть что-то величественное в красном огненном шаре, который поднимается над вершиной горы. Я люблю вид, пока холод не загоняет меня обратно в дом. Нос замерз, и я прижимаю его в халат на плече, прежде чем войти в дом. Кровать пуста, и я оглядываю комнату в поисках Джека.

Шум, доносящийся из гардеробной, заставляет меня закрыть за собой балконную дверь. Джек выходит и при виде меня останавливается. Я понятия не имею, что делать или говорить.

— Это ты уложил меня в кровать? — слетает с моих губ вопрос.

Мой голос заставляет его отойти к прикроватной тумбочке.

— Нет, это сделал Фредди.

При мысли о руках Фредди на мне я резко выпрямляюсь.

— Фредди съездит сегодня с тобой, чтобы отвезти деньги, а потом привезет тебя обратно.

Мне хочется поблагодарить его, но я быстро проглатываю свое «спасибо».

— Могу я получить назад свой телефон?

— Нет, — не глядя на меня, он надевает на запястье золотые часы.

— Могу я воспользоваться твоим?

— Нет, — он кладет телефон в карман брюк. — Если будешь хорошо себя вести, я дам тебе привилегии, в противном случае ты будешь наказана.

Мои щеки заливают румянцем от того, как он произносит «наказана». Мне не нравится то, как сжимается все внутри от предвкушения.

— Я знаю, что прошлой ночью ты несколько раз пыталась выйти из своей комнаты.

Фредди успел доложить.

— Я была голодна.

Джек подходит ближе.

— В следующий раз скажи ему, что ты голодна, и Лиз приготовит тебе поесть.

Лиз, должно быть, та женщина, которую я видела на его кухне, его повар.

Он смотрит на меня, словно чего-то ждет, и я крепче обхватываю себя руками за талию.

Вспоминаю, что на мне его халат, быстро распахиваю и снимаю его. Не поднимая глаз, я протягиваю его Джеку.

— Я замерзла прошлой ночью, — объясняю я, но все же поднимаю на него взгляд, по-прежнему держа халат на весу.

— Меня не будет несколько часов. Так что езжай с Фредди и будь паинькой, — опускаю вниз руку, когда он удаляется, плотно сжав зубы. Он всегда враждебен, но сегодня утром в воздухе витают какие-то другие эмоции, и я понятия не имею, что это такое.

Сообщаю Фредди, что проголодалась, и он, бубня что-то себе под нос, уходит, запирая дверь передо мной. Я слышу, как поворачивается ключ в замочной скважине. Прикладываю ухо к двери и слышу тяжелые шаги по лестнице. Пока он ходит, я принимаю душ и одеваюсь для сегодняшней встречи. Мне не терпится увидеть Деклана и убедиться, что с ним все в порядке. А когда вернусь, надеюсь, Джек заберет то, что ему нужно, и я смогу уйти.

После завтрака я так и сижу взаперти в своей комнате. Кажется, что день тянется бесконечно долго, и я снова пытаюсь заниматься, но у меня не получается. Когда мне передадут деньги, я смогу вздохнуть свободнее, зная, что никто не будет запугивать Деклана или мою мать.

В середине дня приносят чай и бутерброды, и меня снова запирают в комнате. Большую часть дня я провожу на балконе, мучаясь картинками из прошлого. От того, что я нахожусь здесь, оживают старые воспоминания. Думаю, я хотела их забыть. В них мой отец предстал не в лучшем свете. В каждом воспоминании моя мать обвиняет отца в интрижке, и теперь это заставляет меня задаваться вопросом, не в этом ли причина того, что она пьет. Всегда пила. Чувство вины скручивает желудок и сжимает горло, и я поспешно возвращаюсь в комнату. Я уже готова потребовать, чтобы Фредди выпустил меня отсюда, когда дверь открывается, словно он узнал, что я на пределе.

— Пора, — только и говорит он.

Фредди выводит меня к машине, открывает заднюю дверь, и я забираюсь на сидение. Рядом со мной лежит сумка. Фредди усаживается на водительское сидение.

— В ней твои деньги.

Дотрагиваюсь до сумки, и у меня возникает искушение расстегнуть ее, но мне не нужно сомневаться в том, есть ли деньги у Джека. В конце концов, я еду с его водителем в Range Rover. Поправляю черную блузку, она прозрачная, но под ней на мне надета комбинация. Я чувствую себя так, будто иду на собеседование. Из-за нервного напряжения моя кожа зудит. На шее выступает пот. Приподнимаю волосы, чтобы ветер обдувал шею. Фредди смотрит на меня, но я ничего ему не говорю.

Как и было обещано, меня привозят к моему дому. Мне не терпится выйти из машины, но, когда я берусь за ручку, дверь не открывается.

— Открой дверь, — требую я, придерживая одной рукой сумку. Фредди не обращает внимания на мои слова. Вместо этого отстегивает ремень безопасности и поворачивается ко мне лицом.

— Я тебе, блядь, не Джек. У меня на тебя не стоит. Если ты попытаешься сбежать, я

сделаю тебе очень больно.

Я вжимаюсь в сидение, пытаюсь понять, правильно ли его расслышала.

— Если подставишь меня — сильно пожалеешь, — не спуская с меня глаз, угрожает он.
— Усекла?

— Более чем, — судорожно выдыхаю я.

— Шевелись.

— Тебе не обязательно идти со мной.

Он выходит из машины, и я понимаю, что спорить со здоровяком бессмысленно.

Входная дверь заколочена досками, и меня охватывает чувство вины. Я уехала, даже не подумав о том, как они будут ее чинить. Я стучу несколько раз, прежде чем дверь открывается и мать окидывает меня остекленевшим взглядом с ног до головы.

— Я было решила, что ты навечно оставила нас здесь гнить.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться ее лица. Щека распухла, на коже расцветает фиолетовый синяк.

Она вздрагивает от моего прикосновения, и я не собираюсь лгать и говорить, что это не страшно.

— Совсем, как твой отец, — ее слова — как пощечина.

— Я ведь здесь, не так ли? — слабое оправдание для меня.

Ее взгляд опускается на сумку в моей руке.

— Это деньги?

— Да. Что случилось с твоим лицом? — она отступает в коридор, и я следую за ней на кухню, пока Фредди идет за мной по пятам.

— Эти ублюдки вернулись за своими деньгами. Отметелили меня.

Мама садится на стул, и при свете ее лицо выглядит еще хуже.

— Господи, мама. Ты позвонила в полицию?

Она достает из кармана халат сигареты и зажигалку.

— Да. Это было несколько часов назад. Они до сих пор не приехали.

Я бросаю сумку и подхожу к холодильнику: в нем нет ни льда, ни еды. Закрываю дверцу и включаю холодную воду.

— Что они сказали? — спрашиваю я, смачивая полотенце холодной водой.

— Они искали тебя, и я сказала им, что тебя забрал Джек О'Риган.

Каждая клеточка моего тела напрягается, и на мгновение меня парализует. Что это значит?

— Зачем ты им это сказала?

Мать фыркает и показывает на свое лицо.

— Я хотела, чтобы лысый перестал меня бить, — подношу полотенце и пытаюсь приложить к ее щеке, но она отталкивает мою руку.

— Где Деклан?

Мать горько смеется и кривит губы.

— Тебя больше ничего не волнует.

— Где он? — повышаю голос, и он разносится по всему помещению.

— Они забрали его.

— Почему ты сразу не сказала, как только я вошла? — забираю сумку, но понятия не имею, что делать.

— Успокойся, — она достает из кармана клочок бумаги. — Они велели встретиться с

ними здесь, если ты хочешь вернуть Деклана.

Я выхватываю записку из пальцев матери и собираюсь выйти из дома, но на пути встает Фредди.

— Босс приказал мне привезти тебя сюда и вернуть обратно. И ничего больше.

— Фредди, они собираются убить моего брата, — я пытаюсь достучаться до его сострадания, но, судя по выражению его лица, это бесполезно.

— Позвони Джеку, — требую я, но все во мне хочет уйти прямо сейчас. Мне нужно найти Деклана.

— Не.

— Позвони ему! — Фредди даже ухом не ведет на мой крик. Вопль матери за моей спиной заставляет меня обернуться. Она падает со стула.

Я пытаюсь согнуться и помочь ей, когда она хватается меня за руку.

— Беги, — шепчет она, прежде чем снова начинает кричать.

— Помоги мне, — умоляю я Фредди, и он подходит, чтобы поднять мать с пола. Я использую момент, пока он стоит ко мне спиной, чтобы выскочить из кухни.

ГЛАВА 13

МЕЙВ

Не оглядываясь, выбегаю из двора через боковую калитку. Огибаю черный и зеленый мусорные контейнеры, мчусь вдоль стены дома и вылетаю на лужайку. Недалеко замечаю тусовку парней, читающих рэп.

Воздух ощущается таким же раскаленным, как и мои легкие, когда я выкрикиваю имя Ли. Слова, свободно слетающие с его губ, обрываются, и он поворачивается ко мне, стягивая с головы свой неизменный серый капюшон. Я оглядываюсь на дом, и в этот момент входная дверь распахивается, и из нее выскакивает Фредди. Он вертит головой по сторонам, и едва заметив меня, тут же бросается в мою сторону.

— Он хочет меня ударить! — кричу я уставившемуся на меня Ли. Я тяжело падаю в траву, привлекая всеобщее внимание. Поднимаюсь, прижимая сумку к груди, бегу мимо парней, и Ли с пониманием кивает мне. Слышу тяжелую поступь Фредди за своей спиной, и если его что-нибудь не задержит, мне не уйти.

— Эй ты, хуй с горы! — вслед за Ли другие парни сыплют оскорблениями. Я не останавливаюсь, пока не пересекаю большую лужайку, затем выскакиваю на мощеную дорожку и снова мчусь по траве, доходящей мне почти до колена. Передо мной вырастает деревянный забор, окружающий участок. Я бросаю взгляд назад и вижу, что парни обступили Фредди. Тот замахивается первым, и один из парней тяжело валится на землю.

Фредди поднимает голову, словно почувствовав мои мысли, и взгляд его прищуренных глаз останавливается на мне. Отворачиваюсь и сильнее рвусь вперед, врезаясь плечом в забор. Рык Фредди заставляет меня быстрее мчаться вдоль забора в поисках выхода.

Отодвигаю болтающуюся доску, оторванную еще когда я была маленькой. Наклоняюсь и сначала толкаю сумку, а затем притискиваю своим уже не детским телом в открывшийся лаз. Блузка цепляется, но я не останавливаюсь, дергая изо всех сил. Слышится треск рвущейся ткани, и я освобождаюсь, вскакиваю на ноги и подхватываю сумку с земли.

Оказавшись по другую сторону, наполовину иду, наполовину бегу по тротуару, пока мимо проносятся машины. Мои легкие горят, я снова достаю записку. У меня над головой загораются уличные фонари, готовясь к наступающим сумеркам.

Автомастерская в Фулхеме.

По этому адресу держат Деклана. Место в десяти минутах ходьбы отсюда. Почувствовав, что грудь больше не сдавливает, снова перехожу на бег, но на каблуках это не самое легкое занятие. По тротуару сворачиваю в один из переулков к Фулхему. Не представляю, чтобы Фредди были знакомы эти закоулки. Таких парней мы тут не встречаем. Могу только надеяться на то, что я права. Я слишком близко, чтобы меня поймали прямо сейчас. Как только Деклан окажется вне опасности, мне будет безразлично, что случится со мной.

Выхожу к нескольким стоящим в ряд ангарам на задворках магазинов. Между зданиями мне видно главную улицу. Я высматриваю Range Rover. Его будет легко узнать. Мое внимание привлекает рев моторов и звуки голосов. Направляюсь в тупик, где находится автомастерская. Двое больших рулонных ворот ангара открыты, и, судя по доносящемуся из него шуму, внутри много людей. Желудок болезненно сжимается, и я молюсь, чтобы с Декланом все было в порядке. Парочка парней, сидящих снаружи на заднем сидении разбитой тачки, при моем появлении встают.

— Я ищу своего брата, Деклана.

В руках одного из них банка «Тенантс» — один из самых дешевых сортов пива. Его глаза блестят тем блеском, придать который способен только алкоголь.

— Как тебя зовут, красотка? — он подтягивает свои темно-синие спортивные штаны, направляясь ко мне.

— Мейв Рейли.

Парень кивает.

— А, Рейли. Да. Деклан здесь. Он тут зависает, — его ухмылка заставляет второго парня тоже рассмеяться, и беспокойство скручивает мои внутренности.

Жду, что они меня проводят, но парни продолжают на меня пялиться. Второй парень встает рядом, джинсы на его длинных ногах в масляных пятнах.

— Что тебе надо от Деклана? Он сейчас немного торчит, — снова раздаётся смех.

Из темноты ангара выступает еще одна мужская фигура, и я перевожу взгляд на него. Оба парня перестают смеяться, когда ко мне подходит лысый мужик, который приходил к нам домой. Он широко разводит руки. На нем надета все та же кожаная куртка. ВО мне поднимается волна злости, когда в памяти всплывает избитое лицо моей матери, и мне приходится сдерживать себя.

— Твои деньги у меня.

Он широко ухмыляется. Взгляд его голубых глаз опускается на сумку в моей руке. Он щелкает пальцами, и парень, который со мной разговаривал, забирает сумку у меня и уносит в ангар.

— Мне нужен мой брат.

— Теперь ты выдвигаешь требования, да? — мне не нравится ухмылка на его лице.

— Заходи. Твой брат здесь, — он делает приглашающий жест рукой, и я заглядываю в сумрак ангара, но мало что могу разобрать. Шлифмашинка, полирующая дверцу машины, разбрызгивает вокруг себя искры. Они ударяются о пол и отскакивают на расстояние в несколько шагов от машины. Мои глаза медленно адаптируются к полумраку. Здесь полно мужчин, и все они повернули головы в мою сторону.

— Где он? — спрашиваю я. Сердце колотится в груди, пока я высматриваю Деклана. Парень, забравший сумку с деньгами, уже выложил их на стол и начал пересчитывать.

— Посмотри наверх, — шепчут мне на ухо. По спине бегут мурашки страха, и я медленно, с содроганием поднимаю глаза вверх. Мой желудок сжимается, словно я

проглотила какую-то отраву.

— Опустите его вниз, — меня охватывает паника, и я поворачиваюсь. — Опустите его. Пожалуйста, — я до ломоты в теле вытягиваюсь, закидывая голову назад и глядя на Деклана. Он подвешен под потолком за руки на массивных железных цепях. Его лицо превратилось в кровавое месиво. Услышанные ранее на улице шутки о том, что он зависает и торчит, вызывают во мне вспышку ярости, обжигающую мою кожу.

— Пожалуйста, — умоляю я.

Крюк, удерживающий цепи, начинает снижаться, опуская Деклана на пол. Я бегу к нему, и никто меня не останавливает. Тяну к нему руки, желая дотронуться до него. Мне удается коснуться его ботинка кончиками вытянутых пальцев, когда внезапно его движение останавливается.

Я снова оборачиваюсь.

— Понимаешь ли, мы перепроверили свои записи, — и Деклан должен гораздо больше, чем мы думали, — лысый кивает и напускает на лицо сочувственное выражение, которому я не верю.

Я готова заплакать. Что за чушь. Это все из-за того, что моя мать рассказала им о Джеке О'Ригане.

Два человека, которые постоянно разрушают мою жизнь.

— Опустите его, — я говорю тихо, но лысый делает шаг ко мне. Осознавая, что все они устали на меня, держусь рукой за ботинок Деклана, опасаясь, что его у меня отнимут.

— Куколка, хватит качать тут права, — рычит он, приближаясь ко мне, и от его слов кожа покрывается мурашками. Он вскидывает руку. От удара я падаю на пол.

Мое лицо горит, в глазах темнеет. В поле зрения медленно появляются ботинки Деклана, когда меня поднимают с пола и ставят на ноги. Я вижу, как брата вновь поднимают вверх. Тянусь к нему, безуспешно пытаюсь его остановить. Теплая жидкость наполняет мой рот, пока я моргаю, возвращая звезды на небосклон.

Меня тащат сквозь лабиринт машин. Я не отрываю взгляда от Деклана, вновь взмывающего в воздух. Вскрикиваю, когда у меня подгибаются колени и я спотыкаюсь, но меня тут же дергают вверх, ставя на ноги.

— Все на месте, Мясник, — парень, который считал деньги, появляется рядом со мной. Меня передегеривает от того, как он скалится.

Пытаюсь оглянуться через плечо, едва не сворачивая шею, когда меня заталкивают в маленькую комнату. Ноги Деклана исчезают из поля моего зрения, и я не могу сдержать вскрик. В комнате, куда меня втолкнули, на деревянном столе стоит старый телевизор. Оступаю, так как реальность продолжает меня уничтожать, и мне удается не упасть, несмотря на ослабшие колени. Приваливаюсь к стене, пытаюсь обрести равновесие и навести порядок в хаосе своего сознания так же безуспешно, как дотянуться до гелиевого шарика, который уже слишком далеко от меня.

От стука двери все мысли улечиваются. Я выпрямляюсь и встречаюсь взглядом с Мясником. Стараюсь не думать о том, почему его так зовут.

— Твой брат задолжал почти сто тысяч.

Я качаю головой, проглатывая слова, которые, уверена, не придутся ему по вкусу. Пробегаю пальцам по неоштукатуренной стене. Грубый камень не дает мне потерять бдительность; он отвлекает меня от мыслей о Деклане. Все, чего я хочу, — это найти выход из этой комнаты и добраться до брата.

— Я знаю, что у тебя нет таких денег, — Мясник поднимает железный стул, сложенный у стены, испещренной граффити. Он раскладывает его и ставит посреди комнаты.

— Садись, — я сглатываю кровь во рту, и мой желудок бунтует. Снова качаю головой. Если я сяду на стул, то это буде равносильно билету в один конец на дно океана.

Он подходит ко мне. Я ожидаю еще одной пощечины, но мой скальп обжигает болью, когда лысый подтаскивает меня к стулу. Я ударяюсь о него спиной, и под моим весом стул опрокидывается. Я не могу остановить ни падение, ни удар о твердый бетонный пол. Удерживаю голову на весу, чтобы не ударится затылком о пол. Я отползаю по полу, в моем мозгу лихорадочно бьется единственная мысль: я должна выбраться отсюда, пока он меня не убил. Когда его грубые руки усаживают меня обратно на стул, спокойствия нет и в помине.

— Мы немного побеседовали с твоей матерью, и я узнал, что ты скачешь на члене Джека О’Ригана, — он хватается себя за промежность, а я пытаюсь сосредоточиться и успокоить свой разум, хотя он кричит мне, что смерть дышит мне в затылок, и мне нужно бежать. — Так что я в курсе, что ты можешь достать деньги. Мне нужны мои сто тысяч, или я выпотрошу твоего брата там, где он висит.

Мой отчаявшийся разум успокаивается. Он хочет денег. Это всего лишь деньги. Выход есть.

— Я смогу их достать, — заставляю свои губы растянуться в такой улыбке, как будто хирург вырезал ее на моем лице скальпелем.

— Я что, по-твоему, похож на ебаного идиота?

Я мотаю головой, пока из глаз не супятся искры.

— Я смогу их достать. Я знаю, где находится сейф. Я смогу достать... — отчаянно киваю, в то время как слезы затуманивают мне глаза.

— Скажешь Джеку О’Ригану, для кого эти деньги, и твой брат умрет вместе с мамашей.

Он опускается на колени рядом со мной, и я изо всех сил стараюсь не шевелиться, пока он тянется к моему лицу.

— Я рад, что мы понимаем друг друга.

Все внутри меня дрожит, и оцепенение уступает место панике.

— Ты можешь идти, — он встает.

Я поднимаюсь следом, но ноги меня не держат, колени словно губки, впитавшие слишком много воды.

— Твой брат останется здесь до твоего возвращения.

Джек не даст мне сто тысяч. У меня больше не с чем торговаться. Опускаю голову, бредя к двери. Как только я выберусь отсюда, я смогу подумать. От того, что я держу Деклана в этой комнате, толку не будет. С этой мыслью тянусь к дверной ручке.

— Ах да, еще кое-что, прежде чем ты уйдешь.

Оборачиваюсь и обнаруживаю Мясника прямо за спиной.

— Поскачи на моем члене.

От этих слов мне хочется свернуться в позе эмбриона и закрыть глаза, но овладевший мной страх заставляет меня запаниковать и, вскинув руки вверх, вцепиться ему в лицо с такой жестокостью, которая как будто не имеет ко мне никакого отношения. Меня подстегивает что-то дикое, когда я царапаюсь и плююсь.

Вопли Мясника толкают меня еще дальше, и я погружаю большие пальцы в его глазницы. Где-то на краю сознания ужас говорит мне, что, если я остановлюсь, меня изнасилуют, поэтому я борюсь до тех пор, пока не впечатываюсь спиной в пол. От удара весь

воздух выбивается из легких, в мозгу что-то щелкает, переключая меня в «авиарежим», но Мясник тащит меня по полу, и я понимаю, что уже немного поздно.

Надо было бежать. Бежать.

ГЛАВА 14

ДЖЕК

— Я поведу, — Кириан крутит ключи на пальце, и я надеюсь, что кольцо вопьется в его плоть и отрежет ему палец, но ничего не происходит.

— Нет, — хором рываем мы с Шеем. Открывая дверцу своего джипа, встречаюсь взглядом с Шеем. Он забирается на пассажирское сиденье. Кириан захлопывает дверь своей машины и догоняет нас. Он пялится на меня, когда усаживается назад. Ему чертовски повезло, что он сын Шейна.

Едва мы все оказываемся внутри, Кириан закидывает руки на спинки передних сидений, и его голова появляется между мной и Шеем. В опасную позицию он себя поставил.

— Просто гребано напоминание о том, что Лиам назначил меня главным, — переводит торжествующий взгляд с меня на Шею, как будто он сможет рулить этим шоу. Кто-нибудь должен ему сказать, что это не посредственное представление в гребаном цирке.

Завожу джип и ухмыляюсь, позволяя Шею взять это на себя. Знаю, что он справится с этим великолепно.

— Рыжик, а ну съеби назад, пока я не обрушил на тебя свой гнев, — Шей пристегивается, а Кириан откидывается на спинку заднего сиденья. Но сиденье Шею ходит ходуном, когда Кириан пинает его.

— Пни еще разок, и пойдешь пешком, — поправляю зеркало, чтобы он мог видеть, насколько я серьезен. На этом его нападение на кресло заканчивается.

— Так куда мы едем? — спрашиваю я.

Кириан пристегивается.

— Брюс Хилл. Снаружи это место кажется закрытым, но там открыто всегда.

Оставляю зеркало так, чтобы Кириан был в моем поле зрения.

— Откуда тебе так много о нем известно?

— Я пообщался с аборигенами, Джек, — Кириан расплывается в улыбке и начинает что-то жевать. Что? А хрен его разберет.

— Это умно, — подает голос Шей с переднего сиденья, но я игнорирую их обоих. Я не общаюсь с местными жителями. Не важно, насколько разумным это кажется Шею. Короли не опускаются до того, чтобы шляться среди своих подданных. Это все равно, что великан будет ходить среди обычных людей. Так не бывает.

Мой телефон оживает, высвечивая имя Фредди на экране. У меня возникает желание сбросить звонок, но затем я вспоминаю, что он присматривает за Мейв. С самого утра я пытался не вспоминать о ней, но это как пытаться не вдыхать воздух через рот — неудобно, и в конце концов ты втягиваешь воздух полной грудью. Утром ее заинтересовала моя татуировка. Ощущение ее рук на моей спине заставило меня ответить на звонок.

— Да, Фредди.

Фредди тяжело дышит, и меня радует, что телефон на громкой связи, а не возле моего уха.

— Чего ты пыхтишь?

— Она сбежала.

Бросаю взгляд на Кириана: он сидит, уставившись в окно. Не хочу, чтобы он совал нос в

мои дела. Беру телефон и отключаю громкую связь.

— Она обманула меня и свалила. Я заставил ее мать расколоться. Она отправилась в автомастерскую «Фулхем», чтобы завершить сделку. Ее брат у парня по кличке Мясник.

Телефон в моей руке чудом не ломается, когда я сжимаю его, представляя, как сделаю то же самое с ебучей шеей Фредди.

— Автомастерская «Фулхем», — бросаю взгляд в зеркало на Киана, сохраняя в голосе спокойствие, которого ни хрена не чувствую. — Ты знаешь, где это?

Киан ухмыляется, и мне хочется съехать на обочину и выбить из него дерьмо десяти разных цветов, но он, должно быть, почувствовал сдерживаемую мной ярость, которая исходит волнами от моей кожи.

— Это тоже в Брюс Хилле, недалеко от паба, — подает голос Киан. — Этот сервис нелегальный, но парни, что заправляют там, считают, что они главные на районе.

Я откладываю телефон на панель и выжимаю газ до упора.

— Разве они не подчиняются нам? — спрашиваю я. Нам стоит этим заняться.

— Нет. Это небольшая наркогруппировка, они работают независимо. Думаю, ты мог бы стать их поставщиком.

— Думаю и мог бы — два бесполезных слова, Киан. Ты должен это знать. Это не ко мне.

— За нами гонятся? — Шей оборачивается и смотрит через заднее стекло.

Въезжаю в Брюс Хилл и сбавляю скорость.

— Куда дальше?

— Езжай вперед до кольцевой развязки и сверни налево, потом еще раз налево и вниз по дороге, — Киан отстегивает ремень безопасности и придвигается слишком близко ко мне. — Этим парням не понравится, если ты к ним заедешь.

Я следую указаниям Киана, и в поле зрения появляется большой ангар.

— Не хочешь рассказать нам, что происходит? — спрашивает Киан, пока мы подъезжаем к воротам. Двое парней вскакивают, когда я выхожу из Range Rover. Один из них начинает пятиться назад, едва не спотыкаясь о свои ноги, затем поворачивается и забегает в ангар. Должно быть, он собрался предупредить главаря.

Отлично.

Открываю дверь джипа, не оглядываясь, следует ли кто-нибудь за мной.

— Где Мейв Рейли? — спрашиваю у первого парня, который настолько тупой, что не сбежал.

— С Мясником, — показывает внутрь, и я хватаю его сзади за шею и вталкиваю внутрь ангара. — Показывай.

Мы входим в тускло освещенное помещение, заставленное машинами. Мужчины, находящиеся внутри, останавливают свои дела и смотрят на меня.

— Кто из вас, клоунов, Мясник? — толкаю вперед парня, которого держу перед собой. Тот падает, но быстро поднимается.

Никто не произносит ни слова.

— Человек задал вам, пиздюки, вопрос, — становится Шей рядом со мной. У него в руке пушка. Замечаю, что к потолку подвешен человек. Его бледная кожа и худое тело наводят на мысль, что он уже давно тут гниет.

— Там, — один из парней, одетый в комбинезон, указывает на закрытую дверь, и настоящий страх, которого я прежде никогда не испытывал, заставляет меня поторопиться.

— Осторожно, — Шей следует за мной по пятам, а я не свожу глаз с этой чертовой двери. Поворачиваю ручку и открываю дверь.

— Никому не двигаться, — голос Киана раздается позади нас, и я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, с кем он говорит.

Моя кожа яростно горит от развернувшейся передо мной сцены. Внутри меня все бушует, и безумный зверь борется за то, чтобы выбраться из клетки.

Мясник навалился на вопящую Мейв; его штаны болтаются на лодыжках, и он рвет на ней одежду.

Мое благоразумие начинает лететь в чертову бездну.

Оно разбивается вдребезги.

Меня толкает вперед жажда пролить как можно больше крови. Я оказываюсь за спиной этой ебаной скотины раньше, чем он успевает понять, что мы вошли в комнату. Крепко обхватываю руками его жирную шею. Он вдвое больше меня, но ничто не сможет сравниться с адреналином, который подстегивает меня. Я оттаскиваю его от Мейв, и мы оба заваливаемся назад, пока моя спина не встречается с полом. Его туша на мне, и я сжимаю сильнее его шею.

Мясник вскидывает кулаки и пытается ударить меня в лицо, но я держу голову вне его досягаемости, не ослабляя хватки. Дикий рев срывается с моих губ, и я еще крепче сжимаю руки, чувствуя, как его удары превращаются в пощечины. Я хочу, чтобы он сдох.

Встречаюсь взглядом с Мейв, и даже ужас, плещущийся в ее карих глазах, не может заставить меня ослабить смертельную хватку. Я давлю, пока он не теряет связь с этой землей и его кости под моим предплечьем не обмякают. Раздается щелчок, доставляющий мне несказанное удовлетворение, и я отбрасываю его тело в сторону. Внутри меня все еще бурлит жестокость, и я пытаюсь успокоиться за то время, что требуется мне, чтобы подняться и подойти к Мейв.

Она скулит, пытаясь собрать клочья ткани своего топа на груди. Я прикидываю масштаб повреждений на ее теле, разжимаю кулаки и, опустившись на колени, поднимаю ее с пола. Шей маячит у двери и держит наготове пушку.

— Ну что, поехали?

— Да, — отвечаю ему, вынося Мейв из комнаты. Киан, увидев ее, делает шаг навстречу, но останавливается, взглянув мне в глаза. Я не могу сейчас контролировать себя и не хочу, чтобы он был рядом с ней.

— Мой брат, — шепчет Мейв, словно вынырнув из забытья.

— Сначала нам нужно тебя осмотреть, — мы проходим через толпу мужиков, и Мейв настороженно замирает в моих объятиях.

— Нет, там мой брат, — она извивается, пытаясь высвободиться, но я крепче прижимаю ее к себе.

— Нам нужно, чтобы тебя осмотрели.

Мейв не слышит моих слов, у нее начинается истерика. Она отталкивает меня, пытается вырваться из моих объятий, но я не останавливаюсь. Не отпускаю ее. Не могу.

Она кричит и плачет, когда я покидаю ангар.

— Джек, я никогда тебе не прощу.

Я смотрю на нее сверху вниз, борясь с озверевшим чудовищем внутри себя, которое все еще не успокоилось. Снаружи, на свету, видно, что ее лицо опухло, из уголка рта стекает струйка крови. Она выглядит гораздо хуже, чем мне показалось поначалу, когда мы были

внутри. Один вид ее ран причиняет мне почти физическую боль, как будто мою кожу исполосовали ножом.

— Мне похуй, что с твоим братом, — цежу сквозь стиснутые зубы.

— Не смей его бросать, — она тянет руки к моему лицу, и мне с трудом удается удержать ее на весу и увернуться от ее ударов.

Киан подсакивает к нам. Он смотрит только на Мейв, не обращая внимания на меня.

— Обещаю, я спущу его вниз и отвезу в больницу.

Мейв облегченно выдыхает и прекращает свое нападение на меня. Она кивает Киану так, словно без этого он не станет выполнять свое обещание.

— Дай мне слово.

— Я бы не стал тебе врать, — произносит Киан.

Я стискиваю зубы.

— Все сделано? — спрашивает подошедший Шей, сверкнув зубами. Я понятия не имею, какого хрена он улыбается.

Мейв всеми силами старается отгородиться от меня так далеко, как только может. Как только я сажаю ее на заднее сиденье, она отшатывается от меня, как будто, черт возьми, это я на нее напал.

— Шей, ты за рулем.

Шей тормозит у пассажирской дверцы, захлопывает ее и, пританцовывая, обходит машину к водительской стороне. Я забираюсь на заднее сиденье с Мейв.

— Я не хочу, чтобы ты находился рядом со мной, — слезы текут у нее из глаз и попадают в рот.

— Успокойся, — сажусь и закрываю дверь. Я не придвигаюсь к ней слишком близко, но она все равно вжимается в противоположную дверь, словно я могу причинить ей боль.

Она забыла о своем разорванном топе, ее грудь почти вывалилась из лифчика, поэтому я снимаю с себя пиджак и протягиваю ей. Она отворачивается, и я придвигаюсь ближе, чтобы накинуть его ей на плечи.

Она поднимает руку, и мою щеку обжигает пощечина.

— Не смей так больше делать, Мейв, — предупреждаю я.

Усталость в ее глазах быстро сменяется нахлынувшей волной злости и боли.

— Ты бросил его, — она сердито смотрит на меня. — Ты бросил его.

Ее брат показался мне мертвым. Я оказал ей услугу.

— Это он втянул тебя во все эти неприятности? — спрашиваю я. Раз он болтался под потолком, должно быть, серьезно разозлил этих людей.

Неожиданно для меня от нее прилетает вторая пощечина, и я отодвигаюсь от нее, а она забивается еще дальше в угол.

В зеркале встречаюсь взглядом с Шеем, и он улыбается мне.

Я звоню домой Лиз, она берет трубку после третьего гудка.

— Здравствуйте. Резиденция О'Ригана.

— Лиз, это Джек, — негромко отзываюсь я, глядя на Мейв, которая смотрит на меня с ненавистью в глазах. Киан будет гребаным героем.

— Позвони доктору Коффи. Я уже еду домой.

— Ты в порядке? — ее беспокойство никому не нужно.

— Да, Лиз. Просто пригласи доктора.

— Конечно.

Как только отключаю телефон, Мейв подает голос:

— Мне не нужен врач.

С переднего сиденья раздается негромкий смех Шея.

— Нет, лапочка, тебе нужен экзорцист, — его взгляд метнулся ко мне. — Она похожа на одержимую.

— Шей, это тебя не касается, — мой голос звучит тихо, когда я пытаюсь держать себя в руках. С лица Шея сползает улыбка, и он коротко кивает мне.

— Я тебя услышал, — говорит он, сворачивая с главной дороги.

Я громко выдыхаю, прежде чем повернуться к Мейв.

— Тебе действительно нужен врач.

— Нет, не нужен. Мне нужно убраться от тебя как можно дальше.

Я снова начинаю терять рассудок и передвигаюсь на сидении, готовый схватить ее, но страх заставляет меня остановиться. Она боится — это хорошо. Это означает, что она может вести себя хорошо, но я не могу обосновать прикосновение к ней сразу после того, что она только что пережила.

— Мейв, доктор должен тебя осмотреть. Если ты ей не позволишь, то это сделаю я, — угроза не праздная, и она, должно быть, поняла это, поскольку скрестила руки и груди. Она опускает взгляд вниз, быстро застегивает мой пиджак и запахивает полы, пытаясь прикрыться. Сажусь поудобнее, но не отодвигаюсь от нее далеко.

Мой телефон звонит, и я перевожу взгляд на него. Улыбаюсь, как акула, которая заметила каплю крови в океане.

— Ты уволен. Если еще когда-нибудь приблизишься к моему дому, я пристрелю тебя к чертовой матери, — говорю я Фредди и отключаюсь. Шей опять наблюдает за мной, и я пытаюсь отыскать тот контроль, которым славится мой отец, но, черт возьми, прямо сейчас это невозможно.

Меня скрутило, сжало и завело так сильно, что я слишком близок к тому, чтобы снова сорваться.

ГЛАВА 15

МЕЙВ

Наверное, мне стоило бы кричать, плакать или биться в истерике, но ничего такого я не делаю. Прямо сейчас все, что я чувствую, — одна сплошная злость. Не хочу ни рыдать, ни лечиться, ни вообще делать что-то, что там полагается в таких случаях.

Я просто уставилась в окно, пока мое тело вопит от боли. Болит все. Потуже запахиваю пиджак, пока не вспоминаю, кому тот принадлежит. Я отпускаю его полы, но не снимаю. Моя полуобнаженность — это напоминание о том, что случилось, что могло бы случиться, если бы не появился Джек.

Мясник оправдал свою кличку. Он разорвал мой топ в клочья, будто это всего лишь лист бумаги. Он жадно лапал своими ручищами мою грудь, больно царапая мне кожу ногтями. Моей спине больше всего досталось от его издевательств. Повреждений становилось все больше с каждым разом, когда он опрокидывал меня на пол. Наверное, он пытался меня вырубить, пока я сражалась с ним за то, чтобы не дать ему снять с меня джинсы. В тот момент, когда он спустил вниз свои, мой режим полета переключился обратно на борьбу. Если бы в этот момент не вошел Джек, не думаю, что мне удалось бы долго оставаться в сознании. Мясник рано или поздно одолел бы меня.

Подтягиваю ноги на сиденье и прижимаю их к груди. Смотрю на свое отражение в

стекле, задаваясь вопросом, куда же делись слезы, потому что не чувствую никакого жжения в горле или носу — обычных признаков того, что я вот-вот заплачу. Джип продолжает движение, и я чувствую Джека рядом с собой. Он слишком близко, и мне хочется, чтобы он сел с другой стороны, но сказать ему об этом — значит признать его присутствие.

Подъезжаем к воротам его дома, и желудок у меня сжимается. Не знаю, чего ожидала: возможно, того, что меня подбросят до дома? Или отвезут в больницу?

Джип медленно останавливается у входной двери, и Джек придвигается ближе ко мне. Я поворачиваюсь, когда замечаю, что он тянется ко мне.

— Не трогай меня!

Его бесчеловечность, с которой он оставил моего брата умирать, разъедает все хорошие мысли о нем. Я встречаюсь со взглядом его холодных голубых глаз. Опять у меня возникает желание наброситься на него. Как он мог? Он продолжает смотреть на меня.

— Я хочу поговорить с Кианом, — по крайней мере, у него есть сердце.

Джек не отвечает. Сжимает зубы, отодвигается от меня и выбирается из джипа.

— Ответь мне, — кричу я ему вслед, но он закрывает дверцу.

Когда дверь закрывается, я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, но швы, которые сдерживали меня всю мою жизнь, истончились и начали постепенно разрываться. Слышу, как кто-то хмыкает, и вспоминаю про водителя. Он мне не нравится. Кажется, он все время ухмыляется. Он О'Риган, в этом нет сомнений. Все они такие самодовольные, и этот не исключение.

— Ты останешься сзади? Лапочка? — у него сильный североирландский акцент, и то, как он говорит «лапочка», звучит как оскорбление. Я не успеваю ответить, так как дверь открывается прежде, чем я дотрагиваюсь до ручки. Джек открывает ее медленно, чтобы не напугать меня, и отходит в сторону, чтобы я вышла.

— Мне надо поговорить с Кианом, — повторяю я, но мой голос слаб.

— Потом, — лишь одно слово цедит он сквозь стиснутые зубы, и пока что я довольствуюсь и этим. Это лучше, чем его сердитое молчание.

Выходя из джипа, удивляюсь, что могу держаться на ногах. Крепко вцепившись в пиджак, захожу в дом и молча поднимаюсь по лестнице. Двигаюсь с трудом, спину пронзает боль. Останавливаюсь на полпути, чтобы попытаться отдышаться. За спиной слышу его тяжелые шаги и взлетаю в воздух, когда Джек подхватывает меня на руки. Его объятия удивительно нежны, но я ничего не хочу от него.

— Опусть меня на пол, — мой голос звучит странно даже для моих собственных ушей.

Джек не смотрит на меня и не выпускает из рук, пока мы не оказываемся в его спальне, где он опускает меня на кровать. Я отползаю от него подальше; он вызывает во мне только злость и отвращение.

— Доктор Коффи тебя осмотрит, — говорит он, внимательно меня разглядывая.

От боли такой силы, словно по животу прошлись острием гвоздя, мое зрение затуманивается.

— Чтобы что? Хочешь удостовериться, что я осталась чиста? — мои слова взлетают ввысь и хлещут его, как кнут.

Он молча подходит к двойным дверям, выходящим на балкон. Я остаюсь сидеть на кровати, размышляя о том, что случилось со мной. Меня пытались изнасиловать. Моего брата подвесили к потолку. Такие вещи происходят в кино, а не с такими как мы, обычными людьми. Деклан не заслужил такой участи. Он просто связался не с теми людьми.

Звук шагов на лестнице заставляет меня переключить внимание на дверь спальни. В комнату заходит женщина с короткими каштановыми волосами и очками в белой оправе. Она держит в руках черную сумку и тепло улыбается мне. Ей около шестидесяти, и в ней чувствуется материнская теплота.

— Я доктор Коффи, — она высокая, и ее белый шерстяной свитер под горло кажется колючим.

— Я хочу, чтобы вы ее осмотрели, — не поворачиваясь, произносит Джек.

Горечь наполняет мой рот.

— Он хочет, чтобы вы удостоверились, что я осталась чиста, — говорю я доктору Коффи.

Она смотрит на Джека и достает из сумки инструменты, словно не слышала моих слов. Скольких людей она залатала для него? В скольких ситуациях она дарила свою теплую материнскую улыбку? Это сделало ее почти такой же испорченной, каким является он.

— Не беспокойся. Он меня не изнасиловал, — говорю я Джеку. То, что он сделал, гораздо хуже. Моя грудь болит от его грубых рук. Страх перед тем, что должно было произойти, заставляет меня чувствовать, будто это уже случилось. Как будто Мясник забрал часть меня, на которую у него не было права.

Джек поворачивается к доктору Коффи:

— Мне нужен полный отчет.

— Конечно, мистер О'Риган.

Они оба игнорируют меня, как чашку со сколами, которую нужно оценить. Стоит ли склеивать меня заново или уже нет смысла?

Я уже недостаточно хороша, чтобы со мной разговаривать?

Джек направляется к выходу, и страх сжимает мое горло и заставляет вскочить с кровати.

— Посмотри на меня, — громче произношу я, и он останавливается в дверях, но не поворачивается. Он застывает, вцепившись в дверной косяк.

— Что такое, Джек? Тебе не нравится делиться своими игрушками? — подстрекая его, я хочу, чтобы он набросился на меня, чтобы я могла дать сдачи.

— Мейв, позволь доктору тебя осмотреть, — хрипло и тихо говорит он.

Я подхожу ближе к нему. Его спина вздымается.

— Я видела это в твоих глазах, — мое зрение затуманивается, а горло обжигает. — Ты убил Мясника не потому, что он делал мне больно. Ты убил его, потому что наслаждался собственной властью, — Джек открывает дверь, и я жду, что он уйдет, но он оборачивается и смотрит мимо моего плеча.

— Дайте нам минутку, — обращается он к доктору и отходит в сторону, выпуская ее из комнаты. Она не останавливается, проходя мимо меня. Джек приближается ко мне, и я делаю шаг назад. Мой режим выживания включается, и я затыкаюсь. Он свернул шею Мяснику. Не думаю, что когда-нибудь смогу забыть выражение безумия в глазах Джека в тот момент, даже когда буду делать свой последний вздох.

— Я наслаждался. Получал удовольствие от каждой секунды, — глаза Джека сверкают как расплавленная сталь, и я делаю еще один шаг назад. — Все, чего мне хотелось — растянуть время, чтобы пролить как можно больше крови этого животного.

По моей коже бегут мурашки. Дверь все еще открыта, и я уверена, что врач слышит его слова. Сколько секретов она унесет с собой в могилу?

— Я бы сделал это снова, — слова Джека звучат резко, и он протягивает руку, касаясь моей шеи. Его пальцы похожи на крылья бабочки, мягкие и нежные, но они как будто проникают мне под кожу, и я закрываю глаза, позволяя слезам пролиться.

Мы застыли в этом мгновении. Я могу ненадолго остаться здесь, где плоть Джека согревает меня, где его прикосновения дарят ощущения безопасности, где воздух наполнен его дыханием. Да, я не против остаться здесь.

Его рука отстраняется слишком быстро, забирая с собой все это. Это похоже на то, как выдергивают вилку из розетки системы жизнеобеспечения, и что-то во мне ломается, когда я открываю глаза.

— Я предупреждал тебя не убегать, но ты нарушила мое правило. Поэтому ты будешь наказана.

Кровь начинает бурлить в моих венах, жар обжигает лицо и шею. Я вспоминаю, как он душил Мясника, какой дикий рев срывался с его губ. Комната кружится, и перед глазами вспыхивают пятна.

— Что ты сделаешь со мной?

Теперь, когда я знаю, на что ты способен.

Умолять. Броситься на него.

Мой разум продолжает выдавать решения, которые мое истерзанное тело даже не в состоянии осмыслить.

— Я еще не решил. Сейчас доктор Коффи вернется в эту комнату и осмотрит тебя, — его зубы стиснуты так, словно они раскрошатся, если он сделает еще одно движение.

Но при мысли о том, что он оставит меня, еще худший страх заползает глубоко в мое сердце. Понятия не имею, почему, но я качаю головой.

— Мы так не договаривались, Джек. Я не могу торчать здесь. Мне нужно увидеть брата.

— Ты не выполнила свою часть сделки.

— Так сделай же это! — я повышаю голос, и он делает угрожающий шаг ко мне, но я уже на пределе. Мне нужно знать, что с моим братом все в порядке.

— Следи за своим тоном, — его голос спокоен, и меня это так бесит. Я не могу себя контролировать. Внутри меня все кричит и ревет.

— Я ненавижу тебя! — на этот раз я сама делаю шаг к нему и бью его ладонью по лицу. Мое запястье болезненно сжимается в его железной хватке, и меня отбрасывает спиной к стене. — Отстань от меня! — упираюсь обеими руками ему в грудь, но он не отпускает меня.

— Ненавидь меня, сколько хочешь, но, несмотря ни на что, ты не покинешь это место, пока не выполнишь условия договора.

Он отпускает меня и поворачивается, оставляя меня задыхающейся и дрожащей. Входит доктор Коффи и одаряет меня той же теплой улыбкой, что и в первый раз.

— Почему бы тебе не снять одежду и не дать мне осмотреть тебя? — она закрывает дверь, а у меня в голове все еще крутится мысль о том, что меня накажут. Что он собирается сделать?

Дрожу, освобождаясь от его пиджака. Мой топ, разорванный в клочья, сползает до талии. Похоже, моя злость испаряется и что-то, имеющее глубокие корни, берет верх, вызывая дрожь в руках.

— Давай я помогу, — доктор Коффи достает ножницы и подходит ко мне. Я держу руки по швам, пока она срезает топ с моей талии. Сосредотачиваюсь на ее шоколадно-коричневых вельветовых брюках. Она кладет ножницы на кровать и осматривает мою грудь. Я

фокусирую взгляд на двери за ее плечом.

Она качается пальцами моей груди, и я шиплю.

— Я лишь проверяю, чтобы убедиться, что ничего не сломано.

— Я не думаю, что что-то сломано, — честно отвечаю я. Мне просто хочется, чтобы она оставила меня в покое. Синяки и побои доставляют неприятных ощущений больше, чем все остальное.

Она осматривает мой живот, а затем разворачивает меня. Спина болит при каждом прикосновении.

— Спина сильно повреждена, но все раны поверхностные. Это заживет, — она поворачивает меня обратно. — Почему бы тебе не снять брюки и не прилечь?

— Я в порядке, — скрещиваю руки на груди.

— Мистер О’Риган запросил полный осмотр.

— А как насчет того, чего хочу я? Меня буквально недавно пытались изнасиловать, а теперь обращаются со мной, как с преступницей. Ничего не было.

Доктор Коффи кивает, берет меня за руку и подводит к кровати, как будто я не произнесла ни единого слова.

— Лучше нам просто проверить. Это займет всего секунду.

Я расстегиваю джинсы и спускаю их по ногам, понимая, что спорить бессмысленно.

— И твои трусики.

Она врач.

Я повторяю эту мантру в голове, снимая белье и укладываясь на кровать. Звук надеваемых резиновых перчаток заставляет меня закрыть глаза.

— Я просто быстро посмотрю.

Я киваю, не в силах что-либо сказать.

Она держит свое слово и не задерживается между моих ног. Осмотрев меня, поднимается, снимает перчатки и исчезает в ванной. Услышав звук льющейся воды, я сажусь, моя спина кричит от боли, но я не могу валяться здесь голой дольше, чем нужно. Прикрывая руками свою интимную зону, прошу:

— Не могли бы вы передать мне сумку рядом со столом?

Доктор выполняет мою просьбу и кладет сумку на кровать. Пока она возвращается к своему чемоданчику, я достаю и надеваю свои штаны для йоги и большую футболку. На прикроватной тумбочке появляются таблетки.

— Принимай по две таблетки три раза в день. Они помогут справиться с болью.

«Как насчет чего-нибудь для стирания воспоминаний?» — хочется мне спросить. Вместо этого киваю ей, чтобы она поскорее ушла. Она как-то странно мешкает возле кровати, но, что бы это ни было, это проходит быстро, и она собирает свои инструменты и оставляет меня в одиночестве.

Чувствую себя как разбитая машина, брошенная на обочине дороги. Ложусь на спину и подтягиваю колени к груди. Я готовлюсь позволить боли пролиться из моих глаз, но сейчас я слишком разбита, чтобы плакать.

ГЛАВА 16

МЕЙВ

Три дня.

Три дня я заперта в этой Богом забытой спальне.

Мне приносят и уносят еду.

День сменяется ночью.

Открываю глаза. Для меня наступает следующий день, и я сажусь в кровати. Комната за ночь не изменилась. Джек так и не появился. Как долго он собирается держать меня здесь взаперти? Дверь на балкон закрыта с первого утра, как я проснулась здесь. Это единственный признак того, что Джек побывал в этой спальне. И это последний раз, когда кто-то входил в комнату без моего ведома.

Встаю с кровати и дергаю дверную ручку. Лоулор запер ее в первый день моего пребывания здесь, после того, как я три раза открыла ее. Он свирепее Фредди. В первый раз когда я открыла дверь, он пригрозил, что сделает мне больно, если я не войду обратно.

Я ему поверила.

Я пыталась еще дважды, когда думала, что он ушел. Наказанием стала запертая дверь, которую отпирали, когда приносили или уносили еду.

Не знаю, что случилось с моим братом и не могу оставаться здесь больше ни дня. Надеваю джинсы и черный свитер, а затем заплетаю волосы в косу. Заправляю кровать по привычке, от скуки и из чувства вины.

Я никогда в жизни никого не ударила. Независимо от ситуации, в которую попадала, насилие — не то, к чему я стремлюсь. Тот факт, что несколько раз ударила Джека, лежит тяжким камнем на моей совести. Мне почти каждую ночь снится, как моя мать поднимает руку на отца. Не уверена, настоящие это воспоминания или мои собственные чувства вины и стыда, знаю только, что никогда больше не буду так делать. Не имеет значения, до какой степени меня доведут, я найду альтернативу. Слишком много времени своей жизни я потратила на то, чтобы постараться не стать такой как моя мать. Не пила и не курила, однако сейчас сделала худшую из возможных вещей — ударила человека.

У меня нет часов, и я понятия не имею, сколько времени, но знаю, что скоро на лестнице зазвучат тяжелые шаги Лиз в разношенных туфлях и на этот раз она не выйдет отсюда, не взяв с собой меня.

Мой желудок делает кувырок, когда поворачивается дверная ручка. Я не слышала шагов Лиз. Стою у края кровати, заложив руки за спину, и ожидаю, кто это окажется. Может, кто-то другой из обслуги, у кого легкие шаги, принес мне еду. Возможно, мне проще будет убедить этого человека помочь мне.

Дверь открывается, и взгляд холодных голубых глаз останавливается на мне. Атмосфера в комнате меняется, и мне кажется, что я вдыхаю в себя слишком много кислорода. Я чувствую себя странно, когда в комнату входит Джек, — словно меня здесь нет.

Его белая рубашка помята, а три верхние пуговицы расстегнуты, открывая загорелую кожу. Сглатываю, замечая пятнышки крови на полах рубашки. Я опускаю взгляд на его манжеты, которые выглядят так, будто побывали в крови и впитали ее как губка. Подхожу к нему, но он резко отворачивается от меня и делает шаг к гардеробной. Я знаю, что дверь в спальню открыта. Так почему я иду вслед за ним?

— Что случилось? — мой пульс учащается, когда Джек снимает рубашку.

Он бросает ее на пол, достает новую и поворачивается ко мне, снимая ее с вешалки. Я осматриваю каждый сантиметр его идеального торса, ища причину появления крови, но, похоже, на нем нет никаких следов.

Все, что я вижу, — это совершенство. Совершенный пресс с шестью кубиками, спускающийся вниз за пояс джинсов.

— Ты ранен? — мой голос звучит пронзительно.

— Нет, — Джек, расстегивая пуговицы на рубашке, наблюдает за мной.

Я медленно киваю, и мой пульс начинает понемногу успокаиваться. Конечно, это не его кровь. Я немного обескуражена тем, что моей первой реакцией было последовать за ним сюда, а не за своей свободой.

— Что с моим братом?

Он шумно выдыхает, надевая рубашку и застегивая ее. Под глазами у него темные круги, как будто он не спал несколько дней.

— Мне просто нужно знать, что с ним все в порядке, — делаю шаг к Джеку. Он такой большой, а я чувствую себя такой слабой и несуразной рядом с ним. Понятия не имею, почему я вообще считала, что смогу одолеть Джека О'Ригана.

— Он выздоравливает в больнице Навана, — его слова холодны, как декабрьское утро.

Ухватившись за полку, я с облегчением выдыхаю:

— Спасибо.

Джек снимает ботинки, и я уже собираюсь выйти, когда он расстегивает пояс брюк.

— Дана дома. Она собирается остаться здесь на несколько дней.

Меня захлестывает унижение, жар поднимается по груди, а его палящее пламя охватывает мое лицо.

— Пожалуйста, Джек... — я делаю еще шаг к нему, и он оборачивается. Гнев, вспыхивающий в его глазах, заставляет меня отшатнуться от него, пока моя спина не врезается в полку.

— Не говори ей, — шепчу я. Мне будет слишком стыдно, если она узнает, что я продала свое тело за деньги.

— Она думает, что ты здесь, со мной, — Джек снимает брюки, и я пытаюсь не опускать взгляд ниже его талии.

Не получается.

Мышцы его массивных бедер словно перекачиваются при каждом движении.

Мне хочется спрятать в ладони пылающее лицо.

— Так ты сказал ей? — цежу сквозь стиснутые зубы.

Джек надевает чистые джинсы и подходит ко мне, не застегивая их.

— Я сказал сестре, что мы вместе. Так что, когда она увидит тебя, тебе лучше бы вести себя соответственно.

Его слова оказывают на меня странное воздействие.

— Вместе? Как будто я здесь по своей воле?

Взгляд Джека падает на мои губы.

Я не могу остановить подкатывающий к горлу смех.

— Она в это ни за что не поверит.

Джек стремительно хватается за полку рядом с моей головой.

— Может, тогда мне стоит сказать ей правду? — он наклоняется, его дыхание обдувает мое лицо. — Как ты пришла ко мне и согласилась трахнуть меня за деньги.

Воздух замирает в моих легких от его грубых слов.

Он наклоняет голову так, что я больше не вижу его глаз.

— Ты хочешь, чтобы она узнала такое о тебе? — в его голосе слышится ликование. Он нашел уязвимое место и теперь будет давить на него.

— Нет, — произношу с дрожью, закрывая глаза. Он касается губами мочки моего уха, и, готова поклясться, глубоко вдыхает.

— Тогда будь паинькой и притворись, что мы трахаемся по-настоящему, — веселье в его голосе говорит мне, что он никогда по собственному желанию не стал бы трахаться со мной. Меня вновь окатывает волной стыда, я протягиваю руку себе за спину и, чтобы устоять на ногах, вцепляюсь в нижнюю деревянную полку.

Он как будто наклоняется ближе ко мне, и я распахиваю глаза, замечая, что его твердый член упирается мне в живот. Мои мысли путаются и осекаются от того факта, что он сейчас возбужден. Когда Джек проводит пальцами по моему лицу, дрожь проникает в меня, как жидкая лава. Она наполняет до краев мою обувь и затвердевает. Я не могу пошевелиться или даже вздохнуть, когда он так близко. Его влажные губы касаются моей щеки, и в желудке у меня что-то вспыхивает, а по телу пробегают искры. Повинуясь инстинкту, я протягиваю руки и касаюсь его талии. Его мышцы напрягаются от моего прикосновения.

Джек отрывается от моей щеки и отстраняется, засасывая меня в синюю глубину своих холодных глаз. Его челюсти сжаты, в то время как пальцы порхают по моей скуле. А затем он склоняется надо мной и целует. Не в силах удержать себя от первой реакции на него, я отвечаю на поцелуй. Это похоже на то, как ты переходишь дорогу, едва загорается зеленый свет, или открываешь дверь, прежде чем войти в комнату, — действие настолько автоматическое, что только голод по нему заставляет меня жадно глотать его поцелуи.

Убираю руки с его талии и вцепляюсь в плечи. Он обхватывает своими огромными ладонями мои бедра и приподнимает меня. Обернув мои ноги вокруг своей талии, он углубляет поцелуй, погружая свой теплый язык в мой рот. Его член прижимается ко мне, и мое тело полностью осознает каждый сантиметр, которым мы с ним соприкасаемся. Моя спина, еще не до конца зажившая, бунтует, но прикосновения Джека способны заблокировать любую боль. Крепче обнимаю его широкие плечи, когда он усаживает меня на полку. Я стону ему в рот, когда он касается моей груди. Мои соски тут же твердеют в лифчике, и я еще никогда так сильно не жаждала чьих-либо прикосновений.

Мои пальцы сами шарят по его рубашке, желая почувствовать его твердую, теплую плоть. Занимаюсь его пуговицами, однако останавливаюсь, когда он накрывает ладонью одну грудь и сжимает ее. Издаю стон, прерывая поцелуй, чтобы перевести дыхание. Джек не готов терять поцелуй и снова захватывает в плен мои губы.

Я спускаю рубашку с его плеч — теплая кожа покрывается мурашками, а мышцы под моими пальцами напрягаются. Я чувствую в себе силу от того, что вызвала у него такую реакцию. Его ладони скользят вниз, забираются мне под свитер и гладят мой живот. Моя очередь глубоко вдохнуть. Меня пробирает дрожь. Джек сильнее толкается в меня членом, и мое лоно напрягается, а между ног появляется влага. Мое тело говорит мне, что оно готово.

Я позволяю своим рукам блуждать по его плечам, а затем опуститься ниже. Как только мои пальцы оказываются рядом с его расстегнутыми джинсами, он прерывает поцелуй. Его горячее дыхание обдаёт мои припухшие губы. Я никогда не прикасалась к мужчине вот так. Я быстро поднимаю глаза на Джека и вижу, что он наблюдает за мной. Мое сердце начинает бешено колотиться. Спускаю джинсы с его бедер. Наклоняюсь и осторожно целую его губы. Мой поцелуй словно подстегивает Джека к действию, и он почти до боли сдавливает мою шею, вжимая наши тела друг в друга. Наши зубы клацают, а его поцелуи становятся неистовыми и почти дикими.

Это эффект домино: вся эта похоть перетекает в меня, и я запускаю руку в его боксеры, трогая его член. Тот дергается от моего прикосновения, и громкий стон Джека заставляет меня сжать его сильнее. Большая головка снова дергается, и я веду рукой вниз, а затем

медленно возвращаться вверх. Джек убирает от меня свои руки, и ткань, скрывавшая его, исчезает, когда он сбрасывает вниз свои боксеры и немного отклоняется назад. Я перевожу взгляд вниз и смотрю на его член. Он огромный и пугающий, и на мгновение я теряюсь, не понимая, что мне делать.

Джек чуть отодвигается, давая мне пространство, а сам вновь склоняется надо мной и оставляет ритмичные поцелуи на моих губах. Я двигаю рукой вверх и вниз по его члену, и с каждым стоном чувствую себя могущественной и контролирующей ситуацию. Увеличиваю темп, и Джек обхватывает ладонями мое лицо, его дыхание легко касается моих губ в промежутках между короткими поцелуями, которые прерываются стонами и вздохами.

Я двигаюсь все быстрее, и его член словно набухает в моей руке. Какая-то часть меня размышляет, не остановиться ли и не сказать ли ему, чтобы он закончил это внутри меня, но Джек, склонившийся надо мной и тяжело дышащий, заставляет меня гладить его все быстрее и быстрее. Его пальцы впиваются в мои, и он весь напрягается, а затем издает протяжный громкий стон. Густая, теплая сперма стекает с головки его члена на мою руку. Его хватка на моих пальцах ослабевает, но дыхание никак не восстанавливается, в то время как он утыкается лицом мне в шею. Я замедляюсь и постепенно останавливаюсь. Я все еще удерживаю его налитый кровью член; моя рука покрыта его спермой.

Гардеробная вокруг нас приобретает отчетливые очертания, обостряя мои чувства. Я ясно осознаю, что только что наделала. Я хотела прикоснуться к Джеку О'Ригану.

Он обхватывает руками мою шею и прижимается поцелуем к челюсти. Меня охватывает смутение. Мне нравятся его прикосновения, но, как он сказал, он платит мне за это. Делает ли это меня шлюхой?

Жар стремительно опалает мою шею, и я пытаюсь спасти то, что только что сделала. Мое сердце колотится.

— Думаю, мне удастся убедить Дану, что этот фарс реален, — слова, которые не принадлежат мне, слетают с моих губ.

Джек не двигается, но готова поклясться, что он затаил дыхание. Терпеть не могу то, как я наслаждаюсь его запахом и его огромным телом, защищающим меня.

— Полагаю, я заслужила телефонный звонок брату, — говорю, как бесстыжая шлюха. Прекрати, Мейв.

Я не могу допустить, чтобы Джек узнал, как много это значит для меня. Он для меня средство достижения цели, он не должен становиться для меня настолько важным. Я не могу позволить, чтобы у меня появились чувства к нему.

Убираю руку от его члена. Джек отстраняется от меня. Его жесткий взгляд мучительно медленно скользит по моему лицу. Безжалостная ухмылка появляется на его губах, и я чувствую, как она ранит, прежде чем он успевает сказать:

— Определенно.

Я чувствую себя грязной. Отбросом.

Джек натягивает боксеры и джинсы, но не застегивает их. Он не смотрит на меня, поднимая с пола свою рубашку и надевая ее обратно. Его запах окружает меня, когда он проходит мимо и выходит из гардероба. Я жду, что он уйдет, но он останавливается в дверях спальни. Он с кем-то разговаривает. Как только дверь закрывается, я слышу поворот ключа. Джек подходит к двери гардеробной, и мое сердце замирает в груди.

— Я в душ. Поскольку я знаю, на что ты способна, можешь присоединиться ко мне, если захочешь, — произносит он с ухмылкой и оставляет меня одну.

ГЛАВА 17

ДЖЕК

Раздеваюсь, и капли спермы падают на боксеры, когда я их снимаю. Вспоминаю ее тон, кулаки сжимаются сами собой. Ей плевать. Она видит во мне только решение своих гребанных проблем. Сдерживаюсь, чтобы не вернуться и не сообщить ей, что поговорить со своим братом она не сможет. Мысль о том, что именно это я и сделаю, вызывает у меня ухмылку. Должно быть, это ее чертовски разозлит, но ничто не сравнится с тем, до какой степени зол я.

Включаю воду и снимаю остальное, прежде чем шагнуть под душ. Ее нежная рука на мне едва не толкнула меня за грань еще в самом начале. Мне пришлось сдержаться, чтобы не кончить тут же. У меня было много женщин, но ни одна из них не действовала на меня так. Опять начинается стояк, когда я вспоминаю ощущения от ее касаний, ее пьянящий аромат, ее завораживающие карие глаза.

Блядь.

Как я мог позволить этому случиться? Выхожу из душа, вода капает на пол. Мне нужно трахнуть ее и отпустить. Мне нужно вернуть свою жизнь. Я собираюсь выйти из ванной и швырнуть ее на кровать, чтобы закончить то, что она начала.

Мейв стоит у двери. Ее щеки становятся пунцовыми, когда она смотрит на меня. Ее взгляд скользит по моей влажной коже; она открывает рот, но ничего не произносит. Сжимает губы и отводит глаза.

— Мне нужно помыть руки.

Ее руки все еще липкие от моей спермы. Мой член становится еще тверже. Она не двигается, и я понимаю, что должен воспользоваться этой возможностью: один раз как следует выебать ее и отпустить на все четыре стороны.

Она прикрывает глаза, когда я делаю шаг к ней. Сглатывает, прежде чем поднять голову и взглянуть на меня, и я вижу, как в ее глазах мелькает страх и что-то еще — что-то глубокое.

Протягиваю руку, хватаю ее за шею, притягивая к себе, и прижимаюсь губами к ее губам. Она тут же тянет руки к моим плечам, и мой член каменеет с каждой секундой. Ее губы еще припухшие от моих поцелуев, и я задаюсь вопросом — каково это будет: почувствовать, как она обхватывает ими мой член. Я издаю стон, когда дергается набухшая головка члена.

Вцепляюсь в подол ее майки и разрываю поцелуй, чтобы стянуть ее через голову. Без промедления снова прижимаюсь к ее губам, пока стаскиваю ткань с ее рук и бросаю на пол. Ее тело идеально подходит моему. Я провожу пальцами по спине Мейв, и она вжимается в меня. Она скользит ладонями по моей коже вверх, пока не погружает пальцы в мои влажные волосы, до боли сжимает их, притягивая мое лицо ближе к своему; ее язык проникает в мой рот, а я занят тем, что пытаюсь расстегнуть ее джинсы.

Ухватившись за ее трусики, дергаю их вниз вместе со штанами. Не разрывая поцелуя, подхватываю ее и несую на кровать. Мейв открывает глаза, когда я останавливаюсь и окончательно избавляю ее от обуви и джинсов. Черные трусики присоединяются к той куче, что уже лежит на полу. Раздвинув ее ноги, двигаюсь вдоль ее тела. В ее глазах мелькает страх, но она зажмуривается.

От злости я сжимаю ее бедра, и она открывает глаза.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела на меня.

Ее грудь быстро поднимается и опускается, пока я забираюсь все выше. Мой член пульсирует у ее входа. Мейв кивает, словно готовясь к грандиозному финалу. Согнувшись, я отодвигаю ее бюстгальтер в сторону и беру в рот одну из твердых горошин сосков. Она шипит от удовольствия, что заставляет меня прикусить его. Мой член болезненно ноет, и я отрываюсь от одной груди и перехожу к другой.

— О, Боже! — ее слова вызывают у меня ухмылку, когда впиваюсь губами в ее сосок. Провожу рукой по ее животу, и она резко втягивает воздух. Веду пальцами до самого ее входа, туда, куда упирается мой член. Отодвинувшись, ввожу в нее пальцы, и она выгибается. Сосу ее грудь, погружая пальцы в ее влажное узкое тепло.

— Джек, — выдыхает Мейв мое имя. Освобождаю ее грудь, но не прекращаю трахать ее киску пальцами. Я хочу видеть ее лицо.

Изумление в ее взгляде, когда она мотает головой из стороны в сторону, подталкивает меня провести большим пальцем по ее клитору.

— О, Боже, — она выпускает из рук покрывало, которое комкала до этого, и обхватывает мои плечи. Никогда и никого еще я не хотел настолько сильно. Член пульсирует, причиняя боль, и я хочу только одного — найти разрядку в ее сладкой киске.

— Я сейчас кончу, — Мейв широко распахивает глаза. В ее словах как будто паника или неверие.

Я сильнее прижимаю большой палец, потирая ее клитор, и не могу оторвать от нее глаз, когда она делает три резких вдоха, прежде чем закрыть глаза. Впиваясь ногтями в мои плечи, она вскрикивает, кончая. Она громко кричит, и мои пальцы становятся влажными от ее соков. Я замедляю ритм, но целую ее в губы. Просто короткие быстрые поцелуи, пока она наслаждается оргазмом. Когда все заканчивается, убираю пальцы, и ее взгляд останавливается на мне, в то время как она пытается перевести дыхание.

Все внутри переворачивается, и я понимаю, что мне нужно просто трахнуть ее. Она здесь, влажная, голая и готовая. Так почему же я встаю с кровати и возвращаюсь в ванную?

В душевой кабине вода все еще течет. Шагнув под струи воды, я пытаюсь вытеснить из головы образ красавицы, лежащей на моей кровати. Набухший член болит и требует освобождения, но я этого не сделаю. Понимаю, почему, но сам себе не хочу признаваться в этом.

Выключаю душ, беру полотенце и, вытираясь, возвращаюсь в спальню. Мейв не лежит на кровати, как я себе представлял. Я застаю ее в гардеробной, она одевается с озабоченным выражением на лице.

Заметив меня, она поспешно застегивает джинсы. Я должен был взять ее, у меня был шанс, но я не сделал этого.

Она наклоняется, ее грудь почти вываливается из лифчика, когда она достает из сумки зеленый топ.

Стук в дверь спальни заставляет ее крепче сжать топ. Она кажется испуганной, как будто впервые слышит этот звук.

Я выхожу из гардеробной и подхожу к двери. Ожидаю увидеть Лоулора, так как я поставил его у двери.

— Почему твоя дверь заперта снаружи? — голос Даны проникает через деревянную створку.

Ключ поворачивается в замке, и я слышу, как Лоулор пытается остановить ее, но это бесполезно. Дверь открывается, и я вижу за ней улыбающуюся Дану.

— Почему у тебя дверь заперта? — продолжает ухмыляться она, пытаюсь заглянуть мне через плечо.

Потуже затягиваю полотенце на талии.

— Я пытаюсь одеться.

Дана переводит взгляд обратно на меня.

— Один? — она поджимает губы, словно пытаюсь спрятать улыбку.

— Нет, — отвечаю я.

Ее улыбка становится шире.

— Мейв, — зовет она через мое плечо.

Я хватаюсь за дверь и пытаюсь закрыть ее.

— Она выйдет через минуту.

Дана улыбается и недоверчиво качает головой.

— Я тебе не верю, — она проходит мимо меня, и я мог бы остановить ее, но не делаю этого. — Где она? — она оглядывает комнату.

— Я здесь, — отзывается Мейв дрожащим голосом.

Улыбка Даны исчезает, когда она смотрит на меня.

— Она что, правда здесь?

Я закрываю дверь спальни, не отвечая ей.

Мейв выходит из гардеробной. Простой зеленый топ обтягивает ее изгибы и подчеркивает грудь. Коса, перекинута через плечо, растрепана, а щеки покраснелись. Она выглядит идеально.

— Привет, — у нее перехватывает дыхание, а на шее бьется жилка от нервного напряжения.

— Ну вот, ты увидела ее. Теперь дай нам одеться.

Дана смотрит поочередно то на меня, то на Мейв, словно пытаюсь собрать все детали воедино. Не обращая на меня внимания, она заходит в гардеробную и обнимает Мейв.

— Какого черта ты не отвечала на мои звонки? Это здесь ты пряталась?

Мейв смотрит на меня, и я пользуюсь моментом и наслаждаюсь ее мучениями.

— Я потеряла свой телефон, и да, я жила у Джека, — Мейв говорит так, словно ее пытаются. Господи, так у нее ничего не выйдет.

— Уходи, Дана. Из-за тебя Мейв чувствует себя неловко, — захожу в гардеробную, и Дана закатывает глаза.

— Уже иду. В любом случае, сегодня мы с мамой устраиваем ужин, — улыбка возвращается на ее лицо, и она наклоняется к Мейв. — Ты должна прийти.

Прежде чем Мейв успеваает ответить, Дана поворачивается ко мне.

— Приведи ее, — ее непререкаемый тон похож на мамин.

— Я надеялась познакомить Мейв с Шеем, — Дана прикладывает руку к сердцу. — Он большой дружелюбный великан. Настоящий котик.

Она даже не догадывается, но так и бывает, когда ограждаешь человека от нашего мира. Мама хотела, чтобы у Даны была нормальная жизнь.

Шей — громила, но, когда нужно, он включает обаяние.

— Эй, она со мной.

Дана улыбается Мейв, широко распахнув глаза:

— Ты это слышала? Он ревнует.

— Хорошо, Дана, а теперь живо выметайся отсюда, — я не ревную; моя сестра понятия

не имеет, о чем говорит.

Она поднимает руки вверх.

— Увидимся вечером? — спрашивает она Мейв, которая пытается сделать вид, что улыбается, но это выглядит так, словно ей больно.

— Ага, мы придем, — если готовит мама, отказаться — не вариант.

Не прекращая ухмыляться, Дана выходит из спальни. Собираюсь захлопнуть дверь, когда она ставит ногу на порог, останавливая меня.

— Дана, что еще?

— Ты говорил с Ричардом?

Ну хоть сменила тему.

— Нет. А ты?

Она убирает ногу, и ее лицо становится серьезным.

— Он не отвечает на звонки. Я хочу, чтобы он вернулся домой. Ему всегда нравился дядя Финн.

Терпеть не могу видеть, как моя сестра расстраивается.

— Я позвоню ему сам.

Ее лицо мгновенно озаряет улыбка, как будто она надеялась, что так и будет.

— Ты лучший, — она разворачивается и выскакивает из комнаты. Лоулор все еще торчит у двери. Я вынимаю ключ.

— Можешь идти, — закрываю дверь, но на этот раз не запираю ее. У меня есть кое-что еще, что может удержать Мейв здесь.

Если она попытается бежать, могу пригрозить ей, что расскажу Данае правду. Возможно, присутствие Даны — не такая уж и плохая идея.

— Я не могу этого сделать, — раздается голос Мейв у меня за спиной.

— Что сделать?

Мейв показывает жестом на меня и на себя.

— Вот это... то, что между нами. Лгать Данае.

Раздражение толкает меня к ней. Как будто ей так трудно притвориться, что я ей нравлюсь.

— У тебя не так уж плохо до этого получалось, когда ты выкрикивала мое имя.

Она сжимает губы и скрещивает руки на груди.

— Может, тебе нужно больше практики? — захватываю губами ее рот, не спрашивая у нее разрешения, и она отталкивает меня. Не то, чтобы она обладала какой-то особенной силой, но я останавливаюсь.

— Хочешь, чтобы я рассказал правду Данае? — наклоняю голову, когда она отводит взгляд. Не собираюсь предоставлять ей возможность так легко отделаться.

— Нет, — шепчет она и поднимает голову так, что я могу наконец увидеть ее глаза.

Никогда и ничего в своей жизни я не хотел настолько сильно. У меня всегда были деньги, власть, женщины. Я получал все, чего хотел. Обхватываю ладонями лицо Мейв и представляю, каково бы это было, если бы происходило на самом деле. Если бы хоть на мгновение я смог сделать Мейв своей по-настоящему.

Я наклоняюсь и нежно прижимаюсь губами к ее губам.

— Ты такая красивая, — она распахивает глаза, а ее ноздри трепещут. Теплое дыхание касается моих губ, и я снова целую ее. — Я всегда обращал на тебя внимание, даже когда тебе это не было нужно, — улыбаюсь, еще раз целую ее и вспоминая, как в детстве доставал

ее. Даже тогда она была красивой и дерзкой, но для меня недосыгаема.

Когда выпускаю ее лицо из своих ладоней, в ее взгляде мелькает паника.

— Тебе нужно поработать над этим еще. Меня ты не слишком убедила, — она сжимает ладони в кулаки.

Я ухмыляюсь, глядя на нее.

— Я с тобой позанимаюсь, — обхожу ее и иду одеваться.

Я имел в виду каждое гребаное слово.

Вот почему она под запретом. Она слишком прекрасна, и она не такая, как мы. Она меня разрушит.

После сегодняшнего вечера я выебу ее и отпущу на все четыре стороны.

ГЛАВА 18

МЕЙВ

Я не могу пойти на ужин вместе с ним. Смотрю на свое отражение в зеркале ванной, задаваясь вопросом, когда ситуация стала настолько запутанной.

Я не смогу пойти.

Я не смогу сделать это.

Возвращаюсь в спальню. Джек уже оделся в джинсы и голубой свитер одного цвета с его глазами. Он усаживается на кровать, зашнуровывая пару коричневых ботинок. Все внутри переворачивается, когда он поднимает голову и его взгляд скользит по моим ногам снизу вверх. Я скрещиваю руки на груди.

— Мне нечего надеть, — говорю и киваю, подтверждая. Это хорошее оправдание, чтобы не ходить. Я не могу появиться в его доме в джинсах и простой футболке. Это неподходящий наряд для ужина.

— То, что на тебе, вполне подходит.

Терпеть не могу слово «вполне». Опускаю руки.

— Я хочу поговорить с братом.

Джек, шумно выдохнув произносит:

— Нет.

Чувство тревоги сочится словно из сломанного крана, и в голову приходят мысли о самом худшем. Он мертв. Я дала ему умереть.

Джек встает.

— Он в порядке, — подходит ко мне, берет меня за руки, наклоняется так, чтобы видеть мои глаза. — Мейв, с ним все хорошо. Он только очнулся, так что звонить ему пока нельзя. Но я отвезу тебя к нему.

Дрожь пробегает вверх и вниз по руке, возвращая чувствительность моему телу. Я сглатываю:

— Спасибо.

Джек отпускает меня и идет к своему столу, откуда достает телефон и бумажник. Я откладываю эту информацию на потом, когда она сможет мне понадобиться, а я уверена, что так и будет.

— Мне пора собираться? — подхожу к своей сумке, чтобы достать кожаную куртку.

— Да, — Джек выпрямляется и бросает на меня взгляд, пока я натягиваю куртку.

Я странно чувствую себя, выходя из дома вместе с Джеком. Еще более странно забираться на переднее сиденье его джипа. В свете дня Джек кажется еще красивее. Чтобы не смотреть на него, я сосредотачиваюсь на пейзаже, который быстро проносится за окном.

— Ты изучаешь психологию?

Вопрос Джека ставит меня в тупик. Он задает его так непринужденно. С каких это пор мы болтаем как ни в чем не бывало? Я смотрю на него, чтобы понять, к чему он клонит, но он сосредоточен на дороге.

— Да. Но я уже прогуляла несколько дней.

Желваки на его скулах приходят в движение.

— Я хочу стать социальным работником.

— У тебя должно отлично получиться, — теперь Джек смотрит на меня, и я не знаю, что делать с его комплиментом. — Ты никогда не рассказывала о себе, — он взглядом подталкивает меня к тому, чтобы воспользоваться моментом и рассказать о своей жизни.

— Что происходит? Практикуешься для сегодняшнего вечера? — громче чем нужно рывкаю я. Он прикидывается, что это нормально, как будто это может быть по-настоящему, как будто между нами что-то возможно. Это игра разума, чтобы в итоге разбить меня в пух и прах. Он всегда был хитер и жесток, а я уже и так слишком далеко зашла. Мне нужно защитить себя.

Так или иначе все делают тебе больно.

Джек крепче вцепляется в руль. Я жду, что он начнет угрожать мне, набросится на меня или даже посмеется надо мной за то, что я так завелась.

— Я просто пытаюсь узнать тебя получше, Мейв, — он искоса смотрит на меня.

Он мог бы угрозами заставить меня ответить, и то, что он этого не делает, беспокоит меня еще сильнее. Он замолкает, и теперь я чувствую себя сукой.

Я сглатываю растерянность и чувство вины и смотрю в окно, когда мы въезжаем на территорию больницы, на парковке которой замечаю несколько машин. Из кашпо, достаточно большого, чтобы вместить дерево, торчит одинокий листик, цепляющийся за жизнь; этот коричневый лист согнулся, словно держит на себе вес всего мира. Джек паркуется в отдалении от остальных машин, и я собираюсь сказать ему, что могу зайти сама, но понимаю, что этого не будет, глядя на то, как он вынимает ключи из замка зажигания и отстегивает ремень безопасности. Закончив манипуляции, он не спешит выходить.

Как и я.

— Что не так? — его тон резок.

— Я хочу попросить у тебя прощения за то, что подняла на тебя руку, — произношу, глядя прямо на него. — Не стоило мне давать тебе пощечину в тот день. Неважно, как сильно я разозлилась. Прости меня, — мне нужно снять этот камень с души.

Я ожидаю, что он либо примет мои извинения, либо сумничает. Чего я не жду, так это того, что он потянется ко мне и обхватит мое лицо ладонями. Поцелуй жесткий, но быстро смягчается. Он слишком быстро прерывается, но не выпускает мое лицо из рук.

Сердце у меня стучит как сумасшедшее. Я не могу понять, что происходит. Но, когда он прикасается ко мне, я уже не такая решительная. Хочу спросить его, зачем все это, но вместо этого придвигаюсь ближе и прижимаюсь губами к его губам. Прервав поцелуй, поднимаю руку и провожу пальцем по его нижней губе. Она мягкая и теплая, а, когда Джек высовывает язык и облизывает мой большой палец, мой взгляд падает на него и сердце колотится в груди. Один взгляд, и он может с легкостью уничтожить меня.

— Джек, — не знаю, зачем шепчу я ему в губы. Это так странно — всю жизнь желать кого-то и сейчас получить, но я знаю, что все это фальш, как и остальные мои мечты. Отстраняюсь от его рук, расстегиваю ремень и, не говоря ни слова, выхожу из джипа.

Деклан спит. На фоне белоснежных простыней он очень бледен, и это пугает. Встаю рядом, беру его обмякшую руку. По моим щекам текут слезы, я пытаюсь справиться с болью, которая разъедает меня.

— Деклан, — произношу я его имя, немного опасаясь, что разбужу его.

Он шевелится.

Медленно открывает глаза и улыбается.

— Вот и ты. Я знал, что ты придешь.

Я улыбаюсь сквозь слезы.

— Тебе от меня не скрыться. Как ты себя чувствуешь?

Он выдыхает и закрывает глаза, прежде чем снова откинуться на подушку.

— Помнишь, когда тебе было лет двенадцать? Мы с тобой занимались кикбоксингом возле батареи в гостиной?

— Да. Когда я ударила пальцем об угол и сломала ноготь пополам. Чистейшая агония. Не думаю, что когда-нибудь забуду эту боль.

Деклан улыбается.

— Помнишь, ты пыталась надеть носок на треснувший ноготь?

Я киваю. Каждый раз, когда носок цеплялся, я ждала, что он оторвет ноготь. Помню, что ныла про это целую неделю.

— Я чувствую себя так же.

Отпускаю руку Деклана и поддвигаю зеленое кресло к кровати, а затем снова беру его пальцы в свои. Я точно знаю, что Джек смотрит через стекло двери в палату. Он занят разговором по телефону, но одновременно наблюдает за мной.

— Значит, ты чувствуешь себя как треснутый ноготь, — уточняю я, улыбаясь и пряча слезы. Ему сейчас не нужна грусть. Ему нужно знать, что кому-то не все равно. Нам всем иногда это нужно.

— Ага, — его сухи губы молят о воде. Поднимаюсь и наливаю ему немного в чашку, а затем вставляю в нее соломинку. Подношу брату ко рту, и замечаю, что его карие глаза по-прежнему смеются. Он не унывает. Он всегда такой, несмотря ни на что. Может быть, именно это и нравится мне в нем. Неважно, насколько все плохо, он всегда находит повод улыбнуться.

— Выходит, твой парень очень заботится о тебе.

Я знаю, что он имеет в виду Джека. У меня возникает искушение повернуться и посмотреть на Джека, но я сосредотачиваюсь на Деклане.

— Он не мой парень.

Деклан улыбается, держа соломинку во рту.

— Это он платит за место в больнице, так что ты для него кое-что значишь, — было забавно, когда Джек привел меня в эту палату. Моя первая мысль была: почему у него отдельная палата? Почему он не в общей мужской палате? Теперь ответ на мой вопрос получен, как я и боялась.

От слов Деклана по рукам пробегают мурашки, и я бросаю взгляд на Джека через плечо. Он все еще занят разговором по телефону, его челюсть напряжена, но взгляд приковывает меня к месту. Как, по его мнению, я должна расплачиваться с ним за это? Мне больше нечего ем отдать.

Снова поворачиваюсь к Деклану и заставляю себя улыбнуться.

— Так как они заботятся о тебе? — спрашиваю я.

— Я чист вот уже три дня.

Мне хочется пожать руку Деклану. Для третьего дня выглядит он прекрасно.

— Я получаю метадон, но голова у меня ясная.

— Я так горжусь тобой, — крепче сжимаю его ладонь. Другая рука Деклана подключена к капельнице.

— Как там мама? — Деклан прикусывает нижнюю губу, которая и так уже слишком сильно пострадала. Взгляд становится грустным, и я ненавижу видеть его таким.

— Я не видела ее несколько дней, — признаюсь я. — Но не волнуйся, я заеду к ней.

Деклан опускает на постель костлявые плечи.

— Она так и не пришла ко мне, — его голос звучит по-детски.

— Может, она не знает, что ты здесь, Деклан. Я ей не говорила.

Он качает головой.

— Я звонил ей. Она знает.

Что, черт возьми, я могу на это сказать?

— Сосредоточься на выздоровлении. Ты мне нужен.

Взгляд Деклана обретает решимость.

— Так и будет. Обещаю, Мейв.

Улыбаюсь, слыша очередное его обещание. Он столько раз их нарушал. Откидываюсь на спинку кресла, и мы просто болтаем, как раньше. Я рассказываю о колледже, он — о своей последней девушке, имя которой он даже вспомнить не может. Он смешит меня, как и всегда.

Стук в стекло возвращает меня к реальности. Мое время вышло.

— Мне пора.

Деклан облизывает сухие губы.

— Можно мне еще воды?

Мне не хочется уходить от него. Думаю, ему тоже не нравится, что я его оставляю. Он тянет время, и это только все усложняет. Беру чашку с тумбочки и подношу к его губам. Он все еще так слаб. Не стоит ему оставаться одному. Деклан делает глоток через соломинку и выпускает ее изо рта.

— Я вернусь, как только смогу, — я изо всех сил стараюсь держать себя в руках. Ставлю чашку обратно и встаю.

Дверь открывается, и я не понимаю, что чувствую, когда Джек входит в палату. Мне хочется защитить Деклана от него. Комната словно уменьшается в размерах. Я хочу спрятать от него брата. Это напоминает мне о том, как Джек мог оставить его умирать.

Он кивает Деклану.

— Киан сказал мне, что ты платишь за мою палату, — Деклан пытается сесть, и я подхожу, чтобы помочь ему с подушками. Задаюсь вопросом, помнит ли Деклан, как оказался в ангаре? Помнит ли он, как Джек унес меня и оставил его там? Надеюсь, что нет. Мне бы не хотелось, чтобы он думал, что его считают бесполезным.

— Не волнуйся об этом, — голос Джека звучит странно. Глухо.

— Нет, как только встану на ноги, я верну тебе все.

Я знаю, что этому не бывать. Когда Деклан продолжает упираться, я отступаю.

— Не волнуйся. Я справлюсь, — улыбаюсь Деклану. Не хочу, чтобы он беспокоился о чем-то подобном. Ему просто нужно сосредоточиться на том, чтобы выздороветь.

Деклан качает головой, и мне не нравится серьезное выражение его лица.

— Я сказал, я все верну.

— Хорошо, — есть в его голосе нечто такое, чего я никогда не слышала раньше, поэтому я соглашаюсь.

Деклан смотрит мимо меня на Джека.

— И двенадцать штук. Это мой долг, не ее.

Меня охватывает паника, и я бросаю на Джека умоляющий взгляд, чтобы он не говорил моему брату о нашем договоре.

— Принимается, — невозмутимо произносит Джек, и я так благодарна ему за то, что дал Деклану поверить в то, что тот сможет вернуть сам все до копейки. Как бы там ни было, это для меня очень много значит. Я прячу руки в карманы кожаной куртки, чтобы ненароком не обнять Джека.

— Не пора тебе уже немного отдохнуть? — улыбаюсь я брату, и на его лице появляется умиротворение.

— Да, — он закрывает глаза. — Я скоро тебя увижу?

Я наклоняюсь и прижимаюсь губами к его впалой щеке.

— Да. Увидимся в ближайшее время, — хорошо, что он закрыл глаза и не видит боли в моих. Я сжимаю его руку в последний раз и выхожу, не глядя на Джека.

— Спасибо, — когда Джек меня догоняет, благодарю его.

Он лишь кивает в ответ.

— Я понимаю, что возвращать долг мне, но спасибо тебе за то, что позволил ему поверить, что он сможет сделать это сам.

Джек застывает, и я тоже останавливаюсь.

— Ты можешь выразить мне свою благодарность сегодня ночью.

Мое сердце начинает биться чаще. Сегодня ночью? Сегодня будет та самая ночь. Киваю, хотя мои щеки горят. Я нервничаю. Мне страшно. Я взволнована. Последняя мысль заставляет меня ускорить шаг и опустить голову, чтобы он не увидел моего пылающего лица.

Он уже пошатнул барьер, который я воздвигла вокруг своего сердца.

Нет, не пошатнул.

Он разрушил его.

После сегодняшней ночи я смогу покинуть его дом, но мне никогда не уйти от тебя по-настоящему, Джек О'Риган.

Я никогда не забуду тебя.

ГЛАВА 19

ДЖЕК

Мейв мало разговаривает в джипе. Впервые мне не хочется заставить ее. Увидев в больнице, как она общается с братом, я почувствовал себя монстром. Она любит его. А я был готов оставить его умирать.

Бросаю взгляд на Мейв, замечая, как она сжалась, обхватив себя руками за талию. Включаю обогрев, и тепло, мгновенно заполнившее салон, заставляет Мейв ослабить хватку.

— Твоя мать в порядке?

Во взгляде Мейв читается недоверие, но я не виню ее. Я не дал ей повода доверять мне или думать, что мой интерес искренен. После того, как расстались с ее братом, я дал ей свой телефон, чтобы она позвонила матери. Их разговор был коротким, и с того времени Мейв замкнулась в себе.

— Да, — она отворачивается к окну, чтобы я не увидел ее лица.

— Ты уверена? — сворачиваю к дому родителей. Замечаю, как напряжены плечи Мейв, когда она смотрит на медленно разъезжающиеся ворота.

— Спасибо, что разрешил мне воспользоваться твоим телефоном. Но не делай вид, что тебе есть дело до моей семьи.

Я веду джип по подъездной дороге, и мне хочется согласиться с ней, что на этих двоих мне насрать. Она права. Но что меня волнует, так это Мейв и то, как они влияют на нее. Так что, в самом деле, каким-то необъяснимым, окольным путем мне есть до этого дело. Подъезжаю к двери, но Мейв выходит не сразу. Зная ее, могу предположить, что она собирается извиняться. Не может удержаться.

— Ты права. Это не так, — честно признаюсь я.

Она качает головой, отстегивая ремень безопасности.

Свет падает на широкие ступени, поднимающиеся к парадной двери, когда она распаивается. Мейв выходит прежде, чем я успеваю объяснить. Вынимаю ключи и выхожу из машины.

Дана, увидев Мейв, бросается навстречу и заключает ее в объятия. Мама стоит в коридоре, глядя с нежной улыбкой на Мейв. Она всегда хорошо относилась к ней.

Дана отпускает Мейв, и мама обнимает ее.

— Мы давно тебя не видели, — она расцеловывает Мейв в обе щеки. — Как здорово, что ты смогла приехать к нам на ужин.

— Спасибо, что пригласили меня.

Моя мать отмахивается от нее и подходит ко мне. У нас с Даной от матери голубые глаза и темные волосы.

— Почему мы увиделись с тобой только сейчас? — не так дружелюбно, как говорила с Мейв, обращается она ко мне, и я наклоняюсь и крепко обнимаю ее.

— Мам, прости, было много дел.

Отстранившись, она улыбается и понижает голос, когда Дана берет Мейв за руку и ведет на кухню.

— Я рада, что она общается с Мейв, — мама всегда поощряла их дружбу. — Она хорошая девочка.

Если бы мама узнала, что я натворил, это бы ее не обрадовало. Она была бы в ярости. Мне не нравится то, куда заводят меня мои размышления, поэтому я возвращаюсь к тому, кто меня не осудит.

— А где папа?

— На заднем дворе с Шеем и Кианом.

Этого достаточно, чтобы вывести меня из себя.

— Кто их пригласил?

— Твоя сестра захотела, чтобы все кузены были здесь. Ты знаешь, как она любит, когда дом полон гостей.

Пытаюсь скрыть свою неприязнь, когда захожу на кухню в сопровождении мамы. Двойные двери, ведущие на террасу, где накрыт большой стол, открыты и до кухни долетает смех. Дана знакомит Мейв с Шеем, а он улыбается так, будто работает на Санта-Клауса.

— Ты не боишься, что они о чем-нибудь проболтаются перед Даной — говорю я тихо.

Мама настолько наивна, что в ее глазах мелькает ужас. Дану нельзя было вечно держать в неведении. Это не имело смысла в нашем мире.

— Этого не случится, — мама ненадолго застывает, расставляя напитки на подносе, затем протягивает его мне. — Отнеси, будь хорошим мальчиком.

Я забираю поднос и целую ее в щеку. Терпеть не могу, когда она расстраивается. Мама мгновенно расслабляется.

Выхожу на террасу. Пространство освещают только небольшие светильники вокруг высоких колонн. Мейв еще стоит, когда я подхожу к ней сзади. Ни на кого не глядя, я целую ее в щеку. Она напрягается и смотрит на меня. Наши губы так близко, что меня так и подмывает поцеловать ее. Кажется, будто ее аромат, смешиваясь с теплым бризом, окутывает меня, маня наклониться еще ближе.

— Дай девочке перевести дух, — говорит Шей, и я, оставив легкий поцелуй на ее губах, ставлю поднос на стол.

— Шей, рад тебя видеть, — он берет бутылку «Bud» и, ухмыляясь, поднимает ее, делая большой глоток.

Выходит мама, вытирая руки о фартук.

— Шей рассказывал нам, над чем вы сейчас оба работаете.

Что за хуйню он там наплел?

— Это пока лишь планы по совместному открытию паба. На данный момент — это несбыточная мечта, — улыбается Шей. Мама садится рядом с ним. Он действительно способен заставить любого видеть его в таком свете, как ему выгодно в данный момент. Он внимателен, и его голос мягок. Все, что он говорит, сопровождается улыбкой, и Дана с мамой легко купились на это.

Киан, конечно, и не пытается скрыть свою ненависть к Шею.

Выдвигаю стул для Мейв, и она плюхается на него, как будто ее не держат ноги. Сажусь сам, и только тогда поднимаю голову и смотрю на отца, взгляда которого избегал до этого момента. Он наблюдает за моей матерью, как и миллион раз до этого. В его взгляде в такие моменты всегда сквозит умиротворение. На самом деле, ничто не может его привести в такое состояние. Только когда он смотрит на мою мать, она действует на него как успокаивающая рука. Я никогда не видел, чтобы он так смотрел на кого-либо: ни на Дану, ни на меня. Кажется, только мама оказывает на него такое влияние.

— Что ж, ты объединяешь усилия с тем, с кем нужно. Ты же знаешь, что Джек владелец «Гадюки», и дела у него идут очень хорошо, — с гордостью говорит мама. Я беру бутылку «Bud», наполняю стакан и, поставив его перед Мейв, смотрю на Шею.

— Я тоже могла бы остаться здесь на некоторое время, чтобы изучить все премудрости профессии, — Дана откидывает волосы на плечо, и отец выпрямляется, не любясь больше на маму. Он хочет, чтобы Дана узнала, чем мы занимаемся. Всегда этого хотел. Но мать сказала «нет», и это единственное, в чем он не осмелился пойти ей наперекор.

Замечаю, как напряглись плечи мамы, пока она ждет от меня ответа.

— Да, у меня есть еще одно место бармена, — киваю Дане.

— Я бы предпочла работу в офисе.

Мама облегченно выдыхает:

— Я уверена, что Джек сможет найти для тебя что-нибудь в офисе. Возможно, складской учет, или работу со счетами, или даже документооборот. О, может быть, ты могла бы отвечать на телефонные звонки.

Я отпиваю из бутылки и киваю:

— Да, я могу что-нибудь подобрать.

Дана визжит от радости, но я-то знаю, что ее пыл поумерится, когда она придет на скучную работу. Дана не хватает усидчивости. В этот раз все будет, как всегда, но, если это сделает маму счастливой хотя бы на мгновение, это все, что имеет значение.

— Как твой брат? — спрашивает Киан у Мейв, и она напряженно застывает рядом со мной.

— Мы навещали его сегодня. У него все хорошо, — добавляю я и поворачиваюсь к маме. — Он упал на работе и сломал ногу.

Ложь легко соскальзывает с языка, и мама выражает свои соболезнования Мейв.

— Деклан нашел работу? — ухмыляется Дана, и я быстро бросаю взгляд на Мейв, которая ухмыляется в ответ, как будто у них есть одна на двоих тайная шутка. Я уверен, что Дана все известно о семье Мейв.

— Он проработал недолго, в автомастерской, — отвечает Мейв, пытаясь скрыть улыбку.

Киан украдкой поглядывает на Мейв, и это меня бесит. Мне хочется подтащить ее стул поближе к себе.

— Готовы перекусить? — поднимается мама.

— Вам помочь? — Мейв выглядит так, словно собирается сбежать.

— Нет, ты сиди и наслаждайся, дорогая. Дана мне поможет, — сестра послушно выходит из-за стола и следует за матерью. Отец не произнес ни слова, и это меня не слишком радует.

— Есть новости о Финне? — спрашиваю я его. Он сидит, наблюдая за происходящим. Что мой отец делает с этой информацией, остается только догадываться.

— Все по-прежнему, — он наклоняется вперед, расстегивая пиджак. Похоже, Мейв завладел всем его вниманием. — Не хочешь представить меня?

Машинально тянусь к Мейв и беру ее ладонь в свою. Ее пальцы деревенеют, и требуется несколько секунд, чтобы она обхватила мои пальцы в ответ.

— Мейв, это мой отец.

— Я знаю, — голос Мейв резок, и меня это удивляет. Я легонько сжимаю ее ладонь, не глядя на нее.

— Девушка? — спрашивает отец, откидываясь на спинку стула и замечая все, что происходит между нами.

Перевожу взгляд на ухмыляющегося Шея. Его забавляет мой дискомфорт. Я переключаю внимание на отца:

— Да, так и есть.

— Добро пожаловать в семью, Мейв, — кивает отец.

— Благодарю, — отвечает она, ее голос звучит не слишком доброжелательно. — Я воспользуюсь ванной комнатой?

— Да, я тебе покажу, — неохотно выпускаю ее руку.

Мейв встает и отмахивается от меня:

— Дана может показать.

Мы все привстаем, когда она выходит из-за стола, и я наблюдаю, как она уходит. Только когда она скрывается за двойными дверями, отец произносит:

— Она в курсе, чем ты занимаешься?

— Я думаю, ее семья занимается похожим бизнесом, — влезает Шей, как будто его вообще кто-то спрашивал.

— Вроде того, — признаю я.

— Ты должен ей все рассказать, иначе ничего не получится, — меня удивляют слова отца. Я думал, он будет пытаться убедить меня избавиться от нее. Еще более странно, что он говорит о чем-то, то имеет отношение к нашей семье, в присутствии посторонних людей.

Я киваю, не зная, то ответить, и поднимаю свой бокал, но замираю, не донеся его губ, когда отец продолжает:

— Она должна знать, что вся ее семья станет мишенью, если она будет с тобой.

Я делаю большой глоток и ставлю бутылку обратно на стол.

— Обязательно передам ей это.

Мама возвращается и ставит на стол блюда с приготовленной на гриле едой, Дана входит вслед за ней, а Шей улыбается им, когда принимается накладывать яства на свою тарелку. Киан, сидящий по другую сторону, пожирает все подряд, заполняя свою. Он словно чертов дикарь. Чувствую, что отец все еще не сводит с меня глаз, но поднимаюсь и прошу разрешения удалиться.

Двери уборной на первом этаже открываются, когда я подхожу. Мейв замирает на полпути, я аккуратно подталкиваю ее обратно и закрываю за нами дверь.

На ее лице мелькает тревога, и карие глаза широко распахиваются от беспокойства.

— Извини, что так вышло с твоим отцом.

Я останавливаю ее:

— Я знаю, что он может вселять страх.

Мейв стоит, скрестив руки на груди, уставившись на лампу над большим зеркалом. Терпеть не могу то, что она так закрывается от меня.

— Но он хороший парень.

Ее глаза сверкают, когда она переводит взгляд на меня.

— Прямо как ты, — говорит она, и в медленно появляющейся вымученной улыбке на ее губах сквозит боль. — Ты помнишь, что говорил мне, когда мы были детьми? Что говорил твой отец обо мне? — она хмурится, и морщины прорезают ее лоб. Ее злость льнет к ней как вторая кожа, и мне хочется содрать это с нее. Я понятия не имею, о чем она говорит.

— Нет, не помню.

Она опускает руки.

— Конечно, ты и не вспомнишь. Что я для тебя?

Стук в дверь ванной заставляет меня замолчать. В любом случае, я не знаю ответа на ее вопрос. Что она для меня? Похоть. Желание. Страсть. Она — все это вместе и гораздо больше.

Стук становится громче, и я распахиваю дверь. Почему, блядь, я не удивлен. Это Киан, и он слишком занят, разглядывая через мое плечо Мейв. Я закрываю ее собой.

— Какого хрена тебе надо?

Мейв резко выдыхает за моей спиной.

— Так охуенно мило, — произносит Киан. — Мне нужно отлить.

Протягиваю руку назад, чтобы найти ладонь Мейв, и, когда она сплетает свои пальцы с моими, чувствую облегчение. Я думал, она не сделает этого. Киан пялится на нее, когда мы проходим мимо. Прежде чем выйти на террасу, я останавливаю ее на кухне. Я хочу, чтобы она заставила мою семью поверить, что все по-настоящему. В глазах моей матери и Даны между нами нечто реальное, что заставляет меня чувствовать: это может быть на самом деле так.

Я медленно притягиваю Мейв в свои объятия. Она деревенеет, но затем, прижавшись к

моей груди, расслабляется.

— Помни про нашу сделку. Пока что у тебя не очень хорошо получается, — говорю, как последний ублюдок, и она застывает снова, но я этого и добиваюсь.

— Не волнуйся, Джек. — Мейв улыбается, вырываясь из моих объятий. — Ты получишь свой фунт плоти, — улыбка не сходит с ее губ, когда она возвращается к столу, а я чувствую себя гребаным чудовищем.

Киан останавливается рядом со мной, но я не в настроении.

— Скажешь хоть слово, и мне плевать, кто на нас будет смотреть. Я разобью твою гребаную рожу.

Тишина.

Я смотрю на Киана.

— Услышал?

Он кивает, стиснув зубы.

— Громко и ясно.

ГЛАВА 20

МЕЙВ

Он хуже, чем я думала. В какие-то моменты случаются проблески, когда мне кажется, что я вижу в его глазах нечто большее, а потом он берет и напоминает мне о нашей сделке, нависшей над моей головой.

Хватаю пиво. Вообще я не пью, но прямо сейчас мне плохо, так что я заливаю в себя то, что терпеть не могу. Когда Джек садится рядом и придвигает мой стул к себе, как будто я его собственность, я пью еще больше и утыкаюсь взглядом в красно-белую скатерть. Алкоголь на меня странно действует. Сбрасываю с плеч кожаную куртку, когда тепло растекается по телу.

Киан возвращается, и все приступают к еде. Дана и ее мать поддерживают непринужденную беседу. Все мужчины улыбаются и кивают, похоже, всему, что те говорят. Мне нравятся отношения между ними. Все, что Дана рассказывает о колледже и поездке в Италию, искреннее волнение Светланы за дочь; она хочет знать все.

Обвожу взглядом мужчин. Подонки. Все без исключения.

Они все одинаковые, совсем как мой отец. Я отпиваю еще и замечаю, что Дана смотрит на меня.

— Ты пьешь? — она наклоняется вперед, пока сворачивает салфетку. Ее внимание сосредоточено на салфетке, как будто то, что она говорит, не имеет значения.

— Только одну, — мой голос звучит оборонительно, и я съеживаюсь, когда на меня обращает внимание Лиам. Мне не нравится то, как он смотрит на меня. Уставившись в ответ на него, делаю еще глоток, становясь немного смелее. Как бы я хотела высказать ему все за те гадости, которые он говорил, когда я была ребенком. Мне стоило бы поднять его на смех и сказать: «Посмотри на меня, я сижу за твоим столом, ем твою еду и делаю вид, что трахаюсь с твоим сыном».

Джек касается моей ноги, и я понимаю, что от меня волнами исходит враждебность. Проглатываю гордость и смотрю на Джека с улыбкой, приклеенной к губам. Эта улыбка способна сдержать всю мою боль внутри, и я не отпускаю ее, потому что боюсь, что, если это сделаю, развалюсь на части прямо за этим столом. Сейчас, несмотря на то, что злюсь, все идеально. Я сижу здесь с Джеком, моим парнем, наслаждаюсь ужином с его семьей и Даной, моей лучшей подругой. Меня окружает тьма, которая давит на нас. Кажется, что среди этих

четырёх колонн, окруженных сказочными огнями, мы в безопасности. Это заставляет меня вспомнить молитву, которую отец произносил со мной каждый вечер перед сном.

Господи, благодарю

За грядущую зарю.

Если я умру во сне —

Позаботься обо мне...

Матфей, Марк, Лука и Иоанн

Благословляют мое ложе по четырем углам.

Благословляют Мейв по вечерам.

В ушах стоит шепот отца, и боль пронзает сердце. Я часто представляла себе четырех ангелов, каждый из которых держит уголок моего одеяла.

Джек медленно наклоняется и прижимается губами к моим губам, и я принимаю его поцелуй. Прямо сейчас мне необходим какой-то якорь. Я поднимаю руку и касаюсь его щеки. Поцелуй длится недолго, но он высасывает из меня всю злость, оставляя головокружение от желания.

— Может, потом сходим в «Гадюку»? — сквозь пелену, которую поцелуй Джека установил вокруг меня, слышу слова Даны.

— Звучит заманчиво, — отвечает Шей с самой милой улыбкой на лице. Несмотря ни на что, он мне не нравится. Мне не нравится пронизательность, которая прячется в его взгляде, когда он говорит. Я чувствую, что он говорит одно, а думает другое. Это странный вывод, так как мне совсем немного времени удалось провести рядом с ним, но именно это мне кажется, когда я смотрю на Шею.

— Ты идешь? — Дана наклоняется ко мне, чтобы убедиться, что я ее слышу.

— Это зависит от Джека, — я делаю еще глоток, и мне нравится, что он делает со мной. Джек все еще не отпускает мою руку, и это приятно. Идущее от него тепло чувствуется совсем иначе, чем то, что я получаю благодаря напитку. Я знаю, что выпивка по сути своей — ложь, а он — нет. Я чувствую его от макушки до кончиков пальцев.

— Все, что пожелаешь, — улыбается мне Джек, и я не знаю, то ли из-за маленьких огоньков, которые мерцают вокруг нас, то ли из-за горячительной жидкости, которая течет по венам, но его улыбка кажется настоящей. От прилившего жара щеки вспыхивают, и я наклоняю голову. Не хочу, чтобы он заметил, что у меня в действительности есть к нему какие-то чувства.

— Думаю, это было бы весело, — говорю я, глядя сквозь опущенные ресницы.

— Решено, едем в «Гадюку», — поднимает голову Джек.

— Я, пожалуй, пас, — говорит Киан. Он почти весь вечер молчит. Я постоянно чувствую его взгляд на себе, но каждый раз, когда поднимаю глаза, вижу, что он уткнулся в свою тарелку. Может, с выпивкой приходит чувство паранойи.

— Мы с твоей мамой останемся, — в голосе Лиама звучат властные ноты. Он всегда говорит с превосходством, считая себя выше. Выше людей, выше закона, даже выше Господа.

Светлана смеется.

— Я и мечтать не смела об этом.

Она все еще сногшибательна и привлекает много внимания, но она смотрит на Лиама так, будто он — это все, о чем она смела мечтать. Я не понимаю. Неужели я так же смотрю на Джека? Делаю еще один глоток и вижу, что бутылка опустела.

— Хочешь еще? — я удивлена предложением Лиама. Удивлена, что он вообще заметил.

Мне следует отказаться.

— Да, спасибо.

— Я покружил бы тебя по танцполу, — Шей улыбается Светлане тошнотворно сладкой улыбкой.

— Такой очаровашка, — улыбается она в ответ.

Шей переводит взгляд на меня, и его улыбка немного вянет. Интересно, заметил ли он мою неприязнь к нему? Единственные за этим столом, кто когда-либо проявляли ко мне доброту, это Дана и Киан.

— Тебе стоит пойти, — говорю я Киану, ненавидя то, что не приложила усилий, когда он так много для меня сделал.

Он прекращает есть. Я не знаю, как у него в желудке еще осталось место для еды. Там словно бездонная яма.

— Может, и пойду, Рейли.

Ненавижу, когда люди обращаются ко мне по фамилии.

Я не смею смотреть на Джека, его злость почти осязаема, и это радует.

Он ревнует. Я не думала, что такое возможно. Лиам ставит передо мной бутылку и чистый стакан.

— Спасибо, — заставляю себя произнести эти слова еще и потому, что вспоминаю о манерах. Неважно, что он может обо мне подумать, меня воспитывали в духе уважения к старшим. Я бы никогда не стала говорить гадости о ребенке, как делал он.

— Тебе не обязательно оставаться. Сходи повеселись, — говорит Светлана Дана, но улыбается и мне тоже. — Большое спасибо, что пришла, Мейв.

Она всегда доброжелательна. Как вышло, что она с Лиамом, я не пойму, хоть убей.

— Спасибо, что пригласили меня.

Светлана встает и начинает собирать тарелки.

— Ты готова? — Джек отпускает мою руку, и я в несколько больших глотков приканчиваю свою выпивку и киваю ему. Чувствую на себе взгляд Даны, но сама не хочу смотреть на нее.

— Поехали.

Шей все еще сидит рядом с Кианом. Джек останавливается.

— Я хочу перекинуться парой слов с Лиамом. Я вас догоню, — кажется, впервые его голос звучит по-настоящему, грубо, и в нем слышна жесткость. Он может, не задумываясь, ударить.

— Увидимся позже, — Джек не спрашивает, почему Киан остается сидеть.

— Ты идешь? — спрашиваю Киана. Я не могу его бросить. Джек берет меня за руку.

Киан мешкает, и я понятия не имею, что у него на уме. Но, наконец, он поднимается, выпрямляясь во весь свой рост и возвышаясь над всеми присутствующими.

— Ага, иду, — ухмыляется он, и я чувствую, как Джек крепче сжимает мою руку.

Джек наконец перестает сверлить взглядом Киана, и мы выходим из-за стола. Светлана провожает нас до двери, и мы прощаемся долго, с объятиями и обещаниями, что придем еще. Я обнимаю ее чуть дольше, чем следовало бы, но для меня это действительно прощание.

Мне хочется поблагодарить ее за то, что она всегда была добра ко мне, но, если я выложу все начистоту, улыбка отклеится от моего лица, и все, что держу в себе, сорвется с губ.

Усаживаюсь на заднее сиденье джипа вместе с Даной. Киан включает музыку, едва

забравшись внутрь. Джек садится последним и выключает ее, а Киан не осмеливается включить снова.

— Ты должна рассказать мне, как это произошло, — Дана указывает на спинку кресла Джека. От выпитого взгляд у нее слегка остекленевший. Она не опьянела, но навеселе.

— Это долгая история, — тупая фраза, которую в английском языке надо запретить. Ни одна история не может быть длинной настолько. Это значит, что, либо у меня нет сил об этом говорить, либо не твое дело. Поступать так с Даной неправильно.

Джип трогается с места, и тишина тянется как дорога перед нами.

— Я встретила Джека в «Гадюке».

Дана ухмыляется.

— Что за фигня? Я и не знала, что ты туда ходишь.

Она права. Не хожу. Вечеринки — не мое.

— Да, ну у Деклана был приступ.

Улыбка Даны вянет, и она понятливо кивает.

Рассказывая часть правды, я в какой-то степени чувствую себя не так ужасно.

— Так что я отправилась в «Гадюку», чтобы выпустить пар.

Понимаю, что Киан с Джеком слышат все, что я говорю.

Дана опускает стекло и садится поудобнее, позволяя ветру шевелить темные пряди ее волос.

— Что ж, я рада, что ты это сделала, — она поворачивается лицом ко мне; ее глаза полузакрыты. — Вы двое всегда были равнодушны друг к другу.

Скрывавший это ребенок во мне медленно умирает. Я никогда не признавалась Данае в своих чувствах к ее брату, так что сейчас мне понятно, что это, должно быть, было ясно как день, судя по тому, как я смотрела на него, как вела себя рядом с ним. До меня доходят ее слова: она сказала про нас двоих.

Я фыркаю:

— Вряд ли.

— Разве я не нравился тебе, когда мы были детьми? — Джек поправляет зеркало заднего вида, чтобы посмотреть на меня.

— Ты был мудаком, — говорю я.

Киан хихикает на переднем сидении.

Джек поджимает губы, но в глазах пляшут искры веселья. Мне хочется, чтобы он отвернулся от меня.

— Может, я и был мудаком, но тебе нравился.

— Боже, ты слишком много о себе воображаешь. Ты тоже всегда был равнодушен к ней, — говорит Дана, медленно закрывая окно.

Мое сердце пропускает удар, пока в моей голове пытается уложиться эта мысль.

— Да, равнодушен, — Джек ловит мой взгляд в зеркале заднего вида, а я не хочу, чтобы он играл с моим сердцем.

— Ты выбрал странный способ показать это, — почти рычу, и мне приходится откинуться на спинку сиденья, чтобы взять под контроль свои эмоции. Наверное, мне надо выпить еще, а, может, это выпивка говорит во мне.

— Как ты и сказала, я был мудаком, — признание Джека меня бесит. Не может он вести себя как нормальный парень.

— Ты до сих пор такой, — пробубнил себе под нос Киан, но все услышали. Хотелось бы

мне знать, почему они не ладят.

Мы подъезжаем на задворки «Гадюки».

— Что ж, как бы там ни было, я рада, что вы, ребята, натворили дел и теперь ты моя невестка, — энтузиазм Даны не в тему, и я бросаю взгляд на Джека. У него есть все шансы расстроить свою сестру.

Я даже не нахожусь с ответом, так что выхожу, а Дана приплясывает с другой стороны джипа. Не дожидаясь Джека, захожу вслед за Кианом в клуб. Я хочу затеряться в людской толпе. Хочу, чтобы она меня засосала и выплюнула поздно ночью, когда я уже буду слишком пьяна, чтобы помнить о том, что должна сделать.

Сегодня ночью я напьюсь и отдам свою девственность Джеку, чтобы уйти от него навсегда, прежде чем он сделает со мной что-то непоправимое.

В клубе жарко и полно народу, и я стягиваю куртку. Киан оборачивается ко мне и улыбается, протягивая руку и забирая ее у меня.

— Я положу ее в укромное местечко.

— Спасибо, — одними губами произношу я, и он уже собирается уйти, когда я хватаю его за руку. Я не могу увидеть его больше, и прямо сейчас, пока нас окружают потные тела и пульсирующая музыка, притягиваю его массивную фигуру к себе, чтобы прошептать ему на ухо: — Спасибо, что помог моему брату. Я никогда этого не забуду, — и целую его в щеку; щетина колет мне губы.

— Я знаю о тебе и Джеке.

Я отшатываюсь от него.

— Я знаю, что он заставляет тебя делать это. Притворяться, что ты с ним.

— Он тебе рассказал, — со страхом шепчу я. — Пожалуйста, не говори Данае.

«Или кому-бы то ни было», — хочется мне добавить.

— Не скажу, но, если у тебя проблемы, я могу помочь.

Я издаю короткий смешок. Я не собираюсь занимать у Билли, чтобы заплатить Бобу, в то время как оба они — две стороны одной медали; как бы там ни было, оба они — О'Риган.

— Я в порядке, — наконец заверяю я Киана.

Чьи-то пальцы переплетаются с моими, и я понимаю, что это Джек, когда он отодвигает меня от Киана. Меня обволакивает аромат Джека, когда он увлекает меня вглубь толпы. Он разворачивает меня к себе, и, когда наши взгляды встречаются, во мне поднимается волна ненависти. Я ненавижу его за то, что он заставляет меня чувствовать.

Джек притягивает меня к себе, я впечатываюсь в его широкую грудь, и он медленно покачивает нас. Я понятия не имею, что творится у него в голове. Он выдерживает мой взгляд, а затем склоняет ко мне голову. Несмотря ни на что, у меня нет сил сопротивляться Джеку, и именно это делает его опасным.

Волнующая музыка заставляет мои бедра двигаться. Я выскользываю из объятий Джека, разрывая поцелуй, и продолжаю раскачиваться. Он обвивает руками мою талию и снова притягивает наши тела друг к другу. Твердая грудь, прижимающаяся к моей спине, заставляет мое сердце учащенно биться при мысли о его теле на моем. Его пальцы вырисовывают узоры на моей шее, когда Джек отодвигает прядь моих волос в сторону и впивается в шею теплым поцелуем, который заставляет меня шумно выдохнуть. Я продолжаю раскачиваться, зная, что моя задница трется о его член, который быстро твердеет.

Его горячие поцелуи воспаляют мое тело. Я снова отстраняюсь от него и

пробираюсь сквозь толпу. Хочу выпить. Мне нужно набраться храбрости и облегчить то, что собираюсь сделать. Я добираюсь до бара, возле которого полно народу, и пытаюсь привлечь внимание бармена, но он сильно занят. Чувствую, как к моей спине прижимается теплое тело, и, как только бармен замечает Джека, подходит к нам.

— «Bud» и... — Джек смотрит на меня сверху вниз.

— Водка, — я никогда ее не пила.

— С чем смешать? — бармен наклонился, чтобы я его услышала.

— «7Up».

Он уходит, и по залу разносится музыка. Свет от стробоскопов отражается на поверхностях, и все кажется такими счастливыми. Такими живыми. Танцуют, улыбаются, пьют и смеются, в то время как меня уносит течением, и я успеваю выпустить лишь пузырьки воздуха, прежде чем меня снова затягивает на дно. Я знаю, что сейчас он наблюдает за мной взглядом своих холодных голубых глаз и ощущаю усталость у себя в сердце, пытаясь удержаться на ногах.

Наши взгляды сталкиваются, и я хочу признаться в том, что чувствую, в том, что он заставляет меня чувствовать, и, может быть, он даст мне такую возможность. Большой ладонью он проходится по моей руке, возбуждая мои нервные окончания. Рядом с ним мне не по себе.

Не спи с ним. Он тебя разрушит.

Мне приносят водку, и я заглушаю голос рассудка. Когда выпиваю жидкость в три больших глотка, она обжигает мне внутренности.

Ставлю стакан на стойку, и смех Джека едва не сводит меня с ума.

— Так водку не пьют, — удаётся произнести ему сквозь смех.

Голова кружится, и я чувствую себя немного смелее. Приближаюсь к нему и облизываю губы. Смех обрывается.

— Так пью водку я, — не знаю, зачем я это сказала. В этом нет ничего сексуального, но взгляд Джека темнеет от того, что кажется желанием. Так что, может, это и было эротично.

Джек склоняется ко мне, и, заглянув ему в глаза, я понимаю, что увлечь Джека в его кабинет и отдаться ему там станет самой легкой частью всего этого.

Понимаю, что, если сделаю это, добровольно войду в эти волны, Джек О'Риган меня прожует и выплюнет.

ГЛАВА 21

МЕЙВ

Его теплые губы накрывают мои, и я тону в поцелуе, наполненном желанием и водкой. Обвиваю руками его шею и прижимаюсь к нему всем телом.

— Джек, — голос Киана разрушает власть, которую надо мной имеет поцелуй Джека. Когда я медленно отстраняюсь, замечаю, что Киан находится слишком близко. Моему затуманенному мозгу требуется секунда, чтобы допустить мысль о том, что Киан, стоя здесь и требуя внимания Джека, похоже, взбешен.

Я выпучиваю глаза, молча пытаюсь у него спросить, какого черта он делает, но он не обращает на меня внимания.

— На пару слов.

Рука Джека все еще лежит на моей талии.

— Я занят, — в мою кожу впиваются его пальцы, и я жду, что Киан отвернется. Но он стискивает зубы и переводит взгляд на меня, прежде чем снова посмотреть на Джека.

— Это не займет много времени, — по взгляду Киана я вижу, что он собирается что-то сказать обо мне.

Я хочу заслонить собой Джека и сказать Киану, что все будет хорошо. Джек убирает свои теплые ладони с моей талии и тянется вверх, обхватывая ими мое лицо, отвлекая мое внимание от Киана.

— Я скоро вернусь, — говорит Джек, скрепляя свое обещание поцелуем, а затем уходит вместе с Кианом. Наблюдаю, как они скрываются за дверью, через которую я вошла всего несколько дней назад, когда пробралась в клуб.

Я поворачиваюсь и тут же подзываю бармена, пользуясь преимуществом того, что он видел меня вместе с Джеком.

— То же самое, — говорю ему, и парень кивает.

Беру стакан, а он отходит обратно к людям, ожидающим в очереди свою выпивку. Меня не просят заплатить, я поворачиваюсь лицом к толпе и выпиваю водку. В этот раз кажется, что она обжигает еще сильнее, но мое опьяненное тело приветствует оцепенение, которое та предлагает. Ставлю стакан на стойку и иду к двери. Не хочу растерять всю свою решимость рядом с Джеком. Он нужен мне прямо сейчас, чтобы я сделала то, что должна.

Открываю дверь в пустой коридор. Выскальзываю из зала, до моих ушей еще доносится музыка, но так, словно голова набита ватой.

Слышу голоса, раздающиеся где-то из глубины коридора. Осторожно ступаю; даже в таком состоянии я все еще контролирую свои шаги.

— Она порядочная девушка, и то, что ты делаешь... — слышу голос Киана, и что-то тяжелое ударяется о стену, заставляя меня остановиться.

— Что я делаю? — Джек понижает голос, от чего я замираю на месте. Я никогда не слышала от него такого угрожающего тона, и это пугает меня настолько, что я подумываю о возвращении. — Что, мудила? Хорошенько подумай, прежде чем говорить.

Раздается еще один удар, и я вжимаюсь спиной в стену, словно могу раствориться в ней.

— Я без ума от Мейв, — от слов Киана мне хочется улыбнуться, но я слышу еще один удар о стену. Желание пропадает от нервного покалывания, зарождающегося на кончиках пальцев, как будто я хочу дотянуться и посмотреть, что же так громыхает. Краем сознания улавливаю шипение Киана каждый раз, как Джек впечатывает его в стену.

— Она со мной, — голос Джека все еще страшен.

— Для тебя она всего лишь дырка, — услышав оскорбление Киана, я отлепляюсь от стены.

Меня останавливает оглушительный грохот.

— Эта дырка моя!

Я разворачиваюсь и иду прочь от Джека с Кианом. Возвращаюсь в клуб. Мне не хватает воздуха. Не знаю, чего ожидала. Того, что Джек скажет Киану, чтобы не смел меня так называть. Вместо этого он говорит, что действительно питает ко мне какие-то серьезные чувства, а затем называет меня дыркой. Сердце словно сжимает когтистая лапа. Потираю грудь, будто это может помочь избавиться от боли. Врезаюсь в толпу, и она поглощает меня.

Я изначально знала, что он может вновь меня ранить, но не думала, что порез будет настолько глубоким или серьезным. Возвращаюсь к бару, заказываю, дай Бог, последний свой напиток на сегодня.

Бармен копается дольше, чем нужно, но, как только получаю выпивку, Джек тут как тут. Он натянуто улыбается и, глядя на его напряженные плечи, я подозреваю, что Киан сказал

ему что-то такое, что его расстроило. Я нацепляю улыбку, как проститутка наносит боевой раскрас, и залпом выпиваю водку.

Выбрасываю из головы все сомнения и причины, по которым мне не стоит этого делать, и сосредотачиваюсь на единственном, что важно сейчас. Я хочу, нет, мне необходимо обратиться подальше от Джека О'Ригана.

Тянусь к нему и кладу ладонь ему на грудь. Его сердце учащенно колотится. Приподнимаюсь на цыпочки и прижимаюсь поцелуем к его губам.

— Я хочу тебя, — шепчу ему в губы.

Он зарывается своими пальцами мне в волосы и вот уже реальность этого прикосновения и то, какое влияние оно на меня оказывает, заставляют меня переосмыслить то, что я собираюсь сделать.

— Я хочу тебя прямо сейчас, — оставляю дорожку поцелуев вдоль линии его челюсти и прижимаюсь к нему всем телом. — Мы можем где-нибудь уединиться? — поднимаю на него взгляд.

Он не сводит с меня глаз, в которых плещется похоть, но за ней мне чудится что-то еще, что я не могу определить. Меня не должно волновать, что чувствует этот говнюк. Я напоминаю себе о разговоре, который только что подслушала.

Я для него дырка, значит, так тому и быть.

Улыбаюсь, беря его за руку, и легко веду к двери кабинета. Он оглядывается, как будто проверяя, не смотрит ли кто. Большинство присутствующих пребывают в своих маленьких пузырях, наполненных блаженством. Я хочу лишь одного — чтобы он поторопился, и я могла покончить с этим раз и навсегда. Джек открывает дверь, и мой желудок сжимается, заставляя меня помедлить у двери. Он тянется к выключателю, но я останавливаю его.

— Не включай свет, — мой голос дрожит, и мне хочется выпить еще.

Но, если выйду отсюда, вряд ли когда-нибудь наберусь смелости сделать это еще раз.

Я захлопываю дверь и погружаю нас в темноту. Закрываю глаза, все кружится, и кажется, будто хаос, живущий внутри меня, выплескивается здесь и сейчас.

Вздрагиваю и открываю глаза, когда Джек обхватывает мое лицо ладонями. Я вижу его силуэт из-за света фонарей, проникающего через окно.

Он осторожно трогает губами мои губы, но, как только его тепло начинает обволакивать меня, я растворяюсь в нем и отвечаю на поцелуй, поначалу нежный, но становящийся все глубже. Мое тело тут же откликается. Провожу руками по его широкой груди, и через мою кожу словно проходит электрический разряд. Я хочу отстраниться, но в то же время хочу завести его. Джек прерывает поцелуй и снимает с себя рубашку. Он вновь обхватывает ладонями мое лицо, вновь накрывает губами мои губы, и я снова касаюсь его тела. Внутри меня все плавится, и я удивлена тем, что так сильно хочу его.

Я не могу его видеть, и это радует, потому что это бы все усложнило. Заглянуть в эти холодные голубые глаза, сосредоточенные на мне, как будто он только и думает о том, чтобы поиметь меня. Я — Мейв Рейли. Не просто очередная баба для траха.

— Что такое? — выдыхает Джек.

Я понимаю, что перестала его целовать.

— Ничего, — обхватываю его за плечи и снова притягиваю к себе. Джек подхватывает сильными руками меня за бедра, и я тут же закидываю ноги ему на талию, пока он несет меня к своему столу. Жар от его торса проникает в меня, и грудь в бюстгальтере тяжелеет. Джек опускает меня на стол. Здесь свет от окна ярче, и мне будет видно Джека гораздо

лучше. Закрываю глаза, пока не дрогнула и не потеряла самообладание.

Откидываюсь назад и стягиваю с себя топ. Джек замирает, уставившись на меня, и в тусклом свете я позволяю ему хорошенько себя рассмотреть. Тянусь за спину и расстегиваю бюстгальтер, освобождая грудь.

Джек расстегивает джинсы, стаскивая их вместе с боксерами вниз. Его член огромного размера вырывается на свободу, и я отвожу взгляд. Как, черт возьми, он во мне поместится?

Мое сердце начинает биться чаще, но я забываю о страхе, когда Джек, приблизившись ко мне, снова меня целует. Влага насквозь пропитывает мои трусики, и я придвигаюсь к его члену. Он упирается мне в шов джинсов, и это движение переворачивает все внутри меня. Я не могу сдержать стона.

Отрываюсь от его губ и целую в шею, вдыхая запах Джека. Аромат его теплой кожи, смешанный с одеколоном, окутывает меня. Джек проводит руками вниз, добираясь до моих джинсов, и мой желудок делает сальто.

Пуговица расстегнута, и я оставляю еще один поцелуй у него на груди. Движения Джека становятся все нетерпеливее, и я откидываюсь назад, приподнимаясь, позволяя ему стянуть с меня штаны. Я не чувствую холода, хотя должна бы замерзнуть, сидя на его столе в одних трусиках, но мне еще никогда не было так жарко как сейчас.

Джек подтягивает меня ближе, средоточие моей женственности касается его члена, а между нами остается только тонкая ткань моих трусиков. Сильными пальцами дергает трусики с двух сторон, разрывая ткань, внутренняя поверхность моих бедер блестит от влаги, когда Джек прижимает член к моему входу.

Придвигаюсь ближе, и он целует меня в шею, прежде чем захватить губами твердую горошину соска. Задевает зубами чувствительную кожу, и я шиплю, теснее прижимаясь к нему. Джек толкается в меня членом, и я впиваюсь пальцами в его плечи от того, что он прикусывает сосок.

Его губы покидают меня, и я хватаю ртом воздух, когда он направляет член к моему входу. Поддерживая меня за поясницу одной рукой, он останавливается и внимательно смотрит на меня. Смущение вынуждает меня насадиться самой на его член, чтобы не дать ему остановиться. Головка проникает внутрь, и возникшее жжение заставляет меня замереть, но наряду со жжением нарастает тепло.

Джек выходит из меня, а затем снова вводит головку. Взяв меня за руки, тянет на край стола. Наклонившись, скользит еще глубже, всаживая в меня член. Слышу, как Джек стонет мне в шею, и впиваюсь ногтями ему в плечи. Жжение усиливается, и мне приходится зажмуриться, когда Джек толкается в меня и выдыхает еще один громкий стон, отчего я сжимаюсь вокруг него. Медленно скользит наружу, и жжение постепенно утихает. Сосредотачиваюсь на его губах, целующих меня, и на этот раз, когда он постепенно входит в меня, я стону вместе с ним.

Мои стоны заставляют его толкаться глубже, растягивая меня, расширяя меня для его большого члена. Медленно выходя, движется внутрь с каждым разом всё быстрее и настойчивее. Наши языки сплетаются, Джек обхватывает мое лицо ладонями, а затем подхватывает меня под ягодицы.

Я едва не падаю со стола, когда Джек до упора вгоняет в меня член, и мы громко стонем в унисон. Мы исступленно целуемся, пока он несет меня к стене. Холодный кирпич упирается мне в спину, и по коже пробегают мелкие мурашки. Джек отгоняет все это теплом своей груди, прижавшейся к моей.

Я обхватываю его талию ногами. Скорость его движений увеличивается, а жжение уже не такое сильное. Ощущение того, что мне нужно больше — больше воздуха, больше его, становится непреодолимым, и я теснее сжимаю ноги на его талии, пока он скользит в меня. Я вновь и вновь ударяюсь спиной о стену, и каждый раз все крепче обнимаю его за плечи.

Я задыхаюсь от влажных поцелуев, сражаясь за глоток воздуха, пока он увеличивает темп. Он не осторожничает, сильно вонзаясь в меня, его громкие стоны отдаются у меня во рту.

Его толчки становятся все интенсивнее, и это как будто чиркнули спичкой. Во мне разгорается эта искра, и Джек трахает меня все отчаяннее, когда я впечатываюсь спиной в стену и кричу от волн удовольствия, захлестнувших меня. Джек кончает вслед за мной и стонет мне в губы, забирая остатки воздуха из моих легких.

Быстрые вспышки под моими закрытыми веками вскоре гаснут с каждым замедляющимся ударом. Я ослабляю хватку на его плечах, и пот струйками стекает по моей спине. Открыв глаза, встречаюсь со взглядом холодных голубых глаз, полным нежности... и сглатываю, когда Джек еще несколько раз погружается в меня. Я вижу что-то более глубокое, чем желание, но это мой разум пытается спасти этот момент.

Моя спина больше не ударяется о стену, Джек останавливается. Его тяжелое дыхание опалает мою шею. Поднимаю руки и обнимаю его. Я обнимаю его, потому что никогда раньше не чувствовала ничего подобного. Я никогда и ни к кому не испытывала такого прежде. Вдыхаю запах Джека, в глубине души надеюсь, что никогда не забуду его запах, но выжившая часть меня надеется, что я никогда не вспомню этот момент.

Подруги говорили, что это очень больно, и после идет кровь. Мне, возможно, вначале было некомфортно, но потом все стало идеально.

Опускаю ноги на пол, и дрожь заставляет меня отпустить Джека и привалиться к стене. Он отстраняется от меня.

— Дай мне минуту, — он уходит, забирая с собой тепло и деликатность момента.

Обнаженная, стоя у стены, я чувствую себя куском мяса. Дыркой.

Джек протягивает мне салфетки. Смотрит напряженно.

— Спасибо, — забираю салфетки и жду, пока он отвернется, прежде чем вытереть между ног. Я уверенным шагом иду к столу. Так Джек, но и моя одежда тоже.

Поднимаю и натягиваю на себя джинсы. Порванные трусики кладу в карман, надеваю бюстгальтер.

— Ты в порядке? — голос Джека звучит как-то странно.

Натягиваю топ, чувствуя себя в нем более уверенно. Повернувшись к Джеку, стараюсь не глядеть на его голую грудь. На нем только джинсы, и выглядит он как бог, который только что хорошо потрахался.

— Да.

Джек делает шаг, зарывается пальцами мне в волосы и обхватывает меня за шею. Поцелуй, который он оставляет на моих припухших губах нежен и внезапен.

Я прочищаю горло и отступаю назад. Меня мутит, и я сглатываю, прежде чем поднять голову.

— Долг погашен. Я выполнила свою часть сделки. Так что... — это кажется неправильным, и мне не нравится то, как мое сердце трепещет и ухаает вниз, но я сделала это ради свободы.

Вот только правда в том, что я считаю, что загнала себя в клетку, из которой никогда не

освобожусь. Как я могу забыть его?

Не после такого.

— Прощай, Джек.

ГЛАВА 22

ДЖЕК

Мейв уходит от меня, как будто и впрямь считает, что это возможно. Ее присутствие все изменило.

Я не могу ее отпустить.

Никогда.

— Нет.

Она приостанавливается и разворачивается, сверкнув глазами. Она чертовски охуительна. Она моя. Неважно, какой ценой, я не отпущу ее.

Мейв сжимает ноги, похоже, вспомнив, чем мы только что занимались.

— Я выплатила свой долг, — мне не нравится то, что я слышу в ее голосе нотки мольбы.

Меня так и подмывает признаться ей, что мне чихать на деньги. Все это для того, чтобы я мог заполучить ее. Финансовые затраты на нее для меня ничего не значат. Я всю жизнь мечтал о ней и ненавидел ее, потому что не мог обладать ей. Мой отец вбил мне в голову, что она чужак и никогда не примет наших обычаев.

— Ты никуда не уйдешь, — ставлю точку я. Если понадобится, привяжу ее к стулу. После того, как она впервые пришла ко мне, я знал, что не смогу отпустить ее, даже если это было бы правильно.

— Посмотри на меня, — она отворачивает от меня напряженное лицо и дергает дверь.

Пересекаю комнату, догоняя ее.

— Не вынуждай меня, Мейв, — я почти бегу, успевая с силой захлопнуть рукой приоткрытую ей дверь. Мейв оборачивается, прижимаясь к ней спиной. В ее глазах зарождается страх, а я этого не хочу.

Мне приходится глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться.

— Свою часть сделки я выполнила. Теперь хочу уйти, — звонко и зло говорит она.

Дело в Киане? Неужели он насочинял ей что-то? Он не раз вставал на ее защиту. Между ними что-то было раньше? Я упираюсь рукой в дверь над ее головой, и мои пальцы сжимаются в кулак при мысли, что это ублюдок тронул то, что принадлежит мне.

— Я сказал «нет». Я хочу, чтобы ты осталась, — сердце бьется чаще, когда я озвучиваю то, что оказывается правдой.

Мейв скрещивает руки перед собой. Ее взгляд не поднимается выше моей обнаженной груди. Я слишком близко. Мне стоит дать ей немного пространства, но я не могу сдвинуться с места.

— Я выполнила условия контракта. Пункта о том, что ты трахнешь меня еще не раз, в нем не было, — она тяжело дышит, и грудь ее вздымается и опадает, вызывая в памяти то, как идеально упруго перекатывались горошины ее сосков на моем языке. Член снова каменеет. Перевожу взгляд выше, смотрю ей в глаза.

Контракт — только о нем она постоянно твердит. Может, пока она ничего ко мне не чувствует. Но со временем все изменится. Убираю сжатый кулак, упирающийся над ее головой, и, ухмыльнувшись, делаю шагок назад.

Ее бравада тает, когда она улавливает злость в моей ухмылке. Она поворачивается, чтобы снова открыть дверь.

Стискиваю зубы. Мне нужно удержать ее.

Неважно, какой ценой — говорю я себе. Мейв стоит ко не спиной, но тело ее напряжено, как будто ожидает удара.

Я отступаю, и она оглядывается на меня через плечо.

— Твоему брату еще нужно оплатить долг перед больницей.

Она распахивает глаза, и я понимаю, что выиграл, но вбиваю еще один гвоздь в крышку гроба.

— Если ты вздумаешь уйти, я вышвырну его задницу на улицу. Его лечение прервется, и он снова подсядет на наркотики, — отхожу, позволяя словам медленно проникнуть в ее сознание. — Ты поедешь со мной, — я подхватываю рубашку и надеваю ее, прежде чем повернуться к Мейв. Даже в тусклом свете мне видно, что она хочет наброситься на меня и причинить боль, однако вздергивает подбородок повыше.

— Ты брату моему угрожаешь? — рычит она, топая через всю комнату.

— Это зависит от тебя, — включаю на своем столе лампу, желая рассмотреть ее лучше.

Ее ноздри раздуваются, и она сжимает кулаки.

— У тебя такой вид, будто ты хочешь меня ударить, — делаю шаг к ней. Если она набросится на меня и ударит, я не стану ее останавливать. Желание снова почувствовать на себе ее прикосновение заставляет меня соглашаться на любой контакт.

— Я не такая, как ты, Джек. Я уже сказала тебе, что никогда так больше не сделаю, и слово сдержу. Неважно, как сильно я этого хочу.

— Хорошо. Его больница и реабилитация будут оплачиваться, пока ты остаешься. Ты уйдешь... — я заканчиваю застегивать рубашку. Бледность ее кожи заставляет меня выключить свет. — Поехали домой, — ей необходимо отдохнуть.

Тянусь за ее рукой; Мейв поначалу никак не реагирует, когда я сплетаю свои пальцы с ее. Ее тело словно онемело на мгновение. Когда до нее доходит реальность, Мейв вырывает свою ладонь из моей.

— Мне снова придется спать с тобой? — в ее голосе слышится испуг.

— Я никогда не стану принуждать тебя, Мейв.

— Джек, ты не ответил.

Дверь кабинета открывается, и Шей заглядывает внутрь. Обведя взглядом затемненное пространство кабинета, его глаза останавливаются на мне.

— Финн очнулся. Просто подумал, что ты захочешь узнать, — Шей переводит взгляд на Мейв, и я закрываю ее собой.

— Я уже собираюсь домой. Если хочешь, поговорим у меня, — Мейв становится бледнее с каждой секундой.

— Ладно, я поеду за тобой, — Шей выходит и закрывает дверь.

— Я и с ним должна буду спать? Или с Кианом? Или, черт знает, с кем еще?

В мгновение ока оказываюсь перед ней и выбрасываю вперед руку. Я хочу оборвать ее слова. Сжимаю ее горло, и она вскрикивает, шокированная моим движением.

— Ты моя. Только моя, — я отпускаю ее, прежде чем сжал бы еще крепче. — Доходчиво объяснил? — повышаю голос.

Мейв, потирая горло, отходит и кивает.

— Мейв, я не хочу, чтобы между нами возникло недопонимание. Неважно, чего ты хочешь. Пока ты со мной, ты будешь только со мной. Ни с кем больше.

Ее руки замирают на горле, но тереть шею она перестает.

— Ты поняла меня?

— Да, — она моргает, и слеза скатывается у нее по щеке.

Злость вспыхивает с новой силой при виде ее капающих слез.

— Ты будешь спать в моей постели, — в моем голосе клокочет гнев, пока я подхожу ближе к Мейв. — Ясно?

— Да, — соглашается она так тихо, будто только что в ней что-то надломилось.

Протягиваю руку, и она вздрагивает, но не двигается. Обхватываю ее пальцы; руку не отдергивает. Ее маленькая ладошка теплая, и член у меня каменеет при мысли о том, как она ласкает меня.

На нас обрушивается грохочущая музыка клуба, когда выходим из кабинета и я веду Мейв к двойным дверям. Едва они за нами закрываются, шум стихает. Я не выпускаю ее руку, пока мы идем по коридору. Минуем комнатку, в которой мы говорили с Кианом. Он зашел слишком далеко, и я взбесился. Отца это не обрадует. Мне всегда удавалось сдерживать свою неприязнь к Киану, но, увидев его рядом с Мейв и то, как он смотрит на нее, я не мог дожидаться момента, когда смогу на него наброситься, и сегодня я срывался на него несколько раз.

Холодный воздух улицы обжигает шею. Мейв в топе без рукавов. Я открываю перед ней дверь и помогаю забраться в джип. Она тянется к ремню, и я, заметив, как дрожат у нее руки, останавливаю ее пальцы. Она сидит, уставившись вперед, ожидая, пока я склонюсь над ней и застегну ее ремень. Мне хочется ее поцеловать, но Мейв сжимает губы в тонкую полоску. Она так соблазнительна, что не могу удержаться: замираю у ее шеи, а затем целую небольшие засосы, которые оставил на ее коже.

Под моими губами ее пульс начинает биться учащенно, и член реагирует на это. Закрываю ее дверцу и устраиваюсь на водительском месте.

— Ты устала, — говорю ей в тишине. — Скоро будем дома, и ты сможешь отдохнуть.

Мейв продолжает меня игнорировать, и я сжимаю руки на руле. Хочу слышать ее голос, но не хочу принуждать ее. Я должен набраться терпения. Слишком много всего произошло у нее сегодня. Ей есть, о чем подумать. Так что мне стоит дать ей время.

Когда возвращаемся домой, я снова беру ее за руку и веду по лестнице вверх. Свет отражается в высоком окне на лестничной площадке, возвещая о прибытии Шея. Я оставил входную дверь незапертой, чтобы он мог зайти.

Включаю в спальне свет и задергиваю шторы.

— Мне надо поговорить с Шеем. Но ты ложись. Я приду позже.

Мейв выглядит более собранной и на этот раз встречается со мной взглядом.

— Хорошо, — отвечает хрипло, но я рад, что она решила поговорить со мной. Я хочу еще раз поцеловать ее, но понимаю, что ей нужно время.

Шей торчит у меня в гостиной. Он открыл бутылку бренди и наливает себе выпить.

— Хочешь глоток? — спрашивает он, не поворачиваясь.

— Давай, — наблюдаю за ним в отражении стоящего перед ним стеклянного шкафа. Трудно понять его мотивы во всем этом.

Он протягивает мне стакан.

— О чем ты говорил с моим отцом?

Шей делает большой глоток.

— Мой отец рассказывал мне истории о твоём. Как он улыбается в глаза, а сам в это

время замышляет твою смерть.

Так и есть, но я не стану это подтверждать. Делаю глоток бренди и присаживаюсь.

Шей скидывает с плеч рыжий замшевый пиджак и ставит стакан на пианино, которое стоит тут больше для красоты.

— Он улыбался мне, — говорит Шей, закатывая рукава.

— Правда? — делаю еще глоток.

Руки Шей покрыты татуировками. Он подхватывает стакан и усаживается на скамейку возле фортепиано.

— Ага. Так и не понял, кто — ты или он — должен был бы прийти за мной. Ставлю на него. Без обид.

— Все в порядке.

— Так что я подошел к нему удостовериться, что вычеркнут из его списка смертников.

Шей мне нравится, и надеюсь, ему удастся скрыться с радаров моего отца, но все же есть сомнения.

— И?

— Ты мне нравишься, Джек, — ухмыляется он. — Мне импонирует то, как глубоко ты прядешь свои козыри. Я понятия не имею, исключен ли я из его списка. Я сказал ему, что оставлю свои расспросы о бабушке. Он показался мне удовлетворенным, но ты знаешь его лучше.

Шей прав. Есть большая вероятность, что отец не хочет его убивать, но, если Шей не согласится или сделает хоть что-то, что его разозлит, он будет мертв.

— Если он выглядит удовлетворенным, то, скорее всего, так оно и есть.

Шей некоторое время изучает меня, прежде чем глотнуть еще. Я понятия не имею, утолили ли мои слова его жажду обрести свободу от внимания моего отца.

— Значит, Финн очнулся, — меняю тему я. — Это хорошая новость, — откидываю голову на спинку дивана, думая о спящей в моей постели красавице.

— Может, он и очнулся, но его парализовало.

Я поднимаю голову:

— Черт.

— Ага. Я предпочел бы сдохнуть.

Как и Финн. Как и любой из нас. Быть прикованным к инвалидному креслу — смерти подобно.

— Он сильный, — лгу я и отхлебываю из стакана. Для меня Финн — самый слабый из всех братьев.

— Твой отец спрашивал, как продвигается наше дело.

Шей со стаканом в руке встает со скамейки и принимается мерять шагами комнату, как будто однажды она может стать его.

— Что ты ему сказал? — я приканчиваю свой стакан, мои мысли все еще заняты Финном. Он не переживет этого. А кто бы смог?

— Я рассказал ему, как обстоят дела, когда Киану поручают руководить.

Я улыбаюсь Шею. Черт возьми, вот это он сказанул.

— Кстати, о Киане. В клубе он выглядел довольно потрепанным, — Шей спрашивает, не спрашивая.

— Неужели? Может, этот придурок впечатался в дверь.

Шей отворачивается от меня и опустошает свой стакан. Поставив его на крышку

фортепиано, он медленно раскатывает рукава.

— Я рад, что мы с твоим отцом уладили наши разногласия. Я не хочу, чтобы между нами всплывала какая-то вражда и пробегала через каждое поколение, — говорит Шей, накидывая пиджак.

— Шей, мы с тобой не враждуем, — вот теперь он спрашивает.

Он наблюдает за мной мгновение, прежде чем отойти от своего пустого стакана.

— Хорошо. Ты мне нравишься, Джек.

— Ты сказал это дважды.

— Я просто надеюсь, что ты меня услышал.

Я встаю, когда он подходит к дивану.

— Я услышал тебя, Шей.

Он поднимает воротник своей куртки.

— Увидимся завтра.

Когда он покидает комнату, я допиваю бренди, запираю входную дверь и поднимаюсь вверх.

ГЛАВА 23

МЕЙВ

Я долго стою под струями горячего душа, а затем сворачиваюсь калачиком на кресле, укрыв его халатом ноги. Ни за что не лягу в постель. Может, мне и придется остаться здесь, но я не собираюсь делать все, что он говорит. Сглатываю слегка пульсирующую боль в шее.

Его вспышка гнева ужасает. Я никогда не видела Джека в таком состоянии, а теперь, став тому свидетелем, понимаю, что поступаю глупо, сидя здесь и пытаюсь удержать контроль над ситуацией, которого у меня на самом деле нет. Так много всего в моей жизни, что я не могу взять под контроль: зависимость матери, зависимость брата, уход отца. Подтягиваю ноги на кресло и кладу подбородок на колени.

Когда думаю о том, что между мной и Джеком все кончено, внутри все сжимается от страха. Возвращение домой представляется беспросветным. Вернуться к своей жизни и оставить все это позади — все равно, что получить в подарок мгновение одного из приключений, придуманных Декланом: путешествие на корабле викингов, волны которого должны были потопить нас, но вместо этого бурлящая вода поднимает и несет нас в небо.

Горькая правда в том, что я не хочу его покидать, но то, каким образом меня удерживают, похоже на эскорт или что похуже. Он сказал Киану, что я дырка.

Щеки опалает жаром, когда вспоминаю эту фразу. Я не такая. Я всю жизнь держалась за свое уважение. Насмотревшись на то, как моя мать меняет мужчин чаще, чем наступают понедельники, я просто не могла позволить мужчине вот так взять и отнять его у меня. Или я так думала.

Я пытаюсь сказать себе, что это другое.

Это хуже.

Хуже, потому что я стремительно влюбляюсь в Джека. Например, мою мать интересуют секс, или выпивка, или деньги. Но не меня. Мое сердце на линии огня, и мне некого винить, кроме себя. Я пошла к Джеку, зная, что я к нему чувствую. Я пошла к Джеку, когда, возможно, могла бы попросить Киана, но в глубине души я понимаю, что сделала это, чтобы увидеть его.

Дверь спальни открывается, и я замираю на кресле, мое сердце начинает биться чаще раза в три. Сразу же хочется нырнуть в кровать и притвориться спящей. Холодный взгляд

голубых глаз Джека скользит по мне; кажется, он не доволен, но закрывает за собой дверь спальни.

— Ты не устала? — спрашивает он, подходя к гардеробу и скидывая с себя одежду.

Я вымотана. Умственно и физически. Такое искушение — видеть Джека и осознавать, как легко я могу позволить себе притвориться, что мы пара, которая ложиться спать. Сделать это слишком легко — как есть или дышать. Это было бы естественно, и я думаю о том, что сейчас это было бы прекрасно, но как насчет долгосрочной перспективы? Что будет потом, когда долг будет выплачен, а я стану никому не нужна? Это и так будет довольно болезненно.

— Да, — шепчу, когда он выходит из гардероба в одних белых боксерах. Я не знаю, куда смотреть.

— Тогда ложись в постель, — в его голосе уже нет той властности и злости, что звучала в клубе.

Слезаю с кресла и оставляю халат на спинке. Мои босые ноги тонут в пушистом ковре кремового цвета, когда я подхожу к своей стороне кровати. Я не поднимаю глаз на точеное совершенное тело Джека. Укладываюсь в кровать и натягиваю на себя одеяло, поворачиваясь к нему спиной. Я не раздеваюсь, потому что не собираюсь больше терять себя ради него.

Когда Джек забирается в кровать, матрас прогибается, а я зажмуриваюсь сильнее, представляя, как он трахает меня. Прикусываю губу, и во рту появляется металлический привкус. Мне нужно вспоминать его руку, сжимающую мою шею, а не его внутри меня.

Втягиваю воздух, когда он обхватывает мою талию и притягивает к себе, к своей твердой груди. Распахиваю глаза, чувствуя, как его стояк прижимается к моей заднице.

Его дыхание щекочет мне ухо.

— Спокойной ночи, Мейв, — его голос глубже обычного, вызывает дрожь, словно проводит языком по спине.

Черта с два я так засну. Сглатываю стон.

— Спокойной ночи.

Его дыхание все еще опалает мои волосы, я дрожу и теснее прижимаюсь к нему, тут же пожалев о содеянном, поскольку его член дергается у моей задницы.

Он сильнее сжимает рукой мою талию, а затем отпускает, откидываясь на подушку. Чувствую затылком его дыхание, уставившись на двойные двери, ведущие на балкон. Сосредоточусь на стыке и подожду рассвета.

Периодически моргаю, зрение постепенно теряет фокус, и вскоре я засыпаю.

Переворачиваюсь на другой бок и замираю, когда боль между ног вырывает меня из объятий сна. Солнечный свет, проникающий сквозь шторы, заставляет меня несколько раз моргнуть, и требуется мгновение, чтобы вспомнить, почему мне так больно.

Джек. Вчера я занималась с ним сексом.

Приподнимаюсь на животе, когда возвращается паника из-за всех событий прошлой ночи. Я ожидаю увидеть Джека, но кровать пуста. Пробегаю пальцами по месту, где он спал ночью. Холодно. Утыкаюсь лицом в подушку и с облегчением выдыхаю. Я снова в его доме, в его постели.

— Как спалось?

Сердце пропускает удар, и я отбрасываю волосы с лица, судорожно поворачиваясь на звук его голоса. Он сидит в кресле за письменным столом, в белой рубашке, несколько пуговиц на которой расстегнуты, длинные ноги облачены в черные брюки, и мое сердце не

может найти себе места: скачет так, будто за мной гонятся.

— Нормально, — убираю прядь волос с лица. Джек переводит взгляд на мою шею, желваки на его челюсти дергаются, и он встает, выпрямляясь во весь рост.

— Я хочу, чтобы ты позавтракала со мной, — говорит он, надевая черный пиджак.

— Я не голодна, — зарываюсь в одеяло.

Джек смотрит на меня, и все, что я вижу, — это безразличие.

— Мейв, это был не вопрос, — оставляет он меня и скрывается в гардеробе.

Вот что происходит, когда Джек О'Риган добивается своего. Он взял то, что хотел, и теперь со мной будут обращаться как с одной из его шлюх, которая просто делает то, что ей говорят?

Джек появляется в проеме гардероба с красным галстуком в руке.

— Почему ты все еще в постели?

— Я буду убираться в клубе, драить туалеты. Я верну долг, даю слово, — отбрасываю одеяло и встаю на колени. Хочу донести до Джека, что я не сбегу и верну каждый пенни, даже если на это уйдет вся жизнь.

Джек надевает галстук, подходит к кровати, остановившись у изножья, и мне приходится задрать голову, чтобы не отвести взгляд.

— Я в этом не сомневаюсь, Мейв. Но я уже озвучил тебе условия.

Стискиваю зубы, сдерживая дикое желание наброситься на него. Слезая с кровати и отхожу от него подальше.

— Ты можешь хотя бы сказать мне, как долго собираешься держать меня здесь, — терпеть не могу мольбу, звучащую в моем голосе. — У меня колледж, мама переживает за меня, а еще я подрабатываю.

Хочется что-нибудь швырнуть в него. По выражению его лица я понимаю, что ему пофиг и его достали мои жалобы.

— Увидимся внизу за завтраком, — и он уходит.

Падаю на кровать, и на секунду возникает мысль о том, что я не сдвинусь с места и пусть он там бесится. Но понимаю, что это ничего не даст; он утащит меня вниз. Я переодеваюсь в чистые джинсы и черный свитер, затем укладываю волосы. Умываюсь, чищу зубы и спускаюсь вниз. Он не сказал, в какой комнате мы будем завтракать, но я иду на кухню на запах оладий. Я думала, что увижу возле плиты его повара. Чего я не ожидала, так это Джека, который снова снял пиджак и закатал рукава своей белой рубашки.

Миска с тестом для оладий стоит на столе, пока он переворачивает один на сковороде.

— Тебе полить кленовым сиропом? — спрашивает он, не оборачиваясь.

Завтрак накрыт на двоих. Обстановка интимная. Мой желудок сжимается, когда я взбираюсь на табурет. В маленькой вазе между ножами и вилками стоит одна роза.

— Нет, я ничего не хочу, — отвечаю я, зная, что он не может заставить меня есть. Он продолжает готовить, наполняя тарелку. Джек наливает в две чашки кофе и несет их к барной стойке. Я не поднимаю глаз на него, когда он ставит чашку передо мной. Он уходит, возвращаясь с тарелкой оладий и ставя ее на стойку.

— Прошу, поешь, — мягко говорит он, заставляя меня поднять голову. Желваки на его скулах приходят в движение. — Мы можем поговорить о колледже.

Я беру нож и вилку, а плечи Джека расслабляются, когда он берет свою тарелку с оладьями и садится за стойку. Он слишком близко, пространство слишком ограничено. Я чувствую аромат его одеколона, смешивающийся с запахом печеных оладий.

Я сосредотачиваюсь на кофе и оладьях. Не спрашивая, Джек кладет мне кусочек масла и поливает кленовым сиропом. На протяжении всего завтрака я молчу, ем оладьи, запивая их кофе, и все это время чувствую на себе взгляд Джека, что заставляет меня пытаться сдерживать жар, опаляющий мои щеки.

— Позже я дам тебе ноутбук, чтобы ты могла продолжить заниматься онлайн.

Наши взгляды встречаются.

— У меня нет онлайн занятий. Я должна на них ходить.

Джек вытирает губы салфеткой и отпивает кофе.

— Я уже договорился с твоими преподавателями.

Собираюсь было расхохотаться и сказать ему, чтобы прекращал ерничать, но он серьезен.

— Джек...

— Мейв, я уже обо всем договорился. Твои учителя пойдут тебе навстречу, — сообщает он, собирая тарелки.

— Что, если я не хочу заниматься онлайн? Что, если я хочу ходить на занятия?

Он останавливается, поворачивается ко мне и окидывает меня таким взглядом, который мог бы оленя остановить.

— Ты предпочтешь ездить на занятия, сидеть там со всяким сбродом тому, чтобы заниматься с комфортом у себя дома?

В его фразе слишком много ошибок.

— Сброд? Ты имеешь в виду моих одноклассников? И, кстати... — я обвожу рукой пространство вокруг нас. — Это не мой дом.

— Даю тебе полное право считать его своим.

— Значит, я могу ходить, куда захочу, и растащить его на кирпичи?

Он бросает на меня предупреждающий взгляд:

— Я думал, ты будешь довольна, — с раздражением говорит он, как будто я веду себя неразумно.

Он относит тарелки в раковину, а я закрываю глаза, пытаюсь справиться с паникой. Меня радует возможность вернуться к занятиям. Не прыгать из одного автобуса в другой и не мерзнуть холодным утром — тоже бонус, но, все равно, все это кажется каким-то неправильным.

— Что ты сказал моим преподавателям? — как он вообще смог устроить такое? Деньги — вот и ответ. Они всегда правят миром.

— Сказал, что ты хочешь заниматься онлайн, — в его ответе слышится скука.

— Вот так просто, — качаю головой и поднимаюсь.

Джек медленно и размеренно шагает ко мне.

— Вот. Так. Просто, — каждое слово словно вырезано изо льда, и я понимаю, что мне нужно уговориться и перестать задавать вопросы, иначе он может завести меня.

— «Спасибо» будет достаточно, — он гладит ладонью мою щеку, и мое тело без разрешения льнет к его теплу.

Я поджимаю губы. Мне совсем не хочется говорить ему спасибо. Я молчу и готовлюсь принять все последствия моего неповиновения.

Джек целует мои сомкнутые губы, они сдаются под его напором, и, откинувшись назад, он улыбается мне:

— Если бы ты знала, как сексуальна, когда злишься.

Эта неразбериха в отношениях с Джеком, кажется, растет с каждым днем в геометрической прогрессии. Я не знаю, что и думать, но его слова заставляют сердце биться чаще.

— Перестань играть со мной, — шепчу я и не могу удержаться, чтобы не перевести взгляд на его губы. Он обхватывает другой рукой мою щеку, и мое лицо оказывается между двух крепких ладоней.

— Я не играю.

Его слова звучат правдиво, но я качаю головой. Неужели он не понимает, что я хочу от него услышать? Неужели он не видит, как я хочу его?

Джек наклоняется и снова нежно целует меня. Я теряю его тепло, когда он отпускает мое лицо.

— Мне нужно на пару часов уехать.

Когда он отступает, я понимаю, что останусь одна на несколько часов.

— Ладно.

Джек делает паузу в надежде, что я смогу услышать хоть слово. Он снова подходит ко мне.

— Мейв, — предупреждение в его голосе заставляет съежиться остатки смелости во мне. — Лоулор будет здесь. Если ты сбежишь или что-нибудь натворишь, я тебя накажу, — Джек снова обхватывает мое лицо ладонями. Большим пальцем он поглаживает мою щеку. — Я его отметелю и заставлю тебя смотреть, — он отпускает меня, и, кажется, я не могу вздохнуть.

Где, черт возьми, прятался этот монстр, и почему Джек позволил ему появиться сейчас? Последний поцелуй на моем лбу, и Джек — переодетый монстр — оставляет меня с угасшей надеждой и в полной растерянности.

ГЛАВА 24

МЕЙВ

Лоулор приходит через несколько секунд после того, как за Джеком закрывается входная дверь. Я все еще торчу на кухне, когда он появляется в дверном проеме. На лице Лоулора написано отвращение, оно искажает его резкие черты, пока нарочито медленно он осматривает меня с ног до головы. Шагнув за порог кухни, он спокойно сообщает:

— Если сделаешь хоть одной ногой шаг в сторону, я тебе ее сломаю.

От его угрозы мурашки страха пробегают по позвоночнику, и меня так и подмывает сделать шаг назад, но я просто хочу выбраться из этой комнаты. Опустив голову, прохожу мимо него. Лоулор останавливает меня, хватая за предплечье. Он гораздо выше меня ростом, и я не поднимаю головы, пока он держит меня за плечо.

— Ты стоила Фредди жизни.

Я смотрю на него и в неверии качаю головой.

— Он уволил его, — меня не радует, что из-за меня кто-то потерял работу, но не в моей власти контролировать реакцию Джека.

Лоулор усмехается и отшвыривает меня от себя; я ударяюсь спиной о деревянную дверь. Попятившись назад, я пытаюсь взять себя в руки.

— Я еще хочу пожить, так что не думай, что не смогу сделать тебе больно.

Я торопливо прохожу мимо него, и на этот раз он не пытается меня остановить. Перешагиваю по две ступеньки за раз, желая поскорее от него скрыться.

Слышу позади себя скрип ступеней и, опустив взгляд, замечаю, что Лоулор поднимается

вслед за мной. Его глаза полны ненависти, что заставляет меня ускорить шаг. Я почти бегу в спальню, но Лоулор не отстает, не сводя с меня глаз.

Добравшись до двери, останавливаюсь и оглядываюсь на него. Захлопнув дверь, собираюсь закрыть ее, но ключа нет.

Мейв, он не собирается причинить тебе вред. Он всего лишь хочет, чтобы ты оставалась в зоне его видимости.

Дверь с грохотом распахивается, и я отступаю назад.

— Дверь будет открыта все время, — внутрь он не заходит, держась за ручку двери.

— А если я захочу переодеться?

— Мне плевать, дверь останется открытой, — он отпускает дверь и на несколько секунд исчезает, возвращаясь уже со стулом и ставя его прямо на пороге спальни, затем усаживается на него. Лоулор расстегивает черный пиджак. Он одет так, словно собрался на похороны. Устроившись поудобнее, достает из кармана телефон и начинает в нем копаться.

Меня не покидает мысль, что я теперь в плену.

— Мне нельзя выходить из комнаты?

— Можно, но я буду сидеть на пороге, где бы ты ни находилась, — не глядя на меня, отвечает он.

У меня возникает желание хлопнуть дверь перед его носом, но вместо этого я отворачиваюсь и беру свою сумку. Положив ее на кровать, достаю учебники. Я слишком много пропустила в колледже. Если уж застряла здесь, то должна, хотя бы, наверстать упущенное в учебе. Иначе все свободное время буду думать о Деклане и маме. Я хочу с ними увидеться, но с Джеком стоит действовать не спеша. Не сомневаюсь — если попрошу что-нибудь у него, он так или иначе заставит меня расплачиваться за это.

Я открываю учебник, чтобы не думать о Джеке. Листаю страницы, читаю слова, смысл которых до меня не доходит. Принимаюсь читать вслух в надежде, что это позволит уловить суть, но все тщетно.

Я избегаю смотреть на дверь, избегаю признавать присутствие Лоулора. Поэтому вышагиваю по спальне, держа учебник в одной руке и читая вслух. Не понимаю ни единого слова.

Я вспоминаю о своих занятиях по психологии и пытаюсь понять Джека. Может быть, если смогу понять его, смогу использовать это в своих интересах.

Он был жесток с тех пор, как мы были детьми; не думаю, что он изменился. Ему тридцать два, он старше меня на восемь лет. За все время, что знаю его, я не видела в нем ни капли мягкости. Оладьи с утра — милый жест, как и то, что он разрешил мне заниматься онлайн. Или он хотел меня заставить поверить в то, что изменился. Мне не нравится испытывать это чувство растерянности, когда дело касается Джека.

Я возвращаюсь к чтению вслух.

— Звучит слишком заумно, — хлопываю учебник и поворачиваюсь к двери, где уже поднялся со своего стула Лоулор. Спрятав телефон в карман, он застегивает пиджак.

— Я присмотрю за ней, — кивает ему Киан.

У него разбитое лицо, оба глаза черные, на переносице лиловый синяк. Я бросаю учебник на кровать, когда Киан заходит в спальню.

Внезапно я чувствую неловкость. Что скажет Джек, если узнает, что Киан был в его спальне?

Слышу удаляющиеся вниз по лестнице шаги Лоулора.

Киан ухмыляется, а затем морщится, когда трескается ранка на его губе. Высунув язык, он ее облизывает.

— Что ты здесь делаешь? — прячу руки за спину и остаюсь стоять.

Киан оглядывает комнату, глаза его темнеют.

— Мне нужно было убедиться, что ты в порядке, — он останавливает взгляд на мне.

— Я в порядке. А вот ты неважно выглядишь, — прикусываю нижнюю губу. Мне не нравится это некомфортное чувство, хочется уйти. Мне не нравится находиться в этой комнате вместе с Кианом.

— Видела бы ты другого, — Киан снова улыбается и прячет руки в карманы своей коричневой куртки, воротник которой высоко поднят.

Мне не до смеха.

— Видела. На нем ни царапины, — не буду я перед ним притворяться, что ничего не понимаю.

Улыбка Киана вянет, он еще раз облизывает губу.

— Не стоит тебе связываться с Джеком. Я могу увезти тебя в безопасное место, если он угрожает тебе.

— Все сложно, Киан, — убираю руки из-за спины, мне все больше не нравится эта неуверенность, которую я ощущаю рядом с ним. Мы и раньше встречались, и он мне всегда нравился, но то, что он находится здесь, в спальне Джека, заставляет меня нервничать. Он приходится Джеку кузенком, а я никогда не поверю, что О'Риганы станут когда-нибудь конфликтовать друг с другом, тем более ради девушки, которую они почти не знают.

— Почему тебя это волнует? — не могу не спросить я.

Он пожимает плечами и делает шаг ко мне:

— Я заметил, что ты чего-то боишься, и мне это совсем не нравится.

Я боюсь сейчас, и понятия не имею, почему. Киан не сделал ничего такого, что заставило бы меня не доверять ему.

— Все и без того непросто, и ничего хорошего не выйдет, если Джек узнает, что ты был здесь.

Он скрежещет зубами, а затем продолжает:

— Да насрать мне на Джека. Ты хочешь, чтобы я притворился, что это не он оставил твоего брата висеть под потолком?

Я отхожу, обхватывая себя руками. Мне никогда этого не забыть.

— Киан, я всегда буду благодарна тебе за это. Это не просто слова, — так и есть. Я никогда не забуду его доброту.

— Ты хочешь, чтобы я сделал вид, что не слышал, как он угрожал тебе в доме его родителей? Я пытаюсь собрать весь пазл воедино, и, по-моему, ты ему что-то задолжала. Может быть, из-за этого твой брат и висел под потолком? — Киан подходит ближе, возвышаясь надо мной с высоты своего, почти двухметрового, роста. — Я видел, как ты выходила вместе с ним из клуба прошлой ночью.

Я потрясенно застываю, сердце начинает бешено колотиться. Прежде чем он продолжит, до меня доходит, как складывается его пазл.

— Он изнасиловал тебя? — шепчет он, и в голосе слышится отвращение.

От его вопроса щеки вспыхивают. Мне хочется, чтобы он просто ушел.

— Нет, — я сама заманила его в тот кабинет, преследуя свои цели. Я была инициатором, не Джек.

— Но между вами что-то произошло?

Он слишком близко, мне хочется, чтобы он отошел от меня.

— Это не имеет значения, Киан. То, что ты здесь, не поможет.

Киан шумно выдыхает, и я слышу, что кто-то поднимается по лестнице.

— Что-то здесь не так, Мейв. Я пытаюсь тебе помочь, — хрипло произносит Киан, и в этот момент в дверях появляется Лоулор с красным кейсом в руках.

— Привезли твой ноутбук.

Мне уже ни черта не хочется, но Киан слишком давит на меня. Обхожу его и тяну ноутбук из рук Лоулора, потому что он не сразу его отдает. Мне приходится с силой вырывать его. Отпустив ноутбук, тот, ухмыляясь, отступает назад.

— Думаю, будет лучше, если ты уйдешь, — стоя спиной и прижимая компьютер к груди, говорю я Киану.

Он не двигается с места, и, когда я поворачиваюсь к нему, понимаю, что скандала не избежать.

— Уходи, Киан, — говорю громче. Я хочу, чтобы он ушел.

В несколько шагов он пересекает комнату и выходит за дверь. Лоулор продолжает ухмыляться, вновь устраиваясь на стуле. Я не двигаюсь с места, пока не закрывается входная дверь. Ухмылка моего охранника напоминает ту, которая бывает, когда ты знаешь свой следующий ход в шашках, и тебе не терпится его сделать.

— Как я погляжу, ты уже всем проездные раздала. Я тоже не прочь прокатиться, — ухмылка Лоулора становится шире, и я вышагиваю через всю комнату к нему. Он цепляет меня своими словами за живое. Я хватаюсь за дверь и отправляю ее в полет.

Она захлопывается перед его носом, в то время как я пытаюсь взять себя в руки. То, что он сказал, глубоко ранило мои чувства. Дверь распахивается, и я замираю под его предупреждающим взглядом.

— Больше так не делай, — от такого серьезного тона и выражения его лица чувствую себя как загнанный в ловушку зверь. Меня так и подмывает наброситься на него, но все, что я делаю или говорю, имеет свою цену и всегда обходится для меня слишком дорого.

Швыряю ноутбук на кровать. Он дважды подпрыгивает, потом приземляется, и я ухожу в ванную. Закрываюсь на замок, отхожу от двери, жду, что ее вот-вот выбьют, но ничего не происходит. Часто и тяжело дыша, сползаю по стене на пол. Стены ванной словно сжимаются вокруг меня, и я сворачиваюсь калачиком. Я разрешаю страданиям и слезам пролиться наружу, но ничего не происходит. Вместо агонии, которая сотрясала бы мое тело, с губ срывается смех, отражаясь от стен и пола. Смех становится все громче, а потом переходит в рыдания. Стук в дверь заставляет меня встать на колени.

— Открой дверь! — орет Лоулор по другую сторону двери.

Я поднимаюсь, натягивая рукава на костяшки пальцев. Прикусив язык, пытаюсь справиться со своими эмоциями.

— Пять гребаных минут, — кричу я ему в ответ.

— Я больше не буду тебя предупреждать, — рычит он.

Подхожу к двери и немного приоткрываю ее.

— Доволен?

Он протискивается внутрь, и я, спотыкаясь, отступаю назад.

— Держи эту чертову дверь открытой.

— Ты что, собрался смотреть, как я хожу в туалет? — не стану я перед ним делать свои

дела, несмотря ни на что.

— Просто оставь дверь открытой, — он выходит из ванной, а я жду пару мгновений. Когда выглядываю снова, вижу, что он вернулся на свой стул у двери спальни.

— Я хочу поговорить с Джеком.

Лоулор достает свой телефон, не обращая внимания на меня. Он никому не звонит, но пробегает пальцами по экрану.

— Ты пишешь Джеку? — не уверена, стоит ли это делать.

Он не отвечает, не отрывается от телефона.

— Я хочу поговорить с ним, — я делаю шаг к Лоулору, и он поднимает на меня взгляд.

— Нет. Он приказал охранять тебя, что я и делаю.

— Ты обращаешься со мной как с заключенной.

— Что он подумает о том, что Киан нанес тебе визит?

Я качаю головой, слыша двойной смысл в его словах.

— Ты был здесь. Дверь была открыта.

— Я уходил в туалет.

— Значит, ты не справился со своей работой, — в эту игру могу играть двое.

— Сюда может войти любой из О'Риганов. Что будет потом — не моя забота. Но как по мне, когда я вернулся, вы с Кианом смотрелись весьма миленько.

— Да пошел ты! — рявкаю я.

Его смех наполняет комнату, как отравляющий газ, и мне срочно требуется воздух. Рывком открываю балконную дверь и выхожу на прохладный воздух, задаваясь вопросом, во что же, черт возьми, я ввязалась.

ГЛАВА 25

ДЖЕК

— Мам? — зову, заходя в кухню. Здесь все еще чувствуется тепло от духовки, которая, наверняка, все утро было включена. В воздухе витают ароматы сконов (Прим. пер.: сконы — традиционные для Ирландии и Англии булочки с беконом, сыром, фруктами и т. д.; подаются теплыми на завтрак) и ржаного хлеба. Приподняв красно-белое полотенце, обнаруживаю на тарелке горку фруктовых сконов.

— Тебя ждет отец.

Я опускаю полотенце обратно.

— Шейн, не ожидал тебя здесь увидеть, — поворачиваюсь к дяде. Он приподнимает брови, в его темных глазах я вижу улыбку, хотя губы остаются неподвижны.

— Он внизу, — Шейн поворачивается, а я бросаю прощальный взгляд на сконы. Захватчу один, когда буду уходить. Сегодня второе испытание, и отец хотел, чтобы я с ним встретился и обсудил, что должен буду сделать. Я задавался вопросом, какой еще груз мне придется доставить или какую сделку заключить.

Шейн сегодня без костюма, хотя мне отец велел надеть свой. Сказал, что это будет уместно для такого задания. Отец ожидает меня в подвале, куда нам, детям, вход был воспрещен. Отец жил там, пока хозяином в доме был дед.

Спускаюсь вниз и вижу в бордовом кожаном кресле отца. Он скользит по мне взглядом, в котором я не замечаю никакого недовольства, так что воспринимаю его, как одобрительный.

— Присаживайся, — приглашает Шейн на диван, стоящий напротив отца, и я устраиваюсь с краю, а дядя рядом со мной. Готовлю себя к тому, что это испытание

подходит к концу. Предполагаю, что прошел первое, хотя оно и обернулось полной лажей. Вспоминаю о маминых сконах наверху.

— Когда ты был маленьким, я водил тебя в Dun na Ri park. Помнишь? — отец, как всегда, говорит без прелюдий.

— Да, — разве могу я забыть уроки, что он преподавал мне там? Я понятия не имел, почему он учил меня отбирать вещи у малышей и заставлять их плакать. Я ненавидел каждую секунду, что там находился, но, чем больше я это делал, тем более сильным себе казался. — Ты заставлял меня отбирать конфеты или игрушки у малышей.

Отец немного наклоняется вперед.

— Ты начинал входить во вкус, — в его глазах появляется блеск. — Больше скажу — ты с нетерпением этого ждал.

Хочу дотронуться до своей шеи, но отец анализирует каждое мое движение, поэтому сию секунду совершенно неподвижно.

— Что тебе тогда нравилось? — отец слегка откидывается назад. Шейн закидывает ногу на ногу.

— Сила. Знание, что я могу отобрать у них что угодно и ничего мне за это не будет. То, что этим я могу тебя порадовать.

Отец не моргает, внимательно меня слушая.

— Не та наука, которую я хотел тебе преподавать. На самом деле, нам приходится обижать ни в чем не повинных, чтобы наказать не таких уж невинных. То, что ты сам отбирал у ребенка младше тебя, подготовило тебя к тому моменту, когда тебе придется что-то забирать у невинного человека.

Киваю, будто понимаю, но на самом деле, это совсем не тот урок, который я усвоил. И все же, теперь, когда я думаю о том, чтобы силой выбить информацию из кого-то, я делаю это исключительно ради информации, а не потому что человек совершил какой-то проступок. Так что, возможно, это воспитание потихоньку просачивалось в мой моральный компас и изменило направление стрелки.

— Сегодня мы приготовили тебе именно такое испытание, — отец поднимается, и вслед за ним встает Шейн. В тот момент, когда они поворачиваются к двери за спиной отца, желудок у меня сжимается. Наверх мы не собираемся возвращаться. Отец открывает дверь и зажигает свет. Он не оглядывается через плечо с садистской улыбкой на лице, как я мог бы ожидать из-за комнаты, в которую вхожу.

Мужчина и женщины с заткнутыми кляпами ртами сидят друг напротив друга. Их обезумевшие взгляды мечутся по комнате. Волосы женщины прилипли к мокрому от пота лицу. Оба выглядят невредимыми.

Я смотрю на Шейна, чтобы оценить его реакцию, но он отходит к колонне и встает, прислонившись к ней. Отец обходит вокруг мужчину, который пытается следить за ним взглядом с откровенным, животным страхом в глазах.

— Это Уильям. Он мне врал и обкрадывал меня, — отец останавливается и кладет руку на плечо Уильяма. С губ мужчины срывается всхлип. — И не один раз, а дважды, — отец отпускает плечо Уильяма и отходит от него к женщине, которая выглядит не менее испуганной. Уильям дергается и стонет через кляп.

Отец опускается на колени перед женщиной. Та отшатывается так, будто не верит во все происходящее сейчас.

— Это Сара, — отец протягивает руку и смахивает волосы с ее лица. Она вскрикивает

от его прикосновения, как будто он причинил ей боль. — Сара — девушка Уильяма. Она также работала на меня. Она прикрывала делишки своего парня.

У меня сводит живот, и я снова смотрю на Шейна, который выглядит скучающим. Отец поднимается на ноги.

— какое наказание ты выберешь им за их преступления? — отец поворачивается ко мне и убирает руки за спину. Каждый его шаг как будто отмечен на полу, так что он точно знает, где встать. Он останавливается посреди помещения.

— Сколько Уильям у тебя украл? — спрашиваю я, пытаюсь отбросить в сторону неопределенность ситуации и мыслить логически. Это испытание, поэтому отец хочет, чтобы я был потрясен.

— Это действительно важно?

— Нет, — он всегда учил меня именно так. Берешь один евро или десять — сумма не имеет значения. Только сам факт того, что ты их взял.

— Он сделал это дважды, — рассуждаю вслух, перечисляя факты, которые он мне предоставил. — После первого раза он был наказан?

Отец делает шаг ко мне:

— Да, он был уволен.

— Значит, во второй раз украла его девушка? — бросаю взгляд на Сару, которая снова начинает потеть.

— Да, она тайком провела его в отдел доставки, и он снова меня обокрал.

— Значит, Сара должна быть уволена.

Грудь девушки резко поднимается и опускается, и свет медленно возвращается в ее глаза. Она рада бы согласиться, но вместо этого опирается на свои наручники. Отец не делает ни шагу в мою сторону, и я сразу же понимаю, что дал неправильный ответ.

— Убить их обоих, — говорю я, не уверенный в правильности ответа на этот раз.

— Объясни, почему? — отец делает шаг ко мне, и мне это не нравится. Это значит, что я прав, и они оба сегодня умрут.

— Потому что они обокрали тебя, — отвечаю я.

— Но зачем убивать обоих?

Меня начинает захлестывать раздражение, поднимаясь от кончиков пальцев на ногах к ладоням, которые меня так и подмывает сжать в кулаки, но я знаю, что каждое слово, каждое движение здесь под пристальным вниманием.

— Затем, что ты наказал его, и это не привело ни к чему хорошему. Так что, либо накажи обоих, либо убей обоих.

Мой отец не двигается.

— Если ты убьешь их обоих, то у тебя будет два трупа. Убьешь одного, и у тебя будет один труп и гонец, который сможет рассказать другим, что происходит, когда у меня крадешь.

В этом есть смысл.

Я перевожу взгляд на Сару и Уильяма, которые смотрят на меня, зная, что их жизни в моих руках. Это совсем не похоже на парк, это не то, что отобрать пару конфет у малыша, и я только что понял, каков правильный ответ. Это убийство невинной Сары, чтобы Уильям рассказал всем, что произошло. И ему придется жить с осознанием того, что он стал причиной ее смерти.

Это то, что мне не хочется делать.

— Убить Уильяма, — произношу я, и отец не двигается с места.

— Сынок, подумай об уроке, который из всего этого извлечется, — отец хочет, чтобы я все сделал правильно.

Я качаю головой:

— Я не буду ее убивать.

Шейн впервые за все время шевелится, а я не двигаюсь и смотрю на отца.

— Я не пытаюсь превратить тебя в убийцу; я хочу, чтобы ты принимал решения, руководствуясь не сердцем, а головой, — отец делает шаг ко мне.

Мне не нравится то, что он говорит. Не моргнув глазом, он разворачивается и, вытаскивая пистолет из кармана пиджака, делает два быстрых выстрела, и оба — Сара и Уильям — роняют головы на грудь. Из отверстий от пуль сочится кровь.

Сердце слишком быстро колотится в моей груди.

— Ты же не должен был убивать их обоих, — теперь моя очередь двигаться. Я делаю шаг к отцу, в то время как он прячет пистолет обратно.

— Когда ты станешь главой клана, тогда будешь принимать решения, основываясь на том, что лучше для всех нас. Никогда не сомневайся. Ты даешь дюйм, они забирают милю, — отец отступает от тел, уступая место Шейну. Тот отвязывает тело Уильяма, и оно тяжело заваливается на пол. Затем Шейн принимается за Сару.

— Уильям не должен был сегодня умереть. Но ты показал свою слабость перед ним, — отец останавливается рядом со мной; Шейн развязывает тело Сары, позволяя ему упасть на пол.

— Помоги своему дяде похоронить тела.

Отец покидает комнату, а я стягиваю с себя пиджак. Шейн куда-то исчезает, оставляя меня смотреть вниз на два тела. Плоть и кости. И больше ничего. Если бы я не отказался убить Сару, Уильям был бы жив.

Помогаю Шейну завернуть тела, и мы выносим их из подвала через боковую дверь. Шейн грузит их в кузов белого фургона. Моя рубашка заляпана пятнами крови. Избежать всей этой крови не было никакой возможности.

— Поехали, — Шейн садится за руль, а я, захлопнув дверь, оглядываюсь на дом, гадая, как много моя мать знает о подвале отца.

Мы не отъезжаем далеко. Шейн въезжает в лесной массив, который находится на нашей земле, насколько деревья позволяют проехать фургону, и, как только нам удастся обнаружить почву порыхлее, мы принимаемся копать.

— Всем нам приходится делать что-то, чего мы не хотим, но важно помнить, что все это ради семьи, — слова Шейна не приносят мне утешения, когда тело Сары опускается на дно могилы, которую мы только что вырыли.

Шейн вытаскивает тело Уильяма из фургона. Оно с громким стуком падает на землю, и меня передергивает. Шейн и бровью не ведет. Он легко подхватывает и тащит тело по земле, пинает его в могилу, прежде чем посмотреть на меня.

— Фундамент того, кто мы есть, запятнан кровью. И это нормально, — он начинает работать лопатой, и я присоединяюсь к нему.

— Но, если крови слишком много, то деньги впитаются в нее полностью, и мы останемся ни с чем, — я разгребаю глину быстрее, желая поскорее отсюда свалиться.

— Джек, если ты станешь во главе клана, тебе нужно научиться отделять свои чувства от того, что делать необходимо.

Я прекращаю сыпать землю на тела.

— Сколько людей ты убил?

Шейн высоко приподнимает брови и наклоняет голову набок.

— Этот вопрос из той серии, что играют с твоим сердцем.

Он продолжает сгребать землю, и я хочу уличить его во лжи. Отец рассказывал мне, что Шейн был слабаком, он делал татуировку на руке в виде черной полоски за каждую отнятую жизнь.

— Я могу просто посчитать твои татуировки, — предлагаю я.

Он подходит и толкает меня. Я ударяюсь спиной о дерево, но все еще сжимаю лопату.

— Я не в восторге от твоего назначения главой. Твое высокомерие приведет тебя к смерти, мой мальчик.

Я отталкиваю Шейна, и больше он ко мне не лезет.

— Должно быть, это деликатная тема, — отвечаю я, не собираясь уступать. Черта с два я покажу ему слабость.

Шейн крутит кольцо на пальце, глядя на меня. Он словно пытается сдержать ярость, которую я замечаю в его глазах.

— Слишком много. Будь мудрым, Джек. Принимай мудрые решения, — он возвращается к погребению тел, и заканчиваем мы уже в молчании.

Остановившись возле дома, Шейн не глушит двигатель, и, как только я вылезаю из машины, он тут же уезжает. После леса его настроение заметно испортилось.

Возвращаюсь в дом, рассчитывая на то, что отец меня дождался, но его нигде нет. Не спускаясь подвал, окликаю его на вершине лестницы; он не отвечает, так что я выхожу через боковую дверь.

Замираю, бросая взгляд на красно-белое полотенце, прикрывающее мамины сконы. Я не могу есть после того, что только что сделал. Я останавливаюсь у задней двери, вцепившись в ручку. Если я не поем сейчас, то вряд ли когда-нибудь смогу есть.

Не проявляй слабость, даже если никто не видит.

Слова отца преследуют меня, пока я подхожу к корзинке и убираю полотенце. Стоя возле стола, я запикиваю булочку в рот. Жую, не ощущая вкуса, но не схожу с места, пока не доедаю ее целиком. Только после этого я уезжаю.

ГЛАВА 26

МЕЙВ

Проторчав какое-то время на балконе, я успокаиваюсь. Как будто влажный туман, принесенный ветром с гор, гасит пламя внутри меня.

Захожу обратно, закрываюсь в гардеробной и торопливо переодеваюсь в штаны для йоги и объемный свитер. Причесываюсь, собираю волосы на макушке и забираю ноутбук с кровати. Лоулор так и сидит в дверях спальни, уткнувшись в телефон. Я устраиваюсь за столом, откуда мне не видно его отвратительную рожу, и включаю ноутбук.

Он новенький, так что у меня уходит добрых полчаса на его настройку. Я ввожу имя Джека и пароль, который он мне дал. Ноутбук подключается в Wi-Fi в доме. Затем мне удается быстро зарегистрироваться на мой онлайн-курс. С учебниками под рукой, я ныряю с головой в учебу.

Мне казалось, что сосредоточиться у меня не получится, но потихоньку я вникаю в содержание, и время пролетает незаметно, пока я корплю над уроками.

Лоулор раза три куда-то уходил, и каждый раз меня так и подмывало захлопнуть дверь,

но приходилось сдерживаться. Нет никакого желания выслушивать еще больше угроз от него.

Когда он уходит в очередной раз, встаю со стула, чтобы размять ноги, и выхожу на террасу. Никак не могу привыкнуть к этому виду. Холмистая гряда, горы, солнце освещает только вершины, остальное оставляя в тени. Если бы я умела обращаться с фотоаппаратом, обязательно поснимала бы этот пейзаж.

Шум, раздавшийся за спиной, заставляет меня замереть. Я не услышала, как Лоулор поднялся по лестнице. Оборачиваюсь — это не Лоулор, а Джек.

Он стоит в дверях, опустив руки. Я тут же опять замечаю пятна крови на его рубашке. Сердце бешено бьется от того, как он смотрит на меня. Он будто вкрученный не по резьбе винт, который будет невозможно открутить. Задерживаю дыхание, инстинкт самосохранения подсказывает мне стоять смирно и не делать резких движений.

Кровь. Я хочу спросить, откуда кровь.

Джек заходит в комнату, и мое сердце начинает новый ритм, такой быстрый, словно я в гоночном автомобиле, и мы вот-вот войдем в поворот. Успеем повернуть или опрокинемся?

Джек двигается в мою сторону и останавливается передо мной. Я часто дышу. Его глаза слишком широко распахнуты, как будто он увидел слишком много.

— Ты ранен? — взглядом окидываю красные пятна на его белой рубашке. Я хочу протянуть руку и коснуться его, но этот мужчина внушает мне страх.

— Нет, это кровь женщины.

Меня охватывает ужас, а Джек продолжает наблюдать за мной.

— Ты кому-то помог? — вопрос глупый.

— Нет, — его улыбка будет вечно меня преследовать. В ней печать, гнев и столько жестокости.

Облизываю пересохшие губы и сглатываю. Я не хочу спрашивать. Не хочу знать.

— Ты ее ранил?

Джек обхватывает мое лицо ладонями, и, хоть его прикосновение нежное, оно заставляет меня всхлипнуть. Эти руки способны причинить столько вреда.

— Нет, — его ответ заставляет меня проглотить второй всхлип. — Но я и не помог ей.

Машинально тяну руки к его груди, и киваю, когда пальцы скользят по рубашке, обводя все еще влажные красные пятна. Он мне лжет. Торопливо расстегиваю пуговицы, и Джек отпускает мое лицо. Поника заставляет меня двигаться быстрее. Я не хочу, чтобы ему было больно. Джек не останавливает меня, когда я до конца расстегиваю рубашку и провожу ладонями по его загорелому животу. Это не его кровь.

— Она мертва? — веду руками от живота до груди. Кладу правую руку ему на сердце, чувствуя, как ровно оно бьется.

— Да.

Ловлю его взгляд.

— Зачем ты мне это говоришь? — я не хочу знать, но мне нужны подробности; Мне нужно знать, что за монстр лежит рядом со мной. Сердце под моей ладонью бьется быстрее, но Джек молчит. — Что ты мне не договариваешь?

Джек отходит от меня, явно что-то скрывая. Опускаю руки.

Взгляд Джека пробегает по комнате и упирается в ноутбук.

— Ты немного позанималась, — он цепляется за эти слова, как умирающий за молитву.

Что он скрывает?

— Расскажи мне, что случилось, — делаю осторожный шаг в его сторону, но как только заглядываю ему в глаза, понимаю, что упустила то, что побудило его поделиться со мной.

Он отворачивается, снимая пиджак. Это позволяет мне разглядеть каждое пятнышко на его рубашке.

— Иисусе.

Джек замирает, а затем стягивает ее с себя. Он стоит ко мне спиной, покрытой татуировкой: лев стоит подобно человеку. Это странное ощущение. Я хочу, чтобы он открылся мне. Я хочу понять этого мужчину. Я хочу понять, на что он способен. Мне необходимо найти его слабое место, понять его внутренний мир, чтобы попытаться понять все остальное.

— Что означает твоя татуировка? — спрашиваю я.

Плечи Джека приподнимаются и опадают, но он не оборачивается. Я медленно подкрадываюсь к спящему гиганту. Чувствую, что приближаюсь к чему-то смертельно опасному, но, если сделаю как надо, все будет в порядке.

Останавливаюсь, не доходя пары шагов до него. Джек наклоняет голову, но так и не оборачивается.

— Это символ с родины моей матери. Он означает «воин».

Я делаю еще один шаг.

— Мама рассказывала мне сказку о льве, который защищал деревню от короля. Мне всегда нравился лев в этой истории, а не король.

Мое сердце колотится в груди, когда я обхожу Джека и встаю перед ним. Он переводит взгляд на меня; это единственное движение, которое он делает.

— Ты пытался защитить девушку сегодня? — мягко спрашиваю я.

Джек хмыкает и тянется ко мне, обхватывая мое лицо ладонями.

— Мейв, в этой сказке я не хороший парень.

Я ненавижу печаль, которой наполнен его взгляд. Возможно, он пытается от меня отгородиться, но все же какая-то часть его позволяет мне заглянуть внутрь и увидеть ту боль, что плотно засела где-то глубоко в нем.

Встаю на цыпочки и прижимаюсь губами к его губам. Медленно веду руками вверх, пока не касаюсь его широких плеч. Джек тут же обнимает меня и сминает мои губы своим ртом. Он жадно хватает и дергает мою одежду. В его движениях нет нежности. Как будто вся нежность, что я вижу в нем, выплескивается наружу.

Он подхватывает меня за бедра, и я тут же оборачиваю ноги вокруг его талии. Джек несет меня к кровати. Останавливаясь у двери, закрывает ее, придерживая меня одной рукой, и мы движемся дальше. Он опускает меня спиной на кровать. Я не двигаюсь, пока Джек стягивает с меня штаны и впивается длинными пальцами в мои бедра, раздвигая их.

На этот раз, если я сделаю это, то не из-за долга, а по собственному желанию. Я закрываю глаза и откидываю голову назад, пока Джек снимает с себя брюки. Он вновь проводит ладонями по моим ногам, и я мгновенно свожу их вместе, только для того, чтобы он развел их в стороны. Джек скользит между моих ног, продвигаясь вверх.

Мое сердце бешено колотится, я открываю глаза, встречаясь со взглядом его холодных голубых глаз, пожирающих всю меня без остатка. У меня кружится голова. Я пьянею от Джека О'Ригана. Я не хочу, чтобы этот момент заканчивался. Сглатываю, в панике хватаясь за его предплечья.

— Скажи мне что-нибудь настоящее, — молю я дрожащим голосом. Терпеть не могу то,

что перед глазами все плывет. Прямо сейчас я нуждаюсь в чем-то реальном. Я знаю, что мои чувства к нему настоящие, но что он чувствует ко мне? Я понятия не имею, что им движет больше: желание или контроль.

Джек прижимается лбом к моему лбу и закрывает глаза. Темные ресницы ложатся на его щеки.

— Я не имею права проявлять слабость, даже когда один. Но с тобой... — он открывает глаза, и я задерживаю дыхание, цепляясь за его слова, которые он не заканчивает. Его затравленный взгляд затуманивается.

— Что со мной? — шепчу я. Член упирается в мой вход, и я готова принять его. Мне кажется, я никогда ничего так сильно не хотела. Пальцы впиваются в его предплечья.

— Я хочу, чтобы ты осталась.

Его признание приводит меня в замешательство. Я и так осталась, потому что должна отдать долг. Прежде чем успеваю ответить, Джек нежно прижимается губами к моим губам, а членом сильнее упирается в меня. Его поцелуй становится глубже, давление на мои губы причиняет боль. Меня охватывает паника, я отталкиваю Джека от себя, и его напор ослабевает. Джек тянет руку вниз и направляет член к моему входу.

Мое тело пронзает боль от его вторжения. Он врезается в меня резко и жестко, оставляя в покое мои губы, в то время как я борюсь за воздух. Джек тяжело дышит мне в шею, продолжая вколачиваться в мое тело.

В растерянности цепляюсь за него, и все же его жажда обладания мной заставляет мое тело отвечать ему. Спираль возбуждения внутри меня закручивается все сильнее. Капли влаги превращаются в поток, который покрывает его член, быстродвигающийся внутри меня. Закрываю глаза, и боль смешивается с удовольствием. Я прижимаюсь к нему, желая, чтобы все закончилось, но этого не происходит.

Джек ускоряется, и мне кажется, что он меня ломает. Он дышит мне в ухо так, будто рычит, и не останавливается, даже когда перемещает нас обоих по кровати, не сбиваясь со своего дикого ритма. Наконец, он поднимает голову от моей шеи, откидывается назад и хватается за изголовье.

— Посмотри на меня, — от его рыка страх проникает глубоко внутрь меня, но я делаю то, что он приказывает.

Джек немного замедляется. Он тяжело дышит, уставившись сверху вниз на меня. На него страшно смотреть, но я его не останавливаю. Его ярость хлещет через край и капает на мою плоть, когда он ускоряется, не сводя с меня глаз. Он держится за изголовье кровати, вколачиваясь снова и снова. Его лицо напряжено, а рычание — нечеловеческое, когда он жестко и быстро кончает в меня.

Я сама далека от разрядки; слишком потрясена похотью и страхом. Я на пике, но не падаю. Джек замедляется, изливая свое семя внутрь меня, пока я пытаюсь отдышаться. Я понятия не имею, что это было.

Я видела секс в ярости только в кино, но там, в основном, все сводилось к пощечинам и вырыванию волос. То, что только что сделал Джек, выходило за рамки ярости. Это нечто более пугающее, но где-то в глубине души меня радует, что эти эмоции он обрушил на меня.

Джек замедляется, и его взгляд останавливается на моем лице. Как будто, он впервые видит меня под собой. Он замирает, и я готова поклясться, что он перестал дышать.

— Я сделал тебе больно?

Я качаю головой. И да, и нет. Я наслаждалась этим.

— Господи, Мейв, почему ты ничего не сказала, — Джек выходит из меня, отпускает изголовье и откидывается назад. Я подтягиваю к себе ноющие ноги. Он смотрит на меня так, словно я умирающее животное, которое ему придется усыпить.

— Ты не сделал мне больно, — хочу стереть это выражение с его лица.

Он потирает обеими руками свое прекрасное лицо. Когда его взгляд вновь обращается ко мне, Джек притягивает меня в свои объятия. Я понятия не имею, что он собирается делать, но потом он прижимает меня к своей груди и крепко обнимает.

Мои руки безвольно свисают по бокам, но через мгновение я протягиваю к нему руки и обнимаю за талию. Его сердце бешено стучит у меня под ухом.

— Ты не сделал мне больно, — еще раз, настойчивее, говорю я. — Это было по-другому, но мне понравилось. — Мне не нужно, чтобы он смотрел на меня, как на ягненка, которого отдадут на заклятие. Я взрослая женщина и могла бы остановить его в любую секунду, если бы захотела.

Джек разжимает руки, и я смотрю ему в глаза.

Он изучает мое лицо, кажется, целую вечность, прежде чем, наконец, кивнуть. Склоняет голову и прижимается губами к моим губам. Я толкаю язык ему в рот, и он тут же открывается для меня. Поцелуй не углубляется, закончившись слишком быстро.

— Сходи в душ, и мы сможем поесть вместе.

Собираюсь встать с кровати, но останавливаюсь. Внутри меня вновь поднимает голову чувство вины, и мне неловко, что это происходит именно сейчас. Но, поскольку Джек думает, что сделал мне больно, я использую это в своих интересах.

— Я хочу увидеть своего брата.

Джек стискивает зубы и убирает от меня руки.

— Значит, торгуемся? — он закипает от злости, а я не знаю, что делать.

— Называй, как хочешь, — мои слова обволакивает боль. Я позволила ему трахнуть меня, потому что хотела этого сама, а вовсе не из-за брата. Я просто заметила возможность, и теперь жалею, что воспользовалась ею.

— Иди в душ, — Джек отстраняется от меня и встает с кровати. — Живо, Мейв, — его рык заставляет меня сорваться с места, и меня опять захлестывает ненависть к нему.

ГЛАВА 27

ДЖЕК

Чувствую себя последней тварью.

После того как кончил, я посмотрел на Мейв, и ужас и потрясение на ее лице вызвали самые худшие опасения. Я сделал ей больно, в ярости слетел с катушек и обидел ту, что для меня дороже всего. Мне пришлось принимать душ в гостевой спальне, так как смотреть Мейв в глаза прямо сейчас — выше моих сил.

Ей хотелось встретиться с братом, поэтому она решила использовать секс как разменную монету, словно это какой-то бездушный договор. Кто я такой, чтобы винить ее в этом? Я сам заставил ее поверить, что так и есть, и, судя по тому, что мы с ней только что трахались, каких мыслей я еще ожидал от нее?

Вытираюсь и, вернувшись в комнату, застаю Мейв сидящей за столом и уткнувшейся в ноутбук. Вижу, что она знает о моем присутствии, но не обращает на меня внимания. V-образный вырез на ее красной блузке демонстрирует идеальное декольте. Уставившись в экран, она прикусила большой палец. Это зрелище завораживает. Жилка на ее шее пульсирует, и мне совсем не нравится думать, что это вызвано страхом передо мной. Она

никогда не доверится мне, если я не проявлю к ней немного доброты.

Подхожу к ней и, наклонившись, целую ее в макушку. Мейв замирает, заставляя меня почувствовать себя чудовищем.

— Я отвезу тебя сегодня к брату.

Она поднимает взгляд на меня, скользя глазами по моей голой груди вверх:

— Хорошо.

Я не хочу отходить от нее, а она выжидающе смотрит на меня. Наверное, задается вопросом, какого хрена я так странно пялюсь на нее.

— Может, потом мы могли бы заняться чем-нибудь.

— Чем, например? — она отводит глаза.

— Не знаю. Просто подумай, чем бы ты хотела заняться после встречи с Декланом.

Мейв медленно кивает, и я, наконец, отхожу от нее и иду одеваться. Она захлопывает ноутбук, когда я возвращаюсь, одетый в джинсы и зеленый свитер; сегодня я должен навестить Финна, так что одежду выбрал повседневную. Финн очнулся, и больше тянуть я не могу. Это будет еще одно nepозволительное проявление слабости.

— Когда будешь готова, спускайся вниз.

Мейв встает с кресла, а я покидаю спальню.

Лоулор внизу, околачивается на кухне. Я сажусь и обуваюсь.

— Все прошло гладко? — спрашиваю я его, зашнуровывая ботинки.

— Да. Она все время оставалась в своей комнате. Никаких проблем.

— Отлично, — я заканчиваю обуваться.

Уже собираюсь уходить, когда он останавливает меня:

— Заходил Киан. Хотел перекинуться с ней парой слов наедине.

Я напрягаюсь всем телом, уставившись на Лоулора.

— Как долго? — спрашиваю его.

— Где-то десять-пятнадцать минут.

— Ты слышал, о чем они говорили?

Охранник пожимает плечами и качает головой:

— Киан просил меня подождать внизу.

Я приближаюсь к нему:

— Так он оставался вместе с ней наверху?

Мне хочется свернуть ему башку, и Лоулор это понимает. Он смотрит на дверь, и я вижу, что Мейв спускается по лестнице. В черной кожаной куртке она заходит на кухню, и на ее лице появляется улыбка.

— Готов? — на охранника она не глядит.

Я улыбаюсь в ответ:

— Да, поехали.

— Мы закончим этот разговор позже, — бросаю я Лоулору. Я хочу узнать все до мельчайших подробностей; понятия не имею, что за игру ведет Киан. То, что я врезал ему, должно было послужить достаточным предупреждением.

Но, очевидно, нет.

Мы выходим на улицу, и я не могу оторвать глаз от Мейв. Усаживаемся в джип, но двигатель я не завожу.

— Пока меня не было, ничего не случилось?

Она пристегивает ремень.

— Нет. А что? Лоулор что-то сказал? — дрожь в ее голосе выдает, как она нервничает.

— Он сказал, что ты все это время занималась.

Она смотрит на меня и кивает, заставляя себя улыбнуться:

— Да, так и было.

Я бросаю на нее пристальный взгляд. Маленькая лгунья.

— Совсем ничего не случилось? — я хочу, чтобы она сказала мне правду.

Девушка мотает головой и отворачивается к окну.

— Нет.

— Хорошо.

Мейв продолжает смотреть в окно, прижав ладони к животу. Она пытается заставить себя сделать вид, что расслаблена, когда я включаю зажигание.

Мое самообладание подобно мерцающему свету. Пока кручу руль, мне хочется выключить свет и подумать, не отвлекаясь. Можно было бы рассмотреть конфронтацию с ней, но я вспоминаю об отце и задумываюсь, как бы он поступил в такой ситуации. Он бы поиграл в кошки-мышки. Он бы загнал человека в угол, пока тот не понял бы, что его действительно поймали. Я не собираюсь поступать таким образом с Мейв.

— Как давно Деклан болен? — спрашиваю я.

Девушка ерзает на сидении, но по-прежнему смотрит в окно.

— Он принимает наркотики уже около десяти лет. Несколько раз пытался слезть с иглы, но постоянно срывался.

— Тяжело жить с таким человеком.

На этот раз Мейв переводит взгляд на меня, и наши глаза встречаются, прежде чем я переключаю внимание на дорогу.

— Да, это так, — произносит она тише, и я слышу тщательно скрываемую боль в ее голосе.

— Он когда-нибудь крал у тебя? — я сворачиваю на шоссе, ведущее в город, и останавливаюсь на светофоре.

— Постоянно, — кивает Мейв, криво улыбнувшись, — видимо, своим воспоминаниям. — Мне приходилось прятать свои вещи в саду. Не сказать, чтобы у меня их было много, но я пыталась защитить хотя бы это.

Желание переломать ноги ее брату вынуждает меня закрутиться с разговором на эту тему. Кажется, от ее слов меня вновь захлестывает ярость. Я жду, когда загорится зеленый свет.

— Он, должно быть, много врал, — перехожу я к сути, которую пытаюсь донести. — Мне кажется, лгать — труднее всего. Я ненавижу лжецов, — я сворачиваю на Брюс-Хилл и бросаю взгляд на девушку. Она в страхе заламывает руки.

Вот так поступил бы мой отец. Он дал бы понять, что все знает, таким изящным, ебанутым окольным путем.

— Я не такая, как он, — шепчет она, но я ее слышу.

Я не отвечаю ей и подъезжаю к воротам больницы. Мейв отстегивает ремень и поворачивается ко мне.

— Я не такая, как он. Я знаю, что ты делаешь, — поражение в ее словах говорит о том, что я победил.

— Я разговариваю с тобой, Мейв, — наконец-то, смотрю ей в глаза.

— Вовсе нет. Может, я и солгала, а ты, хоть на долю секунды, но притворяешься, что

тебе не все равно. И все это только для того, чтобы ткнуть меня, что я вру. Это жестоко. Ты жесток.

Я заезжаю на парковку. Заглушив двигатель, встречаюсь взглядом с Мейв.

— Я разговаривал с тобой, только и всего. Что бы там тебе ни показалось, все это исключительно в твоей голове.

Она качает головой, но я замечаю, как сомнение постепенно начинает затуманивать ее взгляд.

Отец гордился бы мной.

— Но, если ты хочешь мне что-то рассказать, сделай это сейчас.

— Джек, нечего рассказывать. Даже самой захудалой правды ты не заслуживаешь. Все, что тебе полагается — ложь, — бьет она своими словами наотмашь, и я спешу отстегнуть ремень.

Мейв вскрикивает, когда я срываюсь, хватая ее за руки.

— Какого черта Киан делал в нашей спальне? — встряхиваю я ее. — Он к тебе прикасался?

Страх появляется в ее карих глазах, которые становятся почти черными, но ей удается с ним справиться. Девушка пытается вырваться, и я придвигаюсь вплотную к ней.

— Он хотел помочь мне сбежать от тебя, — губы Мейв искажаются в ухмылке, сквозь которую, наряду с весельем, сочится горечь, когда она продолжает: — Он хотел узнать, не изнасиловал ли ты меня.

Убираю от нее руки. Чувствую, словно мне дали под дых. Но я не отстраняюсь и не отвожу от нее взгляда.

Ухмылка сползает с ее прекрасных губ, Мейв тяжело вздыхает. Похоже, она потеряла и силы, и надежду.

Сердце у меня в груди начинает колотиться, поскольку она не спешит рассказать мне, что ответила на вопрос этого маленького говнюка.

— Я прикончу этого ублюдка, — вырывается у меня, и Мейв хватается за мой свитер, как будто может остановить захлестнувший меня приступ ярости.

— Я велела ему уйти. Сказала, что я в порядке. Не бери в голову.

Я не отвечаю ей, и она, отпустив свитер, обхватывает ладонями мое лицо.

— Пожалуйста. Пожалуйста, не трогай его.

Внезапно мне все становится предельно ясно. Я убираю ее руки от своего лица.

— Не трогать его, да? — хмыкаю я. Она запала на ебаного Киана?

Тянусь к ручке водительской двери джипа. Руки Мейв безвольно падают на колени.

— Он просто старался быть другом.

Достаю ключи из замка зажигания.

— Пойдем навестим Деклана, — берусь за ручку двери, собираясь выйти.

— Я не выйду из этой машины, пока ты не пообещаешь мне, что не причинишь вреда Киану.

Я смеюсь.

— Я не причиню ему вреда, — ложь легко слетает с языка.

Мейв качает головой.

— Ты лжешь.

Чего она от меня ожидала? Он, черт возьми, обвинил меня в том, что я ее изнасиловал. Мелкий гандон, вмешивающийся в мои дела.

— Так и есть, — я знаю, что должен отрицать это, но я взвинчен донельзя, чтобы играть в игры. В такие моменты понимаю, что я — не сын своего отца. Я — нечто совершенно другое. Показывать свои эмоции, раскрывать перед другими карты — значит проявлять слабость. Мне следовало бы с улыбкой проворачивать нож в ее сердце, но я не могу.

— Я заставлю его пожалеть, что он вообще подошел к тебе.

— Джек, я не хочу отвечать еще за кого-то. У меня и без тебя хватает забот.

Я не отвечаю ей. Не могу. Я собираюсь наказать его. Снова тянусь к ручке двери.

— Так ты не хочешь увидиться с братом?

— Ты убил Фредди? — ее слова пронизаны страхом.

— Нет, — я отпускаю ручку.

— Джек, не надо делать вид, что ты потрясен. Вообще-то, ты убил Мясника, — ее взгляд затуманивается, как будто она возвращается в ту комнату.

— Он хотел изнасиловать тебя, — выплевываю я, едва шевеля губами. Мейв предпочитает промолчать.

— Кто тебе сказал, что я убил Фредди? — я собирался, но не сделал этого.

— Я не скажу. Не хочу добавлять еще одного человека в твой смертельный список, — произносит она, скрещивая руки на груди.

Мне хочется ее заставить, но приходится сдержаться.

— Фредди я не убивал, — спокойно отвечаю, и она медленно поворачивается ко мне лицом.

Пристально взглядевшись в меня, Мейв облегченно выдыхает.

— Ладно.

— Ты все еще хочешь встретиться со своим братом?

Наконец, она открывает дверь джипа и выходит. Я следую за ней по дорожке, ведущей к главному входу в больницу. В холле царит тишина, сопровождающая нас на протяжении всего пути до палаты Деклана. Дальше большого смотрового окна я не иду. Вижу, что он спит в своей кровати.

— Я ненадолго оставлю тебя, — Мейв кивает и заходит в палату. Она не просит меня пойти вместе с ней.

Оставив ее, направляюсь в дальнее крыло больницы, туда, где лежит Финн. Шей уже тут как тут, сидит у дверей палаты.

— Он не хочет никого видеть, — сообщает мне Шей, сворачивая газету и поднимаясь со стула.

— Ты не видел Киана? — вместо ответа спрашиваю я. Все мои мысли занимает этот рыжий долбоеб.

— Нет, давненько его не слышно, — отвечает Шей, вопросительно глядя на меня.

Настроение портится окончательно. Захожу в палату к Финну. Заправленная кровать пуста, а инвалидное кресло припарковано возле окна. Он не оборачивается, но я не могу скрыть радостной улыбки от того, что вижу его живым.

— Я не хочу никого видеть, — произносит он глухо.

— Рад, что ты жив.

Он разворачивает кресло, и я стараюсь сосредоточиться на его лице, а не на ногах, которые теперь бесполезны.

— Ты должен был дать мне умереть.

Кто я такой, чтобы его осуждать?

— Когда шел сюда, рассчитывал, что ты будешь непрестанно благодарить меня. Ожидал, что ты расцелуешь меня в задницу, — я присаживаюсь на край кровати.

— Ну, спасибо.

Смеюсь над его словами благодарности, звучащими совершенно обратно, и, похоже, моя радость его бесит.

— Джек, — Финн придвигается ближе ко мне. — Какая польза от меня в таком состоянии для семьи? — показывает он на свои ноги.

— Нам всегда требуется, чтобы кто-нибудь отвечал на звонки.

— Пошел ты, — эта злость так не свойственна ему, но именно на такую реакцию я и рассчитываю. Все, что угодно, лишь бы не это поражение в его глазах.

— Ты можешь купить машину с автоматической коробкой и разъезжать за рулем. Ты все еще ты, Финн, — я встаю с кровати.

— Слушай, просто оставь меня в покое! — он откатывается к окну, поворачиваясь ко мне спиной.

— Так, значит, ты собираешься вести себя как гребаный калека. О’Риган, который только и делает, что жалеет себя.

Дверь открывается, и, к моему удивлению, на пороге появляется отец. Финн оборачивается, и в выражении его лица появляется что-то худшее, чем поражение. Я вижу стыд в его взгляде, когда он смотрит на моего отца. Мне не нужно видеть его, чтобы понять, о чем он думает. Поскольку дядя бесполезен, его следует ликвидировать. Я могу предположить, что эти же мысли проносятся и в голове у Финна.

— Лиам, — неуверенно произносит дядя.

— Как ты себя чувствуешь? — отец закрывает дверь и бросает взгляд на меня, прежде чем вернуть внимание к Финну.

— Нормально.

— Хорошо. Доктор объяснил мне, что пуля задела один из верхних шейных нервов у основания черепа, — отец меряет шагами палату. — Из-за этого тебя и парализовало.

Финн кивает, переводя взгляд между нами.

— Есть надежда, что я снова смогу ходить?

— Никакой, — отец стучит большим пальцем по нижней губе. — Ты что-нибудь помнишь? Не заметил ничего подозрительного перед тем, как в тебя выстрелили?

Молодец папа. В вопросах он не сдерживается. Лично я дал бы Финну чуть больше времени.

— Я смотрел на Джека, когда мы с ним разговаривали... — отвечает дядя, положив руки на бедра. — И это все. Следующее, что я помню, — это боль.

— Значит, ничего, — констатирует отец так, будто Финн, как свидетель преступления, бесполезен.

— Извини, что ничем не могу больше помочь, Лиам.

Я пытаюсь сдержать усмешку, слыша сарказм, сочащийся из его слов. Отец этого не улавливает.

— Ничего. Я найду того, кто это сделал.

— Дам вам двоим наверстать упущенное. Я, пожалуй, пойду, — говорю я, не желая стать участником атмосферы неловкости, которую всегда создает отец, когда пытается проявить сострадание.

Финн трогает колеса, как будто испытывает желание отвернуться к окну, но не хочет

перед моим отцом показать свою слабость. Дядю не должно это волновать. Лиам, в любом случае, считает его слабым.

Я встречаюсь взглядом с отцом.

— Там, за дверью, встретил Шей. Может, ты подбросишь его туда, где он остановился? Другими словами, избавиться от него.

— Без проблем, — больше не взглянув на Финна, я оставляю их двоих.

ГЛАВА 28

МЕЙВ

Деклан немного поправился. Я давно не видела своего брата настолько здоровым и полным сил. Впалые щеки округлились, в глазах появился живой блеск. Как бы ни старалась отогнать о себя мрачные мысли, я чувствую себя очень виноватой перед ним.

Когда Джек возвращается за мной, я не задерживаюсь. Несмотря ни на что, я хочу, чтобы прогресс с лечением брата продолжался, и сделаю все для этого. Если для этого нужно быть с Джеком поласковее — я готова. Пытаюсь задвинуть нашу ссору в дальний угол сознания и собираюсь поблагодарить его за все, что он сделал, но за его спиной вырисовывается еще одна фигура. Это Шей.

Опускаю голову и держу язык за зубами.

— Ты готова? — спрашивает Джек. Мне кажется, он напряжен.

— Да.

В атмосфере неловкости мы втроем идем к джипу, и то время, которое я хочу провести наедине с ним, отнимает у меня Шей своим присутствием.

— Он что-нибудь сказал? — спрашивает Шей непринужденно.

— Нет. Отец его допросил, но тот ничего не видел.

Мы подходим к джипу, и я собираюсь сесть на заднее сидение.

— Мне нужно сделать еще кое-что. Встретимся позже, — к моему облегчению, говорит Шей Джеку. Он скользит по мне взглядом, и мне не нравится то, насколько он оценивающий. Парень удаляется, натягивая на себя серый пиджак и засовывая руки глубоко в карманы.

Я сажусь в машину.

— Ты решила, куда хочешь поехать? — вопрос Джека на мгновение застает меня врасплох. Он уже спрашивал меня сегодня. Я не думала об этом, особенно, после нашей ссоры.

— Не знаю, — все, чего я хочу, — поговорить; я хотела помириться с ним до того, как он сделает одно из двух: убьет Киана или вышвырнет Деклана на улицу. — Здесь есть где-нибудь поблизости парк? — на людях я буду чувствовать себя в большей безопасности.

Джек заводит двигатель.

— Не так далеко отсюда крепость. Или мы можем прогуляться вдоль Бойна.

— Крепость звучит заманчиво, — прогулка вдоль реки безопасной не кажется. В глубине души я понимаю, что Джек никогда не причинит мне вреда, но все же боюсь той, другой его стороны, о которой получила представление.

— Папа водил меня в крепость, — уставившись в окно, люблюсь тем, как мимо проносятся магазины Наваны. Я не впускаю в свое сердце ненависть и боль; вместо них позволяю счастливым воспоминаниям наполнить мои мысли. — Мы гуляли здесь и устраивали пикники. Это было весело.

— Звучит здорово, — тон парня сух, и я замолкаю. Может, я ему надоела?

Молчание затягивается, но Джек, наконец, произносит:

— Это и в самом деле звучит мило. У меня никогда не было такого с отцом.

Я рассматриваю профиль Джека, он кажется расстроенным.

— Он водил меня в парки, но мы не устраивали пикников и не гуляли.

— А чем вы занимались? — спрашиваю я.

— Я отбирал игрушки и сладости у других детей.

— Ты был всего лишь ребенком, — я встаю на его защиту.

— Отец заставлял меня делать это. Такова была часть моей подготовки.

Мой желудок сжимается, и я снова сморю на Джека, выискивая ложь, которой не может не быть в его словах.

— Подготовки?

Парень притормаживает перед светофором, но не поворачивается ко мне.

— Да, чтобы я понимал, что значит отбирать что-нибудь у ни в чем неповинного человека.

Я не нахожу, что сказать. Что за отец творит такое? Может, таким извращенным способом он пытался преподать ему хороший урок? Едва ли.

— Мне кажется, он хотел воспитывать тебя, показывая, как делать не надо, — осторожно подбираю слова. В конце концов, мы говорим о Лиаме О'Ригане.

Джек сворачивает на стоянку, расположенную за аллеей, ведущей к крепости. Выключив зажигание, он вынимает ключи, но так и не поворачивается ко мне.

— Нет. Он готовил меня к тому моменту, когда я должен буду быть безжалостен.

Внутри вновь все сжимается, и я опять не знаю, что ответить. Как жестоко. Как неправильно. Неудивительно, что Джек был полон ненависти и сыпал ругательствами, когда мы были детьми. Я хочу дотянуться до него, я хочу обнять того маленького мальчика и сказать ему, что это не его вина.

В характере Даны нет жестокости; такие уроки ей не преподавали. Сомневаюсь, что она знала что-нибудь о делишках своей семьи. Мы никогда не говорили об алкоголизме моей матери, так же, как никогда не говорили о преступной деятельности ее родных.

— Дана не знает, не так ли?

Джек наконец-то смотри на меня.

— Нет, и так будет и впредь.

Я поспешно киваю. Мысленно задаюсь вопросом, чему еще в детстве научил его отец. Учил ли он своего сына, как задушить человека — то, что сделал Джек с Мясником?

— Конечно. Я не скажу ей, — быстро заверяю я Джека под его пристальным взглядом. Он отстегивает свой ремень и придвигается вплотную ко мне, склоняет голову, его губы в миллиметре от моих. Я судорожно сплываю, и от желания волоски встают дыбом на моей коже. Вопреки моему ожиданию, он меня не целует.

— Ты хочешь быть с Кианом? — его вопрос заставляет меня отшатнуться.

— Что?

— Просто ответь мне честно, — Джек протягивает руку и касается моих волос. В его словах я чувствую ранимость, и какая-то часть меня задумывается, не использовать ли это в своих интересах. Поступив так, я буду ничем не лучше его отца.

— Киана в таком качестве я вообще не рассматриваю для себя.

Джек прислоняется своим лбом к моему, и его дыхание обжигает мои закрытые глаза.

— Мне невыносима даже мысль, что он прикасался к тебе.

Его слова вызывают у меня мурашки. Как будто кто-то может сравниться с Джеком. Это все равно, что пытаться зажечь свечу в центре торнадо.

Невозможно.

— Для меня невозможна сама идея, что кто-то другой прикоснется к тебе.

Я распахиваю глаза и встречаюсь с ним взглядом... мой желудок делает сальто. Сердце начинает бешено колотиться, и все, о чем я могу думать, — это то, что и мне невыносимо думать о том, что кто-то прикасается к нему. Слова уже готовы сорваться с губ, но я не отпускаю их.

Вместо этого наклоняюсь и целую Джека. Он мгновенно отвечает на мой поцелуй. Своими большими ладонями он обхватывает мое лицо, и я проталкиваю язык ему в рот. Он открывается навстречу мне, и наши языки встречаются. Тело проснулось и забило тревогу; все мои чувства признают его, и я придвигаюсь ближе, подталкивая парня назад, пока он снова не откидывается на своем сидении. Разрываю поцелуй, но не собираюсь останавливаться.

Встаю на колени и склоняюсь над ним, снова впиваясь в его губы. Джек не отрывается от моего рта, и я чувствую, как сидение сдвигается назад, а его губы медленно покидают мои.

Он протягивает руки ко мне и приподнимает меня так, что я оказываюсь сидящей на его коленях. Парень потирается о меня каменным стояком, упирающимся в ширинку джинсов.

Все происходит среди бела дня, и меня не останавливает то, что нас может кто-нибудь увидеть. Я забываю обо всем, когда Джек снова меня целует. Он ведет ладонью по моей груди, и я стону ему в рот о этого прикосновения.

Я чувствую своим центром его член и прижимаюсь теснее. Удовольствие пронзает меня, заставляя вцепиться в подголовник. Мне следовало бы прекратить все это. Нас может кто-то заметить.

Руки Джека пробираются под мою блузку, и все внутри сжимается от чистого наслаждения. Я ерзаю на его члене, не в силах сдержать стонов. Распахнув глаза, оглядываюсь вокруг через стекло. Никого нет, но я не забываю о том, где мы. Разрываю поцелуй и утыкаюсь ему в шею.

Джек тут же убирает руки из-под моей одежды, обнимает меня за талию, и это так успокаивающе, словно он удерживает меня. Как будто здесь есть нечто большее, чем просто контракт, как будто мы можем быть влюблены. Эта последняя мысль проносится в моей голове, прежде чем больно ужалить, и я отстраняюсь, чтобы заглянуть ему в глаза. Я смотрю на его прекрасное лицо и понимаю, чего хочу. Я хочу большего от Джека. Я хочу его целиком. Я хочу Джека.

Я целую его, не в силах сдержаться или контролировать свои стоны. Он приподнимается, трется членом о мое чувствительное местечко. Искры экстаза вспыхивают и разгораются, пока я начинаю двигаться на нем. Джек хватает меня за талию и направляет, увеличивая темп. Внутри меня бушует огонь, и мне почти сносит крышу, когда я, вцепившись в подголовник, утыкаюсь лицом ему в шею. За закрытыми веками вспыхивают фейерверки, когда моя киска пульсирует, меня захлестывает волной удовольствия, и накрывает оргазм. Я задыхаюсь и опять прячу лицо у него на груди.

— Я только что трахнула тебя через одежду, — шепчу я с ужасом, но вскоре ужас сменяется смехом. Джек крепче сжимает мою талию, и плечи его ходят ходуном. Когда я смотрю на него, вижу, что он смеется. При виде этого зрелища у меня сводит живот, и я

продолжаю хохотать.

— Да, трахнула, — соглашается он, широко улыбаясь.

И в этот момент у меня в голове пронесется целый список «что, если». Что, если бы это было по-настоящему? Что, если бы Джек улыбался всегда? Что, если бы я честно призналась в своих чувствах к нему? От этого последнего вопроса салон машины сжимается вокруг нас, а я становлюсь огромной.

— Ты так гнусно вел себя со мной, когда мы были детьми, — сжав его плечо, я прикусываю губу, когда его улыбка тает. Его глаза темнеют, и моя веселость превращается в нечто, близкое к панике.

— Я тоже не припомню, чтобы ты когда-нибудь была ко мне добра.

Меня удивляют его слова; похоже, он обижен. Как будто я могла когда-нибудь обидеть Джека.

— Уверена — ты первый это начал. Ты сказал мне, что я отребье.

— Мейв, я такого не помню, — он водит ладонями вверх-вниз вдоль моего позвоночника. Я не уверена, осознает ли он свои движения, но все клеточки моего тела ощущают каждый дюйм Джека. Подо мной все еще его твердый, как камень, член, и любое движение посылает дрожь сквозь меня.

— Твой отец не хотел, чтобы Дана играла со мной, — по-детски и мелочно жалуясь я, но его слова оказали на меня в детстве большое влияние. Они пробили брешь в моей душе и оставили незаживающую рану.

— Моя мать хотела, чтобы Дана росла нормальным ребенком. Поэтому ей разрешили иметь друзей. Отец был другого мнения. Он не желал, чтобы ты общалась с Даной. Вдруг, ты рассказала бы ей что-нибудь о нас. Но рисковать расстраивать мать он не собирался.

Я слышу доводы Джека, но они не могут стереть из моей памяти тот день, который так много изменил в моей жизни.

— Мне так жаль, Мейв. Знаю, что был жесток к тебе. Я ревновал. Ты была недостижима, табу, и в то же время неизменно оказывалась где-то поблизости, бросая вызов одним своим взглядом, — он гладит меня по щеке и грустно улыбается, словно воспоминания его ранят. — Даже маленькая, ты была прекрасна. Ты всегда была центром моего внимания.

Я замираю, почти не дыша, вслушиваясь в каждое слово. Я околдована.

Джек переводит взгляд на мои губы.

— В тот день ты сказал мне, что я отребье и что твой отец не хочет, чтобы Дана играла со мной. Я убежала домой, — у меня на затылке выступают капельки пота, а инстинкт самосохранения кричит мне, чтобы я ничего ему не рассказывала. Я не обращаю внимания на его рев. — Я добралась до дома, и в тот же вечер отец ушел от нас.

Джек застывает, так и не успев сомкнуть руки за моей спиной.

— Он ушел, и так и не вернулся, — я не плачу, но кажется, будто стена, которую я возвела внутри себя, пульсирует и дышит, словно кто-то стучит с другой стороны, ища освобождения, которое я не могу дать прямо сейчас. Мне кажется, я чувствую запах страха и отчаяния, как будто они обладают своим собственным, ни на что не похожим, ароматом.

— Я винила тебя и твою мать в том, что вы разрушили мою жизнь. А теперь я начинаю думать, что ошибалась, — я не вправе считать маму ответственной за действия папы. Не больше, чем могу считать Джека в ответе за жестокое обращение его отца. Он был ребенком, которого неправильно воспитывали.

Джек молча притягивает меня к своей груди, одной рукой закрывая мне ухо. Я не

сопротивляюсь, заслушавшись стуком его колотящегося сердца; это — как стук дождя о ветровое стекло. Этот звук успокаивает меня, и я закрываю глаза.

Какое-то время мы сидим так, в нашем собственном маленьком безопасном мире.

— Я не знал, — слова рокочут в груди Джека.

Прижимаю руку к его сердцу.

— Ты был всего лишь ребенком, а я принимала все слишком близко к сердцу, — я смотрю на свою руку, лежащую на его стучащем сердце.

— Я не знал о твоём отце.

Я хочу посмотреть на Джека, но не двигаюсь с места. Здесь мне безопасно.

— Я не рассказывала об этом, — это было слишком больно.

— Как мне все исправить?

Наконец, я сползаю с груди Джека. Мне нужно видеть его лицо. Я улыбаюсь, пытаюсь изгнать из его взгляда хоть часть беспокойства.

— Все в порядке, — разглаживаю морщины, прорезавшие его лоб, и он расслабляется. — Я не забуду никогда то, что ты сделал для Деклана. Спасибо огромное, — собираюсь поцеловать его в губы, но он отворачивается от меня, и морщины возвращаются.

— Что бы ни случилось, о нём позаботятся, — Джек не смотрит на меня, произнося слова, пугающие меня до глубины души

— Ты это серьезно? — мои губы дрожат, когда я представляю на краткий миг, что его слова могут быть правдой.

Парень, наконец, встречается со мной взглядом.

— Даю тебе слово, — его слова окунаются в кровь и скрепляются в воздухе над нашими головами.

Я закрываю глаза и прижимаюсь щекой к его груди. Он заключает меня в кольцо своих рук, и я оказываюсь в безопасности.

ГЛАВА 29

ДЖЕК

Мы двигаемся по дорожке вдоль стен крепости. Я не могу оторвать глаз от Мейв. Она рассказывает о том, как счастливо проводила время с отцом, и я впитываю ее истории, как будто они могут быть моими. Ее ладошка такая маленькая в моей руке и дает ощущение свободы в том, как она размахивает незанятой рукой, когда говорит.

Ее губы все еще припухшие от моих поцелуев. Член оживает, когда я вспоминаю о том, как она об меня терлась. Ее руки на моих плечах. Ее запах, обволакивающий меня. Ее капитуляция в тот миг. Она отпустила себя, растворилась во мне. Я не хотел, чтобы этот, самый лучший момент, заканчивался.

— Ты поговорила с отцом? — спрашиваю я.

Ее спина чуть заметно напрягается, а затем Мейв пожимает плечами.

— Нет. На самом деле, я понятия не имею, о чем с ним говорить. Я представляла, как он вернется домой, широко улыбаясь, раскинет руки мне навстречу, на нем будет красная кепка, — она бросает на меня взгляд, полный тоски, и мне хочется обнять ее и забрать всю эту боль. — Но, думаю, вряд ли это произойдет, — она улыбается, ее губы дрожат, и она отворачивается, уставившись на заросли деревьев. В нашем поле зрения снова появляется парковка. Мы обошли вокруг крепости. На пути нам не встретилось ни души, и слишком часто у меня в голове возникали мысли о том, чтобы прижать Мейв к дереву и впитаться в ее губы.

Боль в ее голосе, которую девушка изливает в словах, заставляет меня слушать ее вместо того, чтобы идти на поводу у своих желаний.

— Можно мне позвонить маме? Просто, чтобы убедиться, что все в порядке.

Я не выпускаю ее руки, пока мы не доходим до джипа.

— Да, конечно, — открываю для нее дверь и нехотя отпускаю руку. Мейв не садится. Вместо этого она приподнимается на цыпочки и целует меня в губы. Все происходит стремительно и заканчивается слишком быстро, а затем девушка скользит в салон автомобиля.

Я устраиваюсь на водительском месте, тут же передаю ей телефон, а затем завожу двигатель.

— Ты можешь позвонить сейчас или подождать, пока мы доберемся до дома.

Мейв улыбается мне, и ее глаза светятся счастьем.

Я вырulingиваю задним ходом с парковки.

— Чему ты улыбаешься? — спрашиваю я; мне нравится видеть ее такой.

Она сжимает в руке телефон, но пока не собирается звонить:

— Да так.

Улыбка с ее лица исчезает, и Мейв, опустив взгляд на экран, закусывает губу. Направляю машину на шоссе, ведущее обратно в город, когда девушка, наконец, набирает номер.

Я слышу гудки, и у меня возникает мысль сделать музыку погромче, чтобы предоставить ей хоть какое-то уединение. Но вовремя одергиваю себя. Мне хочется слышать каждое слово.

— Мам, это Мейв.

Слышу голос ее матери, но слов разобрать не могу.

— Я в порядке... — она слушает, уставившись в окно, сжимая нижнюю губу двумя пальцами.

Девушка оглядывается на меня и снова отворачивается, насколько позволяет ей ремень безопасности, как будто пытаюсь возвести между нами стену.

— Я скоро буду дома. Наверное, через пару дней, — тихо говорит она, но я различаю неуверенность в ее голосе. — Я ему позвоню. Я все улажу, мам.

Голос ее матери становится громче, и я слышу слова «выселение» и «бесполезно».

— Я же сказала — позвоню. Как только вернусь на работу... — она снова запинается, замолкает и, как будто, вся съеживается. Голос ее матери уже не так слышен, но я улавливаю кое-что из того, что та говорит. Мейв потеряла работу.

— Просто дай мне несколько дней, — тишина. — Мам? Мам? — Мейв смотрит на телефон в своей руке, а затем усаживается обратно.

— Мне нужно домой, — говорит Мейв, не глядя на меня.

Этому не бывать. Я не хотел бы с ней ссориться, но вернуться туда я ей не позволю. Представится возможность — и она сбежит, а я не собираюсь ее терять.

— Джек, мне нужно уладить кое-какие дела, — протягивает она мне телефон, и я убираю его. Когда мы выезжаем из города, я прибавляю скорость. Мчусь так, будто хочу увезти ее подальше от матери с ее проблемами, которые не должны касаться Мейв.

— Так не пойдет. Скажи, что тебе нужно, и я все сделаю, — я стараюсь не смотреть на нее.

— Нет. Свои обязательства по контракту я исполнила и сделала больше того, на что подписывалась. Я хочу уйти, — дрожащим голосом произносит она.

Желудок болезненно сжимается. Мне становится тесно в машине, рубашка душит, ботинки жмут. Правда в том, что то, что чувствую к ней, не дает вздохнуть.

— Я сказал — нет.

В салоне раздается то ли рык, то ли крик.

Я давлю на газ.

— Что ты хочешь? Хочешь меня уничтожить? Заставить меня остаться и молча смотреть на то, как все вокруг меня рушится? — Мейв поворачивается ко мне, размахивая руками.

Я снимаю ногу с педали газа и вспоминаю о том, что должен держать себя в руках.

— Расскажи мне, в чем проблема, и я все улажу.

Коротко рассмеявшись, она произносит:

— Проблема в тебе.

На этот раз я бросаю на нее быстрый взгляд. Я хочу, чтобы она осталась. Я не позволю ей уйти.

— Я пойду с тобой, — сдаваясь, цежу сквозь стиснутые зубы.

— Нет. Господи! Мне нужна всего минутка. Одна гребаная минута.

Сосредотачиваюсь на дороге, но что-то ворочается внутри меня, и я готов сдаться. Больше не хочу видеть, как она страдает из-за своей семьи.

Выезжаю на дорогу, ведущую к дому.

— Я слышал, что тебя уволили, и полагаю, ты задолжала квартплату?

Она складывает руки на груди и смотрит в окно.

— Твою мать выселяют? — продолжаю свой анализ.

— Да, выселяют. Мне нужно проведать ее, поговорить с арендодателем. И разобраться на работе. Все, что мне нужно, — пара часов, — умоляет она.

Она не понимает, что на работу уже не вернется, и ничего с этим не поделает.

— Позволь мне помочь, — произношу я, подруливая к дому.

— Помочь, — усмехается она, и ее карие глаза наполняются слезами. — Чтобы я еще больше влезла в долги перед тобой.

Поворачиваю ключ в замке зажигания.

— Ты ничего мне не должна, Мейв, — она никак не реагирует, вылезает из джипа и быстро преодолевает ступеньки. Я иду вслед за ней.

— Я не занимаюсь благотворительностью.

Мы входим в холл, и Лоулор провожает нас взглядом. Я прохожу мимо, следуя за Мейв вверх по лестнице.

— Я предлагаю помощь. Ты говоришь, что больше не хочешь влезать в долги, но и от помощи отказываешься.

Она входит в комнату и забирает свою сумку. Типа, мать ее, уходит.

Закрываю за собой дверь, и ее глаза предупреждающе сверкают. Мейв паникует, движения ее скованны. Неужели ее мать сказала что-о еще?

Я тянусь к сумке, собираясь забрать, но Мейв вырывает ее обратно. Мне приходится сделать шаг назад, чтобы дать ей успокоиться.

— Давай-ка я тебе кое-что разьясню, чтобы избежать недопонимания.

Она смотрит на меня, и я вижу бурю в ее взгляде. Одно неверное слово, и ее засосет в пучину волнения, которое, того и гляди, выплеснется наружу.

— На работу ты не вернешься. Твое место здесь. Ты можешь продолжить учебу отсюда.

С той жизнью покончено.

Она несколько раз моргает, прежде чем заговорить.

— Ты меня купил. Я вернула этот долг.

— Мейв, деньги меня не интересуют. Речь идет о тебе. Я забочусь о тебе, — сердце пропускает удар, и я тут же сожалею о проявленной слабости. Отец бы поднял меня на смех.

Сумка падает на пол, и я надеюсь, что одержал победу, что мои слова и поступки наконец-то дошли до ее сознания.

— Твою мать не выселят. Я обещаю.

Мейв моргает, и слезы катятся по ее лицу, но она по-прежнему молчит.

— Джек, я не могу постоянно во всем полагаться на тебя, — ее щеки розовеют.

Я преодолеваю расстояние между нами.

— Конечно же, можешь.

Она качает головой, но я притягиваю ее к своей груди.

— Я просто не могу остаться здесь вот так, — ее слова гулко отдаются в моей груди. Я крепче прижимаю девушку к себе.

— Все в порядке. Твой брат в безопасности, с твоей матерью все будет хорошо.

Мейв вырывается из моих объятий:

— Я хочу свободы.

Свободы... Она не представляет себе цену этого слова — такую, что даже я не могу за нее заплатить.

— Мейв, в этом мире ее не существует.

— Что это значит? Что ты ожидаешь от меня? Что я останусь здесь и буду смотреть, как ты приходишь и уходишь, пока я сижу взаперти? А что будет, когда я тебе наскучу? Что произойдет, если я выведу тебя из себя? — ее вопросы обоснованы. Сколько она может выдержать, и насколько сильно я хочу удержать ее здесь?

— Ты можешь сходить вместе с Лоулором к себе домой.

Мейв качает головой:

— Ты меня не слышишь. У меня была жизнь и помимо этого. Я не хочу, чтобы меня видели рядом с таким типом, как Лоулор.

— Он — профи в своем деле. Мейв, я просто пытаюсь найти компромисс, — разочарование своими когтями впивается в меня. Хочу закончить этот разговор, который выходит из-под контроля.

Она никуда не уйдет.

— Я тебе не какой-то простой пацан, — сейчас мои слова звучат так, будто я — напыщенный мудака, но ей следует знать. — Я — следующий в очереди и займу место отца.

Краска медленно исчезает с ее лица, и мне кажется, я чего-то все же добился.

— Я буду править ими всеми, — чувствую тяжесть своих слов, словно это доспехи у меня на плечах. — Я стану их королем. Их главой.

Ее глаза наполняются страхом, и мне это не нравится.

— Мейв, я не показываю слабости. И, как думаешь, кем они будут тебя считать? Моим слабым звеном. Ты никогда не будешь в безопасности. Как и твоя семья.

Она делает шаг назад и опускается на кровать. Ее взгляд прикован ко мне, а грудь неподвижна.

— Дыши, — говорю я и подхожу к ней.

Мейв поднимает вверх ладони, останавливая меня. Тяжело вздохнув, выпаливает:

— Мы теперь мишени? Я, мой брат... — она захлебывается. Я прячу руки в карманы джинсов. Этот мир суров. Но она должна знать

— Ты втянул меня в это, зная, что я могу стать мишенью?

— Мейв, ты, ведь, определенно, понимала, что к чему. Ты пришла ко мне, зная, чем я занимаюсь.

— О таком я не подозревала, — ее губы дрожат. Мейв поднимается с кровати, но пятится от меня.

— Я никогда не причиню тебе вреда, — страх в ее глазах никуда не делся. — Я никогда не причиню тебе вреда, — твержу я, приближаясь к ней. Она наклоняет голову, вроде как, от страха.

— Я просто хочу, чтобы ты поняла, почему я не могу позволить тебе ходить, куда вздумается. Со временем у тебя появится больше свободы, при условии, что Лоулор будет тебя охранять.

Мейв прижимает к губам ладони. Я тяну их, и она не делает попытки остановить меня, когда я заключаю ее в свои объятия.

— Я могу обеспечить твою безопасность, но ты должна меня слушаться.

Крепче прижимаю к себе ее хрупкую фигурку, чувствуя слабую дрожь, пробегающую вдоль ее позвоночника.

— Понимаешь меня?

— Да, — ее согласие вызывает во мне желание поцеловать ее в макушку.

Я стану Королем, а она — моей Королевой. Со временем она привыкнет к этой мысли.

Запрокинув ее голову, заставляю посмотреть на меня. Ее ноздри трепещут, но Мейв выдерживает мой взгляд.

— Я хочу, чтобы ты осталась со мной.

Она кивает, проглатывая при этом целый шквал эмоций, но одной или двум слезинкам удается совершить побег из той тюрьмы, в которой Мейв изо всех сил пытается удержать свои чувства. Я почти слышу лязг засова, скрип петель и стремительно наступающий страх от вида медленно открывающейся двери.

Не знаю, как остановить это. Не знаю, как еще заставить ее понять, что она принадлежит мне.

ГЛАВА 30

МЕЙВ

Он смотрит на меня, словно я — хрупкая ваза в его руках и в любую секунду могу разбиться и рассыпаться. Страх сжимает мне горло и не отпускает. Я догадывалась, что они далеко не законопослушные граждане, но Короли преступного мира — это нечто совершенно другое.

Меня бросает в дрожь от осознания того, насколько все это серьезно. В глазах Джека я вижу одно: мне не удастся уйти. Он наклоняет голову и притягивает меня ближе, прижимается губами к моим. Его хватка на моей коже почти болезненна. Это словно слишком долго пробыть на холоде улицы, а затем зайти в жаркую кухню. Обжигающий воздух больно впивается в лицо.

Меня разрывает противоречиями, пока Джек продолжает целовать меня, и я жмусь к нему теснее. Из-за его поцелуя все вокруг затуманивается, и я знаю, что, если сдамся, то смогу найти покой в его объятиях. Это не будет длиться вечно, но может дать моему сердцу шанс вновь начать биться.

Я никогда не причиню тебе вреда.

Его слова, извлеченные из окопов его собственной неуверенности, доходят до меня. Мне хочется плакать. Я понимала, что он меня не станет обижать. И все же, он — больше, чем жизнь, чем мои мечты, и так же опасен, как пистолет, дающий осечку.

Он никогда не причинит мне вреда.

Джек нежно гладит меня по спине, скользит руками под блузку и стягивает ее через голову. Он пожирает меня взглядом своих холодных голубых глаз, постепенно раскрываясь передо мной, наверное, впервые в своей жизни. Я пытаюсь представить себе того малыша, которого неправильно воспитывал отец. Того мальчика, которого никогда не водили в парк просто поиграть, не устраивали пикник, просто, чтобы поесть.

Прикасаюсь к прекрасному лицу Джека, и раскол внутри меня становится еще чуть больше. Цепляюсь за произнесенным им слова, надеясь, что это не ложь и что я что-то значу для него. Мои собственные страхи, что он меня бросит, что я ему наскучу, снова и снова прокручиваются в моей голове.

В конце концов, он бросит тебя так же, как и отец.

Чтобы избавиться от этих мыслей, хватаюсь за его свитер и тяну вверх. Мои движения резки, и Джек останавливает меня, накрывая мои ладони своими, вынуждая посмотреть на него.

Мое сердце рикошетом бьется о поверхность боли и смятения, когда парень снимает с себя одежду. Передо мной предстает его обнаженная грудь, и, когда он наклоняется, наши тела прижимаются друг к другу. Его поцелуй так нежен, но моя душа никогда не чувствовала ничего более сокрушительного.

Я позволяю ему подвести себя к кровати. Жду, что он опрокинет меня на спину, но вместо этого Джек снимает ботинки, носки, джинсы, а затем и боксеры. Его член высвобождается, и я сглатываю.

Я не могу ни отвернуться, ни пошевелиться, когда он тянется ко мне, чтобы раздеть. Сначала он снимает с меня обувь, потом джинсы и, наконец, глядя мне в глаза, тянет за резинку трусиков. По коже бегут мурашки, и я закрываю глаза. Его пальцы скользят по всей длине моих ног, когда Джек стягивает с меня белье. Я вздрагиваю, когда его грудь прижимается к моей, и он тянется расстегнуть на мне бюстгальтер.

Сердце рвется из груди, разум затуманивается, я готова прямо сейчас отдать ему все.

— Смотри на меня, — приказ звучит так властно, как никогда прежде. Я открываю глаза и гляжу на Короля, который, без сомнения, правит моим сердцем.

— Я смотрю на тебя, — мои слова звучат так странно, даже для моих ушей.

Джек стискивает зубы и держит мое лицо, препарируя взглядом то, что видит. Это одновременно мой страх и желание, или то, что я не могу скрыть.

Тело вибрирует в ожидании его прикосновения.

Его губы вновь накрывают мой рот, и, когда парень кладет меня на спину, я рада, что на кровати есть подушка. Машинально раздвигаю ноги, давая доступ к себе его массивному телу. Джек забирается сверху, я отодвигаюсь, освобождая место для него. Он сжимает мои бедра, останавливая, и я не отвожу взгляда, когда он устраивается возле моего входа. Головка его члена скользит внутрь, где все уже готово к его вторжению — там влажно и податливо.

Скользнув дальше, он нависает надо мной, вгоняя в меня до упора свой член. Прижимая ладонями мои руки по обе стороны от головы, он выходит из меня для того, чтобы вновь наполнить.

Я не могу сдерживать стон, да и не хочу, когда Джек медленно и ритмично двигается во мне, и тут до меня доходит, что это значит. Хотя у меня и нет опыта, я видела такое в кино. Я уверена в этом, потому что мое тело и мое сердце говорит мне: он не трахает меня. Он занимается со мной любовью. Я сплетаю наши пальцы, и он, как будто, осознав, что я поняла это, глубже врывается в меня.

Джек издает протяжный стон мне в губы, и я, обхватив его ногами, хочу прижаться еще ближе, но это невозможно. Джек притягивает наши руки ближе к моей голове, его толчки становятся быстрее, но с каждым из них мне кажется, будто я — холст, а он на мне рисует. Я знаю, что конечный результат лишит меня воздуха.

Мышцы на его предплечьях вздуваются от того, что он двигается все быстрее. Джек не отводит от меня взгляда, и мне хочется его остановить. Это слишком много. Его слишком много. И все же, никогда еще так сильно мне не хотелось увидеть финал его глазами. Как будто сидишь и ждешь заката. С моих губ слетает стон. Джек двигается быстрее, поднимая нас обоих на новую высоту, которой я никогда раньше не достигала и о существовании которой даже не подозревала. Я смотрю ему в глаза, выкрикивая его имя во время оргазма, который длится, пока он изливается внутрь меня.

Я вращаюсь в невесомости и чувствую, словно он разбил меня на атомы, а сейчас наблюдает за этим. Тяжело дыша, отворачиваюсь, и Джек утыкается лицом мне в шею. Его теплое дыхание согревает мне кожу, и все нежеланные мысли вновь возвращаются.

Может, я и влюбилась в него, но нахожусь здесь в качестве пленницы. Разговаривать с ним, похоже, бесполезно, а с Лоулором я никуда не поеду. Джек поднимает голову, а я закрываю глаза, не желая, чтобы он видел, как внутри меня закручивается смятение. Как змея, ждущая удара.

И я нанесу удар.

Парень оставляет поцелуй на моей челюсти и отстраняется, но не встает. Вместо этого он притягивает меня к себе и обнимает своей тяжелой ручищей.

— Мне понравилось сегодня гулять с тобой по парку.

Его слова колеблют мой покой и уверенность, которые я чувствовала всего несколько секунд назад. Он искренен, уязвим, но я должна думать о том Джеке, который не отпустит меня. О том, который станет Королем. Он безжалостен, как и его отец. Именно такого Джека мне нужно представить, если я собираюсь это сделать.

— Мне тоже, — шепчу я. Это не ложь. Это был первый раз, когда я почувствовала что-то близкое к нормальному. Джек молчит несколько мгновений, прежде чем чмокнуть меня в макушку. Я лежу неподвижно, понимая, что не могу здесь оставаться, и все же покинуть его — все равно, что пойти против здравого смысла. Задумчиво обвожу пальцами узоры на его покрытой татуировками спине, не представляя себе жизнь без него. Бросить кого-то вроде Джека невозможно.

Но я должна быть уверена, что с моей матерью все хорошо. Я не допущу, чтобы ее у меня отняли. Только не мою семью. Не имеет значения, какие проблемы были у нас, это моя семья. Неважно, сколько бутылок она заливает себе в глотку или каков долг Деклана. Они моя семья. Ради них я продолжаю бороться все эти годы. Забота об их жизни помогла выжить мне самой. У нас было много веселья и счастья, особенно с Декланом. Несмотря ни на что, моя мать привела меня в этот мир, и я не могу не попытаться ее спасти, не могу позволить ей спиться и погибнуть.

— Примуду душ, — говорю, глядя на Джека. Он закрыл глаза, на его губах играет

полуулыбка.

— Хорошо.

Быстро целую его, он приоткрывает веки и выпускает меня из своих объятий. Помедлив и дождавшись, когда он перевернется на другой бок, я встаю с кровати, дохожу до ванной и включаю душ.

В зеркало на меня смотрят остекленевшие карие глаза. Киваю собственному отражению и забираюсь под струи. Под потоком теплой воды мне становится ясно, что я должна сделать. Быстро сполоснувшись, выхожу и не выключаю душ, вытираюсь.

Бесшумно открываю дверь. Джек лежит, повернувшись ко мне спиной. И по тому, как поднимаются и опадают его плечи, понимаю, что он спит. Плотнее завернувшись в полотенце, потихоньку закрываю дверь ванной за собой, а затем захожу в гардеробную.

Джек придет в ярость, но, если я смогу увидеть маму и убедиться, что с ней все в порядке, это того стоит. Одевшись, выхожу, внимательно глядя на парня, со страхом ожидая, что он повернется и схватит меня. Звук льющейся воды может помочь ему крепко заснуть.

Я выхожу из спальни и спускаюсь по лестнице, держа обувь в руках. На город опускается вечер, небо снаружи темнеет. Когда вхожу в кухню, Лоулора здесь нет. Ключи от джипа лежат на столике в прихожей, куда Джек, должно быть, их бросил, когда мы вернулись домой.

«Это слишком просто», — говорю я себе.

Сердце в груди начинает отплясывать, пока я, крепко сжимая в руке ключи, направляюсь в гараж. Включаю свет и замираю. Джипа здесь нет.

Обуваюсь, возвращаюсь на кухню и крадусь на цыпочках, вспоминая, что мы подъезжали к парадной двери. Открываю ее и улыбаюсь, видя автомобиль, припаркованный снаружи. Бросаю последний взгляд на лестницу, собираясь выскользнуть из дома, и в этот момент мой взгляд натывается на Лоулора.

Он ухмыляется так, словно мне крышка. Мой первый порыв — закричать, чтобы позвать Джека. Кажется, Лоулору не терпится причинить мне боль. Сорвавшись с места, захопываю за собой дверь и запрыгиваю в джип. Завожу мотор и гоню по дороге. Руки отчаянно потеют каждый раз, когда я оглядываюсь на дом. Охранник со всех ног бежит за мной, а я бью по кнопке замка. Я жду, что через парадную дверь выскочит Джек, но дом исчезает за поворотом, когда я подъезжаю к закрытым воротам.

— Черт! — ищу на приборной панели пульт дистанционного управления, но его нет. Не припомню, чтобы Джек держал что-то в руках. Бросаю взгляд в зеркало заднего вида, понимая, что теряю слишком много времени, и в этот момент из-за поворота показывается Лоулор, на бегу вынимая что-то из кармана.

Это пистолет?

Ключи.

Трясущимися пальцами ощупываю связку ключей, пока не натываюсь на диск с кнопкой в центре. Я жму на нее, и ворота начинают открываться. Удар по стеклу заставляет меня вскрикнуть и уставиться в дуло пистолета.

— Открой эту ебаную дверь. — Лоулор держит меня на мушке, и мне кажется, я пялюсь на него целую вечность, пока мучительно медленно открываются ворота. Мне не нужно, чтобы они были полностью открыты, достаточно, чтобы только проехать.

Я убираю руки с руля и поднимаю вверх. Лоулор не сводит потемневших глаз с моего лица, но пистолет опускает. Меня все еще трясет от того, что он угрожал мне оружием, но

это только усиливает серьезность данной ситуации. Моя нога живет своей жизнью, и, нажав на педаль газа, я лечу в сторону ворот. Схватившись за руль, пригибаюсь, в любую секунду ожидая выстрела в спину.

ГЛАВА 31

МЕЙВ

Едва миновав ворота, вжимаю педаль газа в пол и мчусь по дороге. Я так и сижу, пригнувшись и ожидая, что град из пуль разнесет джип, но этого не происходит. Медленно поднимаю голову и смотрю в зеркало заднего вида, но за мной никто не гонится.

Отъехав на несколько километров от дома Джека, сбавляю скорость, чтобы не привлекать внимание. Меня могут арестовать за угон, вождение без прав и отсутствие страховки. Список окажется бесконечным.

Непрестанно сжимаю и разжимаю руки на руле. Я уже начинаю сомневаться, правильно ли поступила, сбежав, но Джек не оставил мне выбора.

Он готов на все, чтобы защитить тех, кого любит. В этом мы похожи.

Район постепенно погружается во тьму, и, когда сбавляю скорость, зажигаются уличные фонари. На лужайке в центре никого нет. Район выглядит опустевшим. Такое здесь в порядке вещей, но этим вечером мне все видится иначе. Может быть, это я чувствую себя по-другому.

Подъезжаю к своему дому, краска неловкости заливает мне щеки. Дом выглядит заброшенным, тем более с заколоченной входной дверью. На фасаде не видно света.

Что должен был подумать Джек, когда в тот первый раз пришел сюда за мной, теперь не имеет никакого значения. Я вылезая из Range Rover и закрываю его. Машина слишком заметна. Ей не место среди муниципального жилья.

Миновав парадное крыльцо — потому что знаю, что заходить на него нет смысла — сразу иду вдоль стены к черному входу. Поворачиваю ручку. Дверь открывается. Набрал побольше воздуха в легкие, делаю шаг в темноту кухни.

В полумраке могу разглядеть, как среди груды мусора крадется кот. Он подходит и усаживается возле меня, но я не хочу задерживаться. Закрыв за собой дверь, собираюсь выйти из кухни.

— Что ты делаешь? — раздается голос мамы со стула, который я посчитала стопкой белья.

Сердце у меня в груди екает, но я быстро беру себя в руки.

— Почему ты сидишь в темноте? — прохожу мимо и щелкаю выключателем.

— Электричество отключили, — ее голос звучит глухо, но очертания становятся четче, когда мама подносит кружку ко рту.

— Ты купила алкоголь вместо того, чтобы оплатить счета? — Разговаривать бесполезно, поэтому я открываю ящик стола и роюсь в поисках упаковки свечей и зажигалки.

— Я и без света проживу.

Зажигаю свечу и подношу ее к столу, придвинув ее как можно ближе к маме. Свет отбрасывает тени на ее изможденное лицо; вид у нее пугающий.

Мама достает из кармана сигареты и прикуривает одну. Уголек ярко разгорается красным.

— Что ты здесь делаешь? — снова спрашивает она.

— Я хотела убедиться, что с тобой все в порядке. — Я не могу пошевелиться, но

завороженно наблюдаю, как каждая затяжка раз за разом освещает исхудалые черты маминого лица.

— С каких пор тебе не все равно?

— Почему ты пьешь? — задаю вопрос, который никогда прежде не осмеливалась задать.

Она усмехается и поднимает свою кружку, словно мои слова напоминают о том, что она алкоголичка и ей нужно выпить.

— Это вкусно.

— Нет. Я говорю о том, что ты не всегда была пьяницей. — Я мысленно возвращаюсь в детство: сколько себя помню, мне кажется, что она пила не всегда, равно как и Деклан не всегда был наркоманом. Это воспоминание засело где-то глубоко внутри моего сознания, забилося в трещины и расщелины, но время от времени поднимается на поверхность, и на этот раз я не игнорирую его.

Дыхание мамы сбивается, и на секунду мне становится страшно, что это может быть ее последний вздох, но она делает затяжку.

— Почему именно сейчас тебе это стало интересно? — В ее словах сквозит обида, боль и много чего еще.

— Мне кажется, я всегда задавалась этим вопросом, но боялась услышать ответ, — честно отвечаю я, чувствуя, как в горле образуется комок.

Мама прикуривает еще одну сигарету.

— Ты не хотела видеть своего отца в негативном свете. Он всегда был для тебя героем.

Сердце сжимается, и боль становится реальной. Слишком реальной. Мама права. Именно этого я и боялась — что в этом есть часть и его вины.

— Мейв, я устала. Устала быть плохой. Устала собирать себя по кусочкам после его ухода. Устала от других баб, устала от того, что всегда была недостаточно хороша для твоего отца. — Смотрю в ее глаза и вижу глубину ее отчаяния. — Я недостаточно хороша даже для тебя или Деклана.

В глазах и в носу щиплет. Вот почему я пришла сюда сегодня. Не только для того, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, но и чтобы встретиться лицом к лицу с тем, чего избегала всю свою жизнь. Мой отец не так уж невиновен во всей этой ситуации.

Когда беру ее за руку, мои глаза застилают слезы, а по щекам льются слезы. Ладонь мамы такая холодная и костлявая, и шок отрезвляет меня.

— Мне жаль.

Она так и не двигается, и я снова задаюсь вопросом, не разговариваю ли я с призраком, сидя здесь. Рев мотоцикла заставляет меня отпустить руку мамы и подскочить. Немного отодвинув шторы, я вижу, как Лоулор спрыгивает с новенького блестящего черного байка. Готова поклясться, что он уставился прямо на меня, но этого не может быть м невозможно что-либо разглядеть в темной комнате. Опускаю занавеску и слышу голос мамы:

— Мейв, тебе не в чем себя винить. Ты заботилась о Деклане...

— Шшш, мам, сиди тихо. — Это глупо и не имеет смысла, поскольку джип Джека припаркован возле дома. Понятия не имею, что ожидать от Лоулора. Он и раньше мне угрожал. Что сделает сейчас?

Мама громко затягивается, и еще громче тушит сигарету. Стук во входную дверь заставляет ее подняться.

— Это тот мальчик? Джек?

То, как она это произнесла, вызвало бы у меня улыбку, если бы я не была так напугана. Джек не мальчик.

— Нет. Это его телохранитель.

— Он пришел за тобой?

Я киваю, но понимаю, что она может не увидеть меня в полумраке комнаты.

— Да. Я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке. Мама, на улицу тебя не выставят. Я позабочусь об этом. — Подхожу к ней, собираясь обнять, но она обхватывает себя руками за тонкую талию.

— Я не твоя проблема, Мейв. Живи своей жизнью. Позаботься о своем брате.

Она не смотрит на меня.

— Я часто слышала, как вы с отцом ругались. Помню, как ты его ударила. — Глаза снова застилают слезы, когда вспоминаю то, что не давало мне покоя все это время.

Лоулор больше не стучит во входную дверь, и я понимаю, что времени у меня в обрез.

— Ты хочешь сказать, что я во всем виновата, — говорит она, так и не поднимая на меня глаз. — Ладно.

— Мама, я тебя не виню. Я знаю, что у него были другие женщины. — Она смотрит на меня, и ее потухшие глаза полны боли.

Открывается задняя дверь, и в комнату входит Лоулор.

— Я сейчас выйду. Мне нужно еще пару минут побыть с матерью. — Вытираю мокрое от слез лицо, а когда чувствую, как охранник хватается за руку, выдергиваю ее и поворачиваюсь к нему.

— Говнюк, еще раз тронешь меня, и я позабочусь о том, чтобы Джек тебя убил. Не так, как Фредди, а по-настоящему. Ты навсегда останешься в земле. А теперь дай мне пять минут. — Набрасываюсь на него, мое терпение лопается, и я говорю все, что думаю.

Лоулор больше не прикасается ко мне, но в мерцающем свете свечей я вижу, как он закипает от ярости из-за того, что я на него наорала. Не дожидаясь его дальнейших действий, подхожу к маме и тяну ее скрещенные руки на себя.

— Мне так жаль. Мне, правда, очень жаль. Мне стоило задать эти вопросы раньше. Мне стоило...

— Ты была ребенком, Мейв, — перебивает меня мама. — Я должна была сказать тебе, но не могла, — равнодушно произносит она, возвращаясь к столу и подхватывая чашку. Уставившись на Лоулора, она спрашивает: — Джек добр к тебе?

Это неважно. Важно лишь найти ей жилье и помочь победить ее демонов.

— Да. Мам, обо мне не переживай.

Она безрадостно усмехается.

— Я всегда переживаю о тебе и Деклане. — Мама ставит чашку на стол и делает шаг ко мне. Тяжелое дыхание Лоулора дает мне понять, что нужно побыстрее закругляться.

— Деклан в реабилитационном центре. У него все хорошо. — Я хочу дать ей хоть какое-то утешение, потому что сейчас мысль о том, чтобы оставить ее здесь одну, слишком тяжела.

— Нам пора. — Слова телохранителя больше похожи на рычание, но мне придется с ним взаимодействовать. Он был настолько терпелив, насколько это вообще возможно.

— Он всегда был таким сильным и смелым. — Легкая улыбка трогает мамины губы, но я вижу в ней гордость, и это согревает мне сердце.

Я снова пытаюсь ее обнять, но она держит руки по швам. Мама такая худенькая в моих объятиях, что у меня сердце кровью обливается.

— Поехали со мной, — шепчу я ей на ухо.

Она смеется, и мне ничего не остается, как отпустить ее.

— Я счастлива здесь, Мейв.

Я быстро моргаю, потому что слезы снова катятся по щекам.

— Это не счастье.

— Мейв. — Терпение Лоулора, похоже, на исходе.

— Иди. Я в порядке. — Протягивает ко мне руку мама и сжимает мою ладонь. За долгое время это единственный раз, когда она проявила ко мне хоть какую-то ласку. Я киваю, и она отпускает меня, делая шаг назад.

— Дай мне ключи, — требует Лоулор, как только мы выходим на улицу. Кладу ключи в его протянутую ладонь, он открывает дверцу джипа, и я сажусь на заднее сидение. Жду, пока он дотолкает черный байк под навес у дома.

Штора на кухонном окне слегка шевелится, и я прижимаю руку к стеклу.

Мама.

Одно слово, которое разрывает меня на части. Я должна была попытаться помочь ей так же, как всегда пыталась помочь Деклану. Занавеска возвращается на место, и Лоулор садится в машину.

Звонит телефон, охранник достает его из кармана.

— Она со мной. Я нашел ее в доме матери. Да. Хорошо.

Лоулор передает мне трубку. Я беру ее, не спрашивая, кто это.

— Ты в порядке? — первое, что спрашивает Джек.

Я устала.

— Да.

Он тяжело вздыхает.

— О чем ты только думала? Я же сказал, что отвезу тебя или отправлю с тобой Лоулора. — Злость в его голосе чувствуется даже по телефону.

— Джек, мне не нужны никакие провожатые. Я хотела поговорить с собственной матерью наедине. — Телохранитель заводит машину и увозит меня от мамы, в то время как внутри у меня все болезненно сжимается при мысли, что я оставляю ее одну.

— Если ты сбежишь, я не смогу тебя защитить, — слова Джек произносит тихо и отрывисто. Он не один. Я понимаю это по тому, как он говорит.

— Я не брошду свою семью, — говорю я.

Он снова вздыхает.

— Мне пора. Лоулор отвезет тебя обратно домой.

Лоулор смотрит на меня в зеркало заднего вида.

— Ты не дома?

— Мейв. Я прошу тебя, пожалуйста, останься в доме, пока я не вернусь. Не надо больше убегать.

— Я просто хотела увидеться с мамой, — повторяю я. Я не собиралась больше сбежать. Просто хотела, чтобы он знал, что моя семья много значит для меня.

— Я поговорю с тобой позже.

Мой желудок сжимается. Неужели он собирается меня наказать?

Это не имеет значения. Увидеть маму и сказать ей, что я сожалею, стоило того.

Передаю телефон обратно Лоулору.

— Есть. Понял. Да. — Через мгновение Лоулор кладет трубку. Он молчит, пока везет

меня обратно. Я жду, что он снова начнет сыпать угрозами, но этого не происходит. Вместо того, чтобы подъехать к парадной двери, он заезжает в гараж.

Я выхожу из джипа и прохожу на кухню. Мне не хочется идти в спальню, но рядом с Лоулором мне неуютно. Он поднимается за мной по лестнице, останавливаясь у двери, которая, как я знаю, должна быть открыта. Стул не берет, а так и остается стоять.

Та часть меня, у которой есть хорошие манеры, хочет поблагодарить его за то, что он подарил мне это время с матерью.

— Спасибо тебе за то, что дал мне поговорить с мамой.

— Надеюсь, Джек будет таким же снисходительным.

— Я поговорю с ним. — Мне хочется добавить «только в этот раз».

Не похоже, что Лоулор полон оптимизма. Не могу не думать о том, что может с ним случиться. Неужели я подвергла риску еще одного человека?

Опускаюсь на кровать и медленно откидываюсь на спину. Я не могу продолжать взваливать на себя такую ответственность. Закрыв глаза, позволяю всплыть воспоминаниям, которые слишком долго держала в себе.

Воспоминания, как мама обвиняла отца в том, что от него пахнет дешевыми духами; воспоминания о красной помаде на воротнике его рубашки. Драки. Так много ссор из-за женщин. Он не был ей верен. Это должно было разбить ей сердце. Когда-то мы были счастливы, но я не помню точно, когда все пошло наперекосяк.

Поднимаюсь с постели и обнаруживаю, что Лоулор пялится на меня. Я выпрямляюсь, и он отводит взгляд. Скрещиваю руки на груди, мне хочется закрыть дверь. Его взгляд слишком тяжел, чересчур давит на меня.

Встаю, когда слышу звук открывшейся входной двери и шаги, раздающиеся на лестнице. Мой желудок делает сальто, и я прячу руки за спиной. Я буду защищать то, что сделала. Свою семью я не брошу. Прокручиваю эту мантру в голове, пока жду, что в спальне появится Джек.

Вот только это не он. Это Киан.

— Тебя здесь быть не должно. В прошлый раз Джек пришел в ярость. — Лоулор преграждает ему путь. Киан бросает взгляд на меня, а затем переключает внимание на телохранителя.

— Почему бы тебе не спуститься вниз и не выпить чашечку кофе. Лоулор, это, мать твою, приказ. — Голос Киана изменился, в нем появились какие-то угрожающе низкие ноты. Я никогда раньше не слышала, чтобы он говорил таким тоном, и, когда Лоулор бросает на меня последний взгляд, прежде чем уйти, я понимаю, что что-то не так.

— Что? Что-то с Декланом? — Бросаюсь я навстречу Киану. Он не смотрит на меня проходя мимо и открывая дверь на балкон, лишь дергает подбородком в ту сторону, и я выхожу вслед за ним наружу. На улице почти стемнело, и ощутимо похолодало.

— Да что случилось? — Мое терпение на исходе, и сердце не на месте.

— Тебе нужно уехать со мной, — Киан не произносит ни слова, пока не закрывает балконную дверь. Оглядываю маленькое пространство, гадая, о чем, черт возьми, он говорит.

— Тебя послал Джек?

— Нет, Мейв. Тебе нельзя здесь оставаться. Я отвезу тебя в безопасное место, где можно спрятаться. Ты просто должна довериться мне. — Киан поворачивается и берет за ручку двери. Можно подумать, что я пойду за ним.

— Я не доверяю тебе. Я даже не знаю тебя.

Я вижу его отражение в стекле. Он стискивает зубы и зло прищуривается, прежде чем снова повернуться ко мне.

— Серьезно? Тебе хочется, чтобы тебя удерживали здесь против твоей воли? — Своим большим ростом он нависает надо мной, пытаясь встретиться со мной взглядом.

— Почему мы разговариваем здесь? — спрашиваю я.

— В доме есть камеры, и я хотел побыть наедине.

Я могу думать только о том, что камеры есть и в спальне. Мое лицо заливают краской стыда.

— Просто пойдем со мной. Я смогу тебя защитить. — Тянет ко мне руку Киан.

Попытившись назад, ударяюсь поясницей о перила.

— Я не хочу никуда идти и думаю, тебе не стоит тут задерживаться. Киан делает шаг ко мне, и балкон сразу же кажется маленьким из-за габаритов парня. Наклонившись ко мне, он забирает весь окружающий воздух.

— Не вынуждай тащить тебя.

— Да что происходит?

Он лжет. Он не собирается меня защищать. Здесь происходит что-то странное.

— Я — друг.

Я в неверии качаю головой.

— Нет, не друг. Мы едва знаем друг друга. Ты многим рискуешь, и я не понимаю, почему.

То, что мы пофлиртовали друг с другом, не объясняет, ради чего он подвергает себя опасности, так что тут что-то не сходится.

— Ты знаешь, кто он? — рычит Киан, придвигаясь так близко, что между нами не остается ни пространства, ни воздуха.

— Да. — Я пытаюсь вырваться, но он держит меня, прижимая к перилам.

— Ты — ненужный ему отвлекающий фактор.

Я резко поднимаю голову.

— Так тебя послали убить меня? — От страха перехватывает горло и сжимается все внутри.

— Нет. — Его немногословность меня тревожит.

Пытаюсь оттолкнуть его. Он мне лжет.

— Мейв, успокойся, — говорит Киан в то время, как сам спокойным не кажется. В его голосе слышится паника, когда он хватает меня за руки и начинает трясти. — Если ты просто пойдешь со мной, на время заляжешь на дно, сможешь начать все сначала в другом городе.

Он слетел с катушек.

— Отвали от меня. — Пытаюсь вырваться из рук Киана, но он крепко меня держит.

— Если ты не пойдешь со мной, он пришлет еще кого-нибудь.

Своим рычанием он пригвозждает меня к месту.

— Кто кого пришлет?

В легких кончается воздух, когда парень, прикрыв глаза, произносит:

— Лиам.

— Отец Джека хочет, чтобы ты избавился от меня?

Минута откровений проходит, и Киан тащит меня к двери.

— Это мое испытание, и будь я проклят, если провалю его.

Киан решительно прет вперед, не обращая внимания ни на что. Протянув руку назад, изо всех сил цепляюсь за перила. Парень отпускает меня, и на мгновение мне кажется, что он плюнет и оставит меня в покое, но в этот момент он хватает меня за талию.

Я пытаюсь бороться с ним, но он слишком силен. Из горла рвется крик, разносясь по горам. Киан обрывает звук, зажимая мне рот ладонью. Я впиваюсь зубами в его плоть, чувствуя, как рот наполняется его кровью. Он рычит и отпускает меня, я поворачиваюсь и отталкиваю его, он теряет равновесие, и я с ужасом наблюдаю, как Киан перелетает через перила.

ГЛАВА 32

ДЖЕК

Бегу на крики Мейв. Судя по звуку, она где-то на улице. Шей, на ходу вытаскивая пушку, следует за мной по пятам. Я не могу притормозить и обдумать ситуацию. В вопле Мейв я слышу страх. Огибаю угол дома и замираю на дорожке как вкопанный.

Под балконом в луже крови лежит Киан. Тут же подняв голову, вижу полные ужаса, широко распахнутые карие глаза. Мейв качает головой, и, когда наши взгляды встречаются, она шевелит губами и скрывается в спальне. Шей, остановившись рядом, озирается по сторонам. Здесь повсюду камеры, и где-то рядом должен быть Лоулор.

Киан дергает рукой и издает булькающий звук, кровавые пузыри выходят из его открытого рта. Я смотрю на него, и вновь у меня перед глазами Финн.

Шей возвращает пушку за пояс.

— Пиздец его шее. — Он склоняется над Кианом и осматривает, словно тот — умирающий зверь. Я оглядываюсь на балкон.

— Останься здесь, — прошу Шею и бегу в дом. Перешагиваю по две ступеньки за раз, моя паника толкает меня вверх, и останавливаюсь я, лишь когда оказываюсь у двери спальни. Мейв стоит у стены, так и качая головой, зажимая рот руками. Она похожа на животное, попавшее в ловушку.

— Мне так жаль. Я не хотела, — бормочет она. Ее взгляд, лихорадочно мечущийся по комнате, ни на чем не останавливаясь, так же безумен, как и ее мысли. — Я просто оттолкнула его. Я только хотела, чтобы он остановился. — Она прижимает руки к груди. Я вхожу в комнату, и это движение привлекает ее взгляд. — Мне так жаль. Пожалуйста, Джек. — Мейв опускает голову, из ее глаз капая слезы, и чем ближе я подхожу, тем сильнее она пытается съежиться. — Не делай мне больно. Мне так жаль. Я не хотела. — Она опускает голову на грудь, а я задаюсь вопросом, почему она думает, что я могу причинить ей боль. Я прижимаю ее к своей груди, понимая, что это полный пиздец, и я понятия не имею, что с этим делать.

Шейн прикажет ее казнить.

Я крепче обнимаю ее, и в моих руках она надламывается. Всхлипывания переходят в громкие рыдания, которые я пытаюсь заглушить, но это бесполезно, так как истерика разрушает любое чувство самосохранения, которым она обладала еще пару минут назад.

Звук выстрела заставляет меня отпустить девушку, ее рыдания стихают, пока я открываю балконную дверь. Шей, стоя внизу, смотрит на меня, держа в руке пистолет.

Между глаз в голове Киана зияет отверстие.

— Я всего лишь избавил его от страданий. — Шей переводит взгляд мне за спину. Я напрягаюсь, заметив, что Мейв подошла ко мне и смотрит вниз на Киана. Из нее рвется всхлип. Я снова смотрю на Шею, просчитывая, сколько времени есть в моем распоряжении.

— Дашь мне пять минут? — спрашиваю я.

Шей бросает взгляд на Киана, а затем поднимает голову, улыбаясь мне, как будто я прошу больше времени для того, чтобы переодеться.

— Не торопись.

Мне это совсем не нравится, но я должен поговорить с Мейв. Она не сопротивляется, когда я подталкиваю ее обратно в спальню.

— Мейв, послушай меня. — Она не поднимает головы, и я приподнимаю ее лицо за подбородок. — Сосредоточься. — Мне не нравится повышать голос, но она смаргивает слезы и фокусирует взгляд на мне.

— Я знаю, что ты не хотела. — Хотелось бы мне знать, какого хрена он опять здесь околачивается, но теперь не это главное. — Но сейчас мне нужно, чтобы ты сохраняла спокойствие. Ты можешь сделать это для меня?

Мейв кивает, но в ее глазах нет спокойствия. Она смотрит на меня, впиваясь мне в руки ногтями.

— Джек, он мертв? — В ее взгляде мольба о том, чтобы я сказал ей, что Киан жив, как будто она только что не видела его с дыркой в голове.

— Да.

Она кладет голову мне на грудь, и снова начинает плакать. Я не могу дать ей больше времени.

— Мейв. Шей здесь. — Он знает. Он видел. Он вмешался. Но мне приходится сдерживаться изо всех сил.

Когда она отстраняется, я вижу понимание в ее глазах.

— Я никому не позволю причинить тебе вред. Верь мне. — Я хочу, чтобы ее страх исчез. — Но сейчас мне нужно, чтобы ты была сильной и осталась здесь. Хорошо?

Она снова кивает. На этот раз я не могу остаться. Я закрываю балконную дверь.

— К двери не подходи. Оставайся в этой комнате. — Я замечаю, что Мейв меня не слушает. — Мейв, посмотри на меня. — Снова сжимаю ее ладони, заставляя смотреть на меня.

— Где был Лоулор?

Она сглатывает и трясет головой, словно пытаюсь вытряхнуть память о кошмаре мертвого тела Киана.

— Киан велел ему сходить выпить кофе.

Я прижимаюсь губами к ее лбу.

— Ладно, оставайся здесь, никуда не выходи из спальни. — Неохотно выпускаю ее из объятий и спускаюсь вниз по лестнице.

Шей так и стоит подле Киана.

— Так ему и надо, заслужил. — Он достает из кармана пачку и прикуривает одну сигарету, уставившись на балкон.

— Если узнают, что это сделала Мейв, они устроят на нее охоту, как на бешеную собаку, — озвучивает Шей то, что я и так знаю. Объяснений от него долго ждать не приходится. — Мы можем помочь друг другу выбраться из этой передраги. — Он пускает дым в ночное небо.

— Каким образом? — Подхожу к Киану и начинаю рыться у него в карманах. Достаяю его телефон, открываю, но на нем стоит пароль.

— Я помогу тебе спрятать концы в воду. Никто не должен узнать правду.

Поднимаюсь, держа телефон Киана в руке.

— Сколько это будет мне стоить? — спрашиваю я его.

Шей ухмыляется.

— Разве цена имеет значение? — Он смотрит вверх, на балкон, и я понимаю, что он говорит о Мейв.

Имеет ли цена значение? Нет.

Я киваю Шею.

— Мне нужно разобраться с камерами, и один из моих телохранителей здесь.

— Не убивай телохранителя. — Шей, наклонив голову, задумчиво смотрит вниз на Киана. — Вы с Кианом разговаривали, так же как с Финном, когда раздался выстрел, убивший его. Если у нас будет два мертвых тела, это уже объяснить сложнее. Ты сможешь избавиться от него как-нибудь потом. — Наконец, Шей поднимает голову, встречаясь со мной взглядом. — Я был на кухне, когда раздался выстрел, выскочит и обнаружил тело.

Это может сработать. Шей был со мной, на собрании у отца. Тогда стало известно, кто стрелял в Финна и Коннора. Это была месть за прошлое отца. Он узнал киллера по кадрам с камер наблюдения, установленным возле паба. Так что присутствие Шея в этот раз сработает.

— В его голове застряла пуля от другого оружия. — Я потираю руками лицо.

— Они не станут обращать на это внимания, пока все не успокоится. Расскажем эту историю, они бросят все силы на поиски сына Джона, а мы сможем заняться остальным.

— Что, если они поймают его раньше нас, и он будет отрицать убийство Киана? — То, что предлагает Шей, рискованно.

Парень снова усмехается.

— Тогда нам лучше поймать его первыми. — Мне все это не нравится, но другого выхода нет.

Шей докуривает сигарету, тушит окурок о землю, а затем сует его себе в карман. Я смотрю на его манипуляции.

— На нем моя ДНК, — объясняет он, но до меня все равно не доходит.

— Это северные привычки. Не оставлять ничего на случай, если место превратится в место преступления.

— Так что ты хочешь? — спрашиваю я, пока мы не начали звонить.

— Ты — следующий в очереди возглавить Восток. Давай заправлять вместе. — Он делает паузу, давая мне время проникнуться. — Нашей группой.

В окнах дома вижу движение и замечаю черный костюм; это Лоулор. Он не стал выходить на шум, возможно, понимает, что уже не жилец.

— Сколько всего претендентов на эту роль?

— Четверо. Четыре Босса. По одному на каждую провинцию. Управляем на равных.

— А что насчет Севера? — Север — его вотчина. Всего четыре графства, но они достаточно большие.

— Мы вместе встанем во главе Севера и Востока, и, как знать, может, захватим всю Ирландию.

Я снова опускаю взгляд на Киана. Если бы Мейв не призналась, что толкнула его, а Шея со мной не было, я мог бы поверить, что он все это спланировал.

— Прямо сейчас мы должны сообщить об этом.

Шей закуривает еще раз, и это единственный признак того, что он нервничает. Я

достаю телефон и набираю номер отца.

— Да, — тут же поднимает он трубку.

— В Киана стреляли. — Смотрю на Шея, и тот кивает мне, разворачивается и направляется в дом.

— Он мертв? — Голос отца лишен эмоций.

— Да. Выстрел был в голову. — Опускаю взгляд вниз на тело Киана.

— Где ты?

— Я возле дома. Все случилось так же, как с Финном, — слетает ложь с моих губ. —

Мне позвонить Шейну?

— Нет. Я сам позвоню.

Я рад, что он сделает это сам.

Отец кладет трубку, а я иду в дом. Лоулор торчит на кухне вместе с Шеем.

— Иди домой, Лоулор. Я позже позвоню тебе.

Телохранитель как будто собирается что-то сказать, но я бросаю на него последний взгляд, и он уходит. Я без промедления иду в комнату охраны, расположенную под лестницей. Мониторы работают, и я выключаю их один за другим, затем вынимаю флешку, на которой записаны сегодняшние кадры, сую ее в задний карман и закрываю за собой дверь. Шей стоит снаружи.

— Мой отец знает. В данный момент звонит Шейну.

— Он устроит тебе допрос. Ты готов к нему? — Шей пристально смотрит на меня, и я чувствую, что он спрашивает о большем.

— Ты имеешь в виду, готова ли к нему Мейв?

Парень поглаживает свой подбородок.

— Я поддержу тебя, но только сделай так, чтобы все это выглядело правдоподобно. —

Шей достает из кармана пистолет. — Где мне его спрятать?

Я не хочу к нему прикасаться. Поэтому веду Шея в гостиную, нажимаю на третью от стены половицу, и она щелкает, открываясь. Я отодвигаю в сторону наличные и паспорта и встаю.

— Давай.

Шей снова ухмыляется, пряча пистолет в тайник.

— Боишься оставить на нем свои отпечатки?

Когда он поднимается, нажимаю на доску, и она защелкивается.

— Конечно.

Он весело подмигивает.

— Иди и разберись со своей женщиной. Я останусь снаружи с телом Киана до их приезда.

Мейв сидит на кровати. Ее губы шевелятся, как будто она бормочет что-то про себя. Когда я вхожу, она вскидывает голову. Понимаю, что времени у нас очень мало.

— Мой отец и отец Киана очень скоро будут здесь.

Мейв, и так бледная, белеет еще сильнее и начинает раскачиваться взад и вперед.

— Они будут задавать вопросы. О том, что произошло.

Я подхожу к кровати и сажусь, чтобы убедиться, что она меня слушает.

— Ты сидела здесь и занималась, когда услышала выстрел. Выглянула в окно и увидела тело Киана. Это объяснит твоё теперешнее состояние.

— Почему ты не можешь просто сказать, что меня здесь не было? — Она моргает, и

слезы катятся с новой силой по ее щекам. — Я не хочу с ними разговаривать. Я убила его.

Я сжимаю ее ладони в своих.

— Мейв, говорить такое небезопасно. Ты занималась, ты услышала выстрел, и это все.

Она отворачивается, и мне не хочется пугать ее еще сильнее, но она должна осознать до конца.

— Если они КОГДА-НИБУДЬ узнают, что это была ты, тебя казнят, и я не смогу этому помешать. Ты понимаешь?

Мне кажется, ее сейчас стошнит, но она кивает.

Я притягиваю девушку к себе, и никогда еще она не была так далеко от меня. Мне не нравится грядущая неизвестность, но, несмотря ни на что, я сделаю все возможное, чтобы Мейв была в безопасности.

Снаружи раздается шум мотора. Я отпускаю ее, подхожу к двери балкона и вижу Шейна, который бежит по лужайке. Он падает на колени, поднимает голову Киана и кладет себе на колени. Это совсем не тот человек, что, не моргнув глазом, наблюдал, как расстреливают двух безоружных людей. От его вопля я отступаю назад. Мейв начинает всхлипывать.

— Они здесь.

Прямо сейчас я бессилен. Я не могу проявить слабость.

— Мейв. Оставайся здесь, пока я не приду за тобой.

Слезы текут по ее щекам, и она не произносит ни слова. Я обхватываю ее лицо ладонями и целую. Ее соленые слезы смачивают мои губы.

— Я защищу тебя, — говорю я ей в губы, прежде чем выйти из комнаты и захлопнуть за собой дверь.

ГЛАВА 33

МЕЙВ

Я не могу вздохнуть, словно в комнате закончился весь воздух. Наклоняюсь, опуская голову между коленей. Мой мир рухнул, и я не знаю, что с этим делать. Зажмуриваюсь, когда вспоминаю, как хватал меня Киан, желудок сжимается, и я трясусь головой, как будто можно просто так вытряхнуть из себя эти воспоминания. Как будто я могу увидеть, как он поднимается над перилами балкона и входит обратно в спальню. Как будто я могу повернуть время вспять.

Вопль, от которого, кажется, дрожат стены, заставляет меня выпрямиться и зажать уши. В нём столько боли, и когда он раздаётся снова, я начинаю плакать. Поднимаюсь с кровати и, вопреки всякому здравому смыслу, бреду к балкону; понятия не имею, как ещё меня держат ноги. Прижимаю обе руки ко рту, пытаюсь сдержать рыдания.

Шейн, вцепившись себе в волосы, ходит вокруг сына, наклоняется и снова кричит. Слезы застилают глаза, я пытаюсь проморгаться, чтобы вновь сфокусироваться на нём.

Я забрала у него сына.

Отвернувшись, опускаюсь на пол и вновь зажимаю уши, в то время как он всё кричит и кричит. Когда Шейн замолкает, я, наконец, убираю руки от ушей, только чтобы услышать, как к дому подъезжает машина. Подкравшись к окну, наблюдаю за тем, как Лиам О'Риган, одетый в чёрный костюм, чинно пересекает лужайку. Внимательно осмотрев окрестности, он останавливается перед телом Киана. Пока разглядывает тело, никто не произносит ни слова. Наконец, он поднимает взгляд на Шейна, и тот, сделав шаг, прижимается к нему.

Я удивлена, видя, что Лиам обнимает его в ответ. Я удивлена, что этот человек вообще

способен на сострадание. А ведь это он послал сюда Киана; интересно, знает ли Шейн об этом? Если да, то он должен знать, что Киана послали за мной, а тело лежит сейчас прямо под балконом. При падении могли остаться характерные повреждения. Когда будут проводить вскрытие, их заметят. Они поймут, что это сделала я.

Сердце замирает, когда Лиам поднимает голову. Его пронзительный взгляд встречается с моим, и он как будто знает. Он знает, что я к этому причастна. Отползаю от окна, словно могу отсюда сбежать. Словно могу сбежать от того, что только что сделала.

Киан сказал, что это часть его испытаний; мне и в голову не пришло поделиться этим с Джеком. Настолько была уверена, что он меня убьёт, что до сих пор не могу поверить, что я в безопасности.

Ты же не думаешь, что можешь лишиться жизни О'Ригана и легко отделаться?

Заслышав шаги на лестнице, поднимаюсь с пола. Кровь стучит у меня в ушах, когда открывается дверь. Я не знаю, кого ожидала увидеть, но точно не Лиама. С моих губ срывается вскрик.

Лиам широко распахивает дверь и заходит внутрь.

— У тебя есть минутка?

Его вопрос чертовски неуместен, пока я пытаюсь сделать вдох.

— Да, — хрипло отвечаю я. Меня так и подмывает выглянуть с балкона, чтобы посмотреть, остался ли Джек там, внизу. А может, это он послал своего отца убить меня, потому что не может сделать это сам.

Лиам входит в спальню, и мне хочется закричать, но я сдерживаюсь, ожидая, пока он подойдёт ближе. Он останавливается у двери на балкон. На улице почти стемнело.

— Отсюда открывается прекрасный вид.

Мне тяжело дышать, перед глазами пляшут точки.

— Это правда, — отвечаю я.

Не поворачиваясь, он роняет:

— Из этого окна ты могла многое увидеть. — Он поворачивается лицом ко мне, а у меня подкашиваются ноги. Я подхожу к кровати и тяжело плюхаюсь на неё.

— Ты неважно выглядишь. — Лиам медленно проходится по комнате.

— Мне никогда прежде не доводилось видеть, как кто-то умирает.

Лиам пристально смотрит на меня.

— Правда? — Он как будто удивлён. — Чем ты занималась тут наверху?

Он сканирует взглядом комнату, и я пытаюсь вспомнить, что говорил мне Джек.

— Занималась.

Лиам останавливается у стола и открывает ноутбук. Он выключен.

— Мои учебники, — подсказываю я. Лихорадочно соображаю, не сразу замечая их на столе, но когда вижу, то торжествующе указываю на них, словно я победила.

— Расскажи мне, что ты слышала и видела.

Лиам встаёт передо мной.

— Я слышала выстрел и бросилась к окну. Киан был мёртв.

— Ты бросилась к окну, услышав выстрел? Это кажется очень необычным поступком. Большинство женщин спрятались бы.

— Я запаниковала. В тот момент я ни о чём не думала.

— Ты кого-нибудь видела?

— Нет, — качаю головой.

— Ты никогда не разговаривала с Кианом?

Моё сердце бешено колотится. Я боюсь, что оно пробьёт мне грудь и упадёт к его ногам.

— Сегодня нет. — Я складываю руки на колени, и Лиам бросает на них взгляд, словно видит там кровь. Я сжимаю руки в кулаки.

— Так ты общалась с ним раньше?

— Немного. У вас дома и в клубе.

— Но никогда здесь?

Я знаю, что не должна лгать. Если Лиам послал его в этот раз, значит, он посылал его и раньше.

— Нет. Простите. — Я хмурюсь, уставившись в пол, словно пытаюсь вспомнить. — Он заходил сюда недавно. Несколько дней назад.

Лиам кивает. Он не спрашивает меня, о чём мы говорили. Он и так знает.

— Спасибо, Мейв, — произносит он, и мне становится очень страшно. Я справилась? Или меня казнят? Он останавливается у двери, и я молюсь, чтобы он оставил меня в покое.

— Я найду того, кто это сделал. — Он поворачивается ко мне, и я вижу это в его глазах. Он знает.

Он всё понял.

Я не отвечаю, Лиам наконец выходит, оставляя меня одну. Моё тело обмякает, и мне кажется, что не смогу встать, даже если вокруг меня всё рухнет. Лиам бесшумно спускается по лестнице. Слышу только свой грохочущий пульс и шум крови в ушах.

Я сижу, не шевелясь. Не знаю, сколько времени прошло, в спальне становится совсем темно, а у меня в голове снова и снова Киан падает навзничь. Он машет своими большими руками, как будто может зацепиться за что-нибудь и остановить своё падение.

Шум на лестнице возвращает меня в реальность. Дверь в спальню после ухода Лиама так и осталась открыта. Я поднимаю взгляд на Джека, когда он входит и нажимает выключатель. Закрываю глаза от резкого слепящего света.

— Мейв. — Джек опускается передо мной на колени. — Ты отлично справляешься. — Улыбка натянута, и он выглядит бледным. — Ещё одно маленькое препятствие, — тихо произносит он и оглядывается на дверь. Я ещё ни разу не видела, чтобы Джек нервничал. Он берёт меня за руку. — Шейн хочет задать тебе несколько вопросов.

Я мотаю головой.

— Я не могу.

Я сломаюсь. Я признаюсь, не выдержу вида всей этой боли.

Джек крепче сжимает мою руку.

— Тебе придётся, — негромко, но резко говорит он. — Последний рывок. Я обещаю.

Разве у меня есть выбор?

Джек поднимается, держа меня за руку. Мы покидаем безопасное пространство спальни, и я ощущаю себя так, словно меня ведут на смерть. Перед глазами встают жуткие картины того, как меня выводят на улицу и ставят к стене. Я замечаю Шейна, он стоит с пистолетом в руке. Когда я запинаюсь, останавливаясь на лестнице, Джек оглядывается на меня и сжимает мою руку.

Спустившись, заходим в гостиную. Думаю, это стало бы худшим кошмаром для любого человека. Лиам стоит у незажжённого камина. Шей отвернулся к окну, а Шейн меряет шагами комнату. Как только мы входим, его налитые кровью глаза фокусируются на мне. Старая и ржавая колючая проволока затягивается вокруг моей груди, сжимая чувством вины.

Комната плывёт перед глазами, и я прижимаюсь к Джеку.

Каждый человек в этой комнате — убийца. Я лихорадочно соображаю, пытаюсь понять, что говорит Шейн, его губы шевелятся, но слов я не слышу. Смотрю на Джека, и он сжимает мою руку.

— Просто расскажи ему, что ты видела. — Джек поднимает руку и касается моего лица, и мне хочется проскользнуть сквозь его пальцы и исчезнуть.

— Я занималась в своей комнате, — обращаюсь я к Шейну, и он делает шаг ко мне. Его глаза, совершенно дикие чёрные глаза, смотрят на меня так, будто способны заглянуть глубоко мне в душу. Для него мои слова — подсказки, и он рассматривает их под микроскопом.

— Я услышала выстрел и подошла к балкону. — Почувствовав, что Шей тоже наблюдает за мной, я бросаю на него быстрый взгляд. От того, как пристально он смотрит, меня бросает в дрожь, и я снова отворачиваюсь к Шейну.

— Примите мои соболезнования.

— Ты видела кого-нибудь? — Шейн игнорирует мои соболезнования. Он в режиме выживания. Он подходит ко мне, его тело напряжено до такой степени, что может сломаться.

Я качаю головой.

— Нет. Простите, что больше не могу ничем помочь.

Шейн наконец отпускает меня от себя и поворачивается к Лиаму, трёт ладонями лицо и качает головой.

— Это убьёт Уну.

— Это самая скорбная часть нашей профессии. — Жестокость слов Лиам вырывает меня из моего оцепенения.

— Не. Мой. Сын! — рычит Шейн в сторону Лиам, но я отшатываюсь назад. Вокруг Шейна сгущается воздух.

Джек дёргает меня за руку, не давая выйти из гостиной. Я даже не осознавала, что пячусь к выходу. Моргаю, и по щекам катятся слёзы. Ещё немного — и я буду умолять его отпустить меня. Но слова замирают на губах, когда раздаётся рычание Шейна. Рванув к стене, он бьёт кулаками по бетону, и Шей срывается с места. Джек отпускает мою руку, приходит ему на помощь, и вместе они пытаются оттащить Шейна от стены, измазанной его кровью.

Отворачиваясь, замечаю, что Лиам наблюдает за мной, и моё терпение лопаётся. Выскочив из гостиной, избегаю по лестнице и залетаю в спальню. Больно ударяюсь коленями о кафельный пол ванной и исторгаю содержимое желудка в унитаз.

Дверь ванной открывается.

— Дай мне минутку, — умоляю, желая, чтобы меня оставили в покое. На пол ванной падает тень, и я понимаю, что это не Джек.

— На кону не только твоя жизнь. — Шей не заходит в ванную, в его сдержанном тоне я слышу нотки раздражения, как будто он предпочёл бы раздавить меня, как насекомое, а не вести со мной беседы.

Я вытираю рот тыльной стороной ладони и смотрю на Шею.

— Если они узнают, что мы с Джеком помогаем тебе, одной оплеухой не ограничатся. Поэтому нам нужно, чтобы ты держала себя в руках.

Я не питаю иллюзий по поводу того, почему Шей мне помогает. У него на это свои

причины. Он подходит и протягивает мне руку, помогая подняться. Я игнорирую его помощь.

— Джек сильно дорожит тобой. Он поставил всё на карту ради тебя, поэтому я предлагаю тебе отплатить ему тем, что ты не будешь привлекать к себе излишнего внимания.

Я киваю. Его слова меня сильно задевают. Он прав. Ради чего Джек идёт на такие жертвы и лжёт своей семье?

— Хорошая девочка. — Улыбнувшись, Шей выходит из ванной.

Слышу, как на улице заводится машина, и выхожу вслед за Шеем в спальню.

— Шейн уезжает, так что он больше не будет тебя допрашивать.

Я замёрзла и устала, и у меня хватает сил только на то, чтобы кивнуть в ответ.

— Но, если рядом кто-то есть, ты не можешь больше привлекать к себе внимание подобным образом.

Я хочу, чтобы он от меня отстал. Наверное, он прав, но прямо сейчас мне меньше всего нужна эта чёртова лекция.

— Я услышала тебя с первого раза.

Он негромко хмыкает, прежде чем направиться к двери.

— Хорошо. Советую прислушаться.

Шей выходит, осторожно прикрыв за собой дверь.

ГЛАВА 34

ДЖЕК

Она спит поверх одеяла, свернувшись калачиком. Пробираясь к кровати, я издаю слишком много шума из-за большого количества бренди, плещущегося в желудке. В тот момент, когда валяюсь на матрас, Мейв вскакивает.

— Джек?

Тянусь к ней, на сладкий звук её голоса, который вызывает у меня улыбку.

— Ага, иди ко мне. — Притягиваю к себе и тут же понимаю, что хочу её. Глубоко вдыхаю запах, убираю её волосы с шеи и прижимаюсь губами к тёплой коже.

— Джек. — Голос девушки дрожит. Я поворачиваю Мейв к себе, её дыхание опалает мне щёку, член в моих брюках каменеет, когда она протягивает руки и упирается мне в грудь. — Мне нужно рассказать тебе кое-что о твоём отце.

Я прокладываю дорожку поцелуев вдоль её шеи, тогда как руками провожу по её бёдрам. Не хочу сейчас говорить ни об отце, ни о чём-то ещё. Всё, чего я хочу, — забыться глубоко внутри Мейв.

Она неловко отталкивает меня.

— Это он послал Киана за мной.

Бренди согрело меня. Мейв заставила меня забыться. Эта информация вынуждает всё это улетучиться, и я поднимаюсь с кровати. Я хочу, чтобы Мейв повторила то, что только что сказала, но при этом мне нужно видеть её лицо. Включаю свет, она садится, подтягивая колени к груди. Тёмные круги у неё под глазами говорят мне, чтобы я не наседаю на неё.

— Что значит — он послал Киана?

Я заползаю на кровать, и она крепче прижимает к себе колени. Костяшки её пальцев побелели.

— Почему у тебя такой испуганный вид?

Мейв быстро отводит глаза.

— Он твой отец.

Протягиваю руку к Мейв, и она переводит взгляд на меня.

— Я бы никогда не причинил тебе боли, — мягко говорю я, прикасаясь к её лицу. — Людям, которых любишь, не делаешь больно.

Она часто моргает, затем, когда слёзы начинают катиться по её щекам, Мейв бросается в мои объятия и заходится в рыданиях.

— Я просто ожидала, что ты передумаешь и убьёшь меня.

Я крепче обнимаю её.

— Я уже давно про тебя всё решил. Ты должна была это понять.

— Да, теперь до меня начинает доходить. — Она сопит мне в шею.

Я целую её в макушку.

— Расскажи мне, что случилось.

Её всхлипы постепенно стихают, и она высвобождается из моих рук.

— Киан сказал, что твой отец послал его за мной. Что я тебе только мешаю.

То, что Киан сказал ей — скорее всего способ заставить её пойти с ним, так что я не придаю этому значения.

— Когда я стала сопротивляться, Киан сказал, что не собирается из-за меня провалить своё испытание.

Я пристально смотрю на Мейв, её губы дрожат, и у меня создаётся впечатление, что она ещё не всё мне рассказала.

— Что ещё?

— Твой отец знает, что это я.

Снова прижимаю Мейв к себе, я хочу, чтобы она остановилась.

— Нет. Он никогда тебя не заподозрит, — говорю, ещё раз целую её в макушку.

— Джек, когда он пришёл сюда допрашивать меня, я сразу это поняла.

Что если она говорит правду? Что если мой отец действительно послал Киана за ней? Мне нельзя игнорировать то, что она сказала. Но так хочется. Хочется выбросить всё это из головы.

— Завтра я съезжу к коронеру, устрою так, чтобы причиной смерти была указана пуля снайпера.

— Как? — В голосе Мейв слышится недоверие. — У него, должно быть, переломаны кости.

— Это в протокол вскрытия не войдёт, — перебиваю я её.

Она отстраняется и смотрит мне в глаза.

— Ты сможешь такое устроить? — обеспокоенно спрашивает она, и я не виню её.

— Да.

— Ты делал такое раньше?

Мне не хочется ей отвечать. Мне не хочется, чтобы она слишком много знала. Это очень опасно.

— Всё, что тебе нужно знать, — что всё это забудется.

Её взгляд говорит мне, что она никогда не забудет, но я знаю, что время лечит.

— Давай немного поспим.

Выпускаю из объятий Мейв и откидываю одеяло, чтобы она забралась под него. Как бы сильно я её ни хотел, она выглядит измотанной, и от всех этих переживаний о Киане и моём отце лучше не становится. Выключив свет, ложусь рядом с ней в постель. Она тут же

прижимается ко мне своим хрупким телом, и мне приходится бороться с желанием овладеть ею.

— Шей останется с тобой. — Надев костюм, спускаюсь вниз, Мейв следует за мной по пятам.

— Он мне не нравится. Я не хочу оставаться с ним наедине.

Её неприязнь к Шею — одна из причин, по которой я спокойно оставляю её с ним. Уверен, что между ними ничего не может быть, пока я в отъезде. К тому же, он — единственный, кому я могу сейчас доверять. Ещё предстоит разобраться с Лоулором, но в первую очередь необходимо навестить коронера и всё уладить до приезда туда Шейна.

— Я не задержусь надолго.

К дому подкатила машина Шея.

— Он уже здесь, так что веди себя хорошо, — говорю я Мейв.

— Быть повежливее?

Когда я поворачиваюсь к ней, она скрещивает руки на груди. Застываю, на мгновение задумавшись о том, какая она потрясающая и правильно ли я делаю, оставляя её здесь.

Открывается дверь, и на пороге появляется Шей.

— Мне нужен кофе. — Шей топаёт напрямиком на кухню. — Мейв, тебе сделать чашечку? — спрашивает он таким сладеньким голоском, каким разговаривает только с моей матерью, и только на мою мать это действует.

Хмуро зыркнув на него, Мейв отрубает:

— Нет.

Наклоняюсь к ней и целую её в губы.

— Я ненадолго.

Она разнимает руки и выдыхает, когда Шей скрывается на кухне.

— Я понимаю, что у тебя дел по горло, но мне нужно увидеться с мамой.

Так и есть, и в списке моих дел её мать в самом конце, но по суровости её взгляда я понимаю, что мне нужно переместить её наверх.

— Обещаю, когда я вернусь, мы поговорим об этом.

Шей грохочет посудой на кухне, и я думаю, что тем самым он подаёт мне сигнал уходить.

— Ладно, — сдаётся Мейв.

Ещё раз целую её на прощанье, прежде чем отправиться на кухню.

— Я скоро. Если появится мой отец, сообщи мне.

— Нет проблем, — улыбается мне Шей. Он наливает себе кофе, и как бы мне ни хотелось, я должен оставить Мейв прямо сейчас.

Когда захожу в рабочий кабинет, застаю Дэвида склонившимся над обнажённым телом седого мужчины лет пятидесяти. Выпрямившись, Дэвид отодвигает налобный фонарь.

— Мистер О'Риган.

— Дэвид. Я хочу переговорить с тобой.

Он откладывает скальпель и снимает перчатки, поглядывая на дверь.

— Меня впустил Уильям, — объясняю я. Мы прежде не имели с ним дел, и мне необходимо исправить это.

— Отчёт по вскрытию Киана готов?

Он убирает лампу со лба и кладет её на серебристый поднос рядом с телом. Я отвожу взгляд от тела, пока он достаёт папку из картотеки и открывает её.

— Давайте посмотрим. У него шея сломана, очевидно, в результате падения. Повреждён позвоночник, сломанное ребро пробило лёгкое. Если бы ему не выстрелили в голову, он бы умер в течение двух минут.

Подойдя к Дэвиду, забираю папку у него из рук. Вынимаю его отчет и складываю его в несколько раз.

— Смерть наступила в результате выстрела в голову, — произношу я.

Дэвид кивает.

— Да, от выстрела в голову.

— Пуля, извлеченная из шеи Финна — идентична той, что ты извлек из Киана. Её доставят сюда сегодня вечером, и ты сможешь предъявить её моему отцу.

— Понял, — говорит Дэвид, почёсывая реденеющие волосы, пока я засовываю бумаги в карман. — Ваш отец хочет получить полный отчёт. Полагаю, я могу предоставить ему информацию, которую только что дал вам?

— Мой отец уже был здесь?

Дэвид колеблется, закрывая шкаф с документами.

— Да, вчера.

— Что ты ему сказал?

— Я ещё не закончил свой отчёт, но сказал ему, что он узнает об этом первым.

Облегчённо выдохнув, обращаюсь к нему:

— Скажешь моему отцу, что его застрелили. И только это. Это всё, что ты будешь говорить всем.

— Мистер О'Риган. — У него начинают бегать глаза. — Не считите за неуважение, но врать Лиаму неразумно.

Я подхожу к нему вплотную.

— Лиам уходит со своего поста, и как ты думаешь, кто займет его место? — Я не даю Дэвиду ни секунды на ответ. — Я. Значит, я твой босс, и неразумно — это идти против меня. Мы поняли друг друга?

Он энергично кивает.

— Передай привет Берни и детям.

Дэвид не опускает головы, возможно, привык к угрозам, которыми, без сомнения, часто сыпал мой отец.

Выйдя на улицу, тут же снимаю галстук и забираюсь в джип. Проверяю телефон. Сообщений от Шея не приходило, но я всё равно набираю его.

— Алло. — На заднем плане играет тихая музыка, и раздаются звуки, как будто он что-то жарит.

— Ты готовишь?

— Да, мне захотелось яичницы. Мейв со мной на кухне. Она в порядке. — Слышно, как он передвигается по кухне. — От твоего папаши пока никаких вестей.

— Я задержусь, но ненадолго. Есть дела, которые не требуют отлагательств.

— У меня гора с плеч.

Я понятия не имею, разумно ли поступаю, доверяя Шею, но сейчас, после предательства отца, мне больше не к кому обратиться.

Нажимаю отбой и делаю ещё несколько телефонных звонков. Не так давно я приобрёл

инвестиционную недвижимость в Наване, и мне нужно оформить её на мать Мейв. Проходит совсем немного времени, и управляющая компания находит свободный дом — небольшое бунгало на окраине. Велев им проследить, чтобы дом был полностью меблирован и готов к заселению, я возвращаюсь домой.

Звук сообщения, пришедшего на телефон от Шей застаёт меня на полпути.

— Твой папаша здесь.

— Блядь. — Нажимаю на педаль газа. Хочу держать отца как можно дальше от Мейв. Как только въезжаю на подъездную дорожку, меня так и подмывает поскорее броситься в дом. Включив благоразумие, заезжаю в гараж и выключаю мотор. Надев галстук, достаю бумаги из кармана пиджака и оставляю в бардачке.

Захожу на кухню, отец сидит за столом и пьёт кофе, а Шей что-то колдует на плите.

— Где Мейв? — спрашиваю, не обнаружив её.

— Занимается у себя. Ей нравится читать. — Шей оборачивается, и его серьёзный взгляд заставляет меня присесть на стул.

— Я заехал поинтересоваться как твои дела, — подаёт голос отец.

— Будут гораздо лучше, когда мы поймем сына Джона, — отвечаю я.

Отец отодвигает стоящую перед ним чашку.

— Пока не вышли на его след, но не волнуйся, мы его поймем.

— Ты так и не объяснил, за что сын Джона мстит тебе. — Шей отрезает ломтик колбасы, кладет её в рот и медленно жуёт, словно наслаждается хорошим стейком. Он жуёт так же медленно, как отвечает на вопрос мой отец. Интересно, знает ли он, как близко подошёл к тому, чтобы столкнуть моего отца?

— Это дела давно минувших дней. Его отец работал на меня. Потом пошёл в армию, после вернулся домой. Мы ненадолго встретились, и сразу после этого он умер от передозировки. Его сын, должно быть, винит меня в его смерти.

Шей разрезает яйцо и желток выливается на тарелку.

— С какой стати ему тебя обвинять?

Невозмутимости отца стоит поучиться, если представится такая возможность. Он искусный лжец, и ты никогда не знаешь, что у него на уме.

— На самом деле, меня эта загадка меньше всего волнует. Знаю только, что это он, и это единственная причина, по которой он преследует мою семью.

Шей качает головой.

— Чокнутый пиздюк.

— Как поживает твой отец?

Не сомневаюсь, что вся эта болтовня не просто так, но сейчас все мои мысли заняты только Мейв и тем, что она мне рассказала.

— Выздоровливает. Он силен как бык, — с гордостью говорит Шей.

Мой отец терпеть не может его отца. Так что кивает и поднимается со стула. Чуть помедлив, переключает внимание на меня.

— Я хотел спросить, ничего такого, просто для себя. Что здесь делал Киан?

Я мог сказать сейчас всё, что угодно, и ему пришлось бы поверить мне на слово. Раз уж он, блядь, послал его. Мне противно думать, что отец мог так предать меня.

— Он хотел, чтобы ему дали возможность принять участие в испытаниях. — Я вру так же виртуозно, как мой отец.

— Интересно. Ты предоставил ему эту возможность? — спрашивает отец, задвигая стул.

— Это не в моей власти, поэтому я отправил его к тебе. Но сейчас ответа мы уже не узнаем. — Я тоже поднимаюсь. Мне хочется обвинить его в том, что он сделал. Мне хочется спросить его, зачем он это сделал. Мейв дорога мне. И я бы спросил его: что, если бы на её месте была мама, он поступил бы так же?

— Интересно, что бы ты ему ответил? — Шей одновременно ест, слушает, учится. Он гораздо умнее, чем кажется.

— Сейчас это уже не имеет значения, не так ли? — отвечает отец.

Шей возвращается к еде.

— Я, пожалуй, поеду. — Отец бросает на нас с Шеем прощальный взгляд, но снова медлит. — Я отправляюсь к коронеру, так что скоро сообщу вам, парни, о результатах вскрытия.

— Дэвид сказал, что они будут готовы сегодня вечером.

Отец переводит взгляд на меня, и впервые я вижу удивление в его глазах.

— Ты был у него?

— Если мне предстоит стать главой Клана, поимка убийцы моего кузена должна быть в приоритете.

Отец молча выходит, и я встаю, ожидая, пока за ним закроется дверь.

— Может, расскажешь, что за хуйня тут творится? — спрашивает Шей, и я, конечно, поделюсь с ним новостями, но не сейчас.

ГЛАВА 35

МЕЙВ

Часы тикают, но кажется, будто для меня время в последние три дня остановилось. Я в оцепенении и не хочу из него выходить. Мне пришлось побывать на поминках в доме родителей Киана. Джек изо всех сил старался оградить меня от его скорбящей родни, но я всё равно пожала руки членам семьи Киана и выразила свои соболезнования.

Когда мы остались наедине, Джек напомнил мне, что убил Киана Шей, а не я. Он бы остался в живых, если бы Шей не нажал на курок. Часть меня цеплялась за его слова и молилась, чтобы они оказались правдой.

Отпевание в церкви прошло как в тумане, и вот я стою на кладбище, чувствуя на себе чей-то взгляд. Я не хочу смотреть, вдруг это Лиам. Он единственный, кого я старательно избегала. Подняв голову, обнаруживаю, что это Шей смотрит на меня.

Прошло три дня с тех пор, как мы с ним виделись. С тех пор как Джек отправился к коронеру, а меня оставил на попечение Шея. Он кивает мне, и я из вежливости киваю в ответ, понимая, что наверняка кто-нибудь из присутствующих наблюдает за ним. Засунув руки поглубже в карманы длинного чёрного пальто, я смотрю вперёд, пока священник произносит речь, посвящённую Киану.

Никто не плачет кроме Уны. Шейн обнимает свою жену, и это уже совсем не тот человек, которого я видела несколько дней назад. Он сильный и собранный. Постороннему может показаться, что ему всё равно. Джек с отцом стоят впереди. Мне не хочется стоять с ними рядом. Дана оглядывается и через силу улыбается мне. От чувства вины всё внутри меня сжимается. Дана — ещё один человек, которого я избегаю. Столько лжи мне пришлось ей наговорить. И ещё столько же, уверена, придётся сказать. Дружба с ней никогда ещё не доставалась так тяжело. Она говорила о скором возвращении в Италию, и я знаю, что Светлана поощряет её к этому. Она не хочет вовлекать Дану в дела семьи, но я считаю, что это лишь вопрос времени.

— Покойся с миром, — эти слова вырывают меня из размышлений, когда Уна стонет на подкосившихся ногах и Шейн поддерживает её, а гроб опускают в землю. Я отвожу глаза от душераздирающей сцены и сосредотачиваюсь на небе. Тёмные тучи, собравшиеся над головой, грозят разверзнуть небеса и залить нас слезами. Я цепляюсь за те слова, что сказал мне Джек. Все считают, что Киана застрелил тот же снайпер, что стрелял в двух родственников Джека. Он говорил, что никто никогда не станет копаться в этом деле. Мне нужно цепляться за этот факт, держаться за него, как будто от этого зависит моя жизнь. Наверное, в каком-то смысле так оно и есть. От этого зависит мой рассудок.

И снова к горлу подкатывает чувство вины, потому что я испытываю облегчение, понимая, что мне всё сойдет с рук. Толпа начинает расходиться, а я стою, уставившись в землю, не желая встречаться с чьими-либо скорбными взглядами.

— Ты поедешь в отель? — голос Даны заставляет меня оторваться от разглядывания серого гравия, хрустящего под ногами по меньшей мере сотни людей, собравшихся здесь. Я не подозревала, что Киан настолько известен, но, судя по публике, большинство из них собрались отдать дань уважения семье О'Риган. Я искала Джека в толпе.

— Да.

Дана громко выдыхает, подходит ко мне и берёт меня за руку.

— Я буду по нему скучать, — она кладёт голову мне на плечо.

— Я тоже, — натыкаюсь взглядом на Джека, и черты его лица смягчаются, когда он смотрит на Дану, которая прижимается ко мне. В своем тёмном костюме Джек прекрасен. Он подходит и целует Дану в макушку, а затем оставляет поцелуй на моих губах.

— Ему бы понравилось, — Дана выпрямляется, но не отпускает меня.

Джек улыбается.

— Да, его хорошо проводили. Пойдём, выпьем за него.

Холодные голубые глаза Джека останавливаются на мне, он берёт меня за руку. Дана отпускает меня, и мы идём к джипу Джека.

— Ты на машине? — спрашивает Дану Джек.

— Нет. Я приехала с мамой и папой. Давай я скажу им, что поеду с тобой.

— Хорошо. Мы будем в машине.

Дана уходит, а Джек притягивает меня ближе.

— Я так горжусь тобой, — наклонившись ко мне, тихо говорит он. — У тебя всё получается.

— У тебя тоже, — я поднимаю голову и встречаю его взгляд. Джек останавливается и, приподняв рукой в перчатке моё лицо, целует меня в губы. Поцелуй такой нежный, но, как и всё, что связано с Джеком, независимо от того, насколько незначительно и мимолётно прикосновение, слово или взгляд, я чувствую его до кончиков пальцев ног.

Джек выпускает меня из объятий, когда один из его родственников останавливается рядом с нами.

— Как Финн? — спрашивает у него Джек.

— Он ещё здесь. Думаю, увидев Киана, он понял, что должен быть чертовски благодарен за то, что находится над землёй.

Дарра. Так его зовут. Мы встречались с ним в доме Шейна. Он близнец Финна — того, кто передвигался в инвалидном кресле.

— Да, я думаю, это напоминание нам всем, что мы уязвимы, — мы останавливаемся у джипа.

Дарра прикуривает сигарету.

— Некоторые из нас. Другие думают, что могут ходить по воде и превращать мочу в вино.

Джек смеётся.

Дарра подмигивает мне.

— Увидимся в отеле.

Джек открывает передо мной дверцу, и я забираюсь внутрь. Устраиваюсь на сидении, он заводит двигатель и включает печку.

— О ком он говорил? — спрашиваю я. Мне всё равно, но не хотелось думать о людях в трауре, проходящих мимо.

— Про Шея и его отца, Коннора. Они из другого теста.

Я поворачиваюсь к Джеку, пока он снимает пиджак.

— Но он твой кузен.

Джек ослабляет галстук, как будто собирается его снять, но останавливается.

— Да, но они с Севера и делают всё не так, как мы.

К джипу подбегает Дана. Мой взгляд скользит за её спину, где стоят Лиам и Светлана. Мне неприятен вид Лиама, поэтому я улыбаюсь Данае, когда она проходит мимо моего окна и забирается на заднее сидение.

— Не думаю, что когда-нибудь привыкну к тому, что ты едешь впереди.

— Я тоже.

Джек ждёт, пока Дана пристегнётся.

— Что ж, привыкай, — слова Джека заставляют меня посмотреть на него. Я вижу так много в его глазах, а ещё в них отражаются мои собственные чувства.

Я люблю его.

Я люблю каждую его частичку, и знаю, что хоть эта любовь и возникла недавно, но она будет крепнуть и дальше. Мне кажется, я всегда по-своему любила Джека О'Ригана. Я пронесла другую форму этой любви через всю свою жизнь.

Я думаю обо всём, что он сделал для моей семьи и для меня. У моей мамы теперь есть свой дом, и мы с Джеком в ближайшее время собираемся к ней на ужин. Деклана выписали из больницы, и он продолжает реабилитацию дома. Я не могу скрыть свою гордость за него. Я ещё не виделась с ними, но Джек обещает, что скоро устроит нам встречу.

— Я думала, Ричард вернётся домой, — голос Даны прерывает мои размышления.

— Я ему звонил. У него не получилось уйти с работы, — голос Джека звучит глухо, как будто он повторяет слова, в которые не верит.

— Семья есть семья. Клан, — произносит Дана, и мне хочется посмотреть на выражение её лица в этот момент. Интересно, понимает ли она, какую силу несёт этот термин для её семьи?

— Как Деклан? — спрашивает она после того, как разговор о Ричарде прекращается.

— Он вышел из реабилитационного центра, — Я сажусь вполоборота, потому что знаю, что она разделит мою радость.

— Я так рада за него. И за тебя, — она тянется ко мне и берёт меня за руку.

— Он так похорошел.

— Мне кажется, он всегда был хорош. Я бы не вылезала с ним из постели.

У меня возникает искушение посмотреть на Джека, но я этого не делаю. Не хочу поощрять такие отношения. Я просто не хочу, чтобы мой брат был связан с Лиамом.

Одного из нас достаточно.

— В Италии не было любимого человека?

Ухмылка Даны говорит мне, что был.

— Девочки, вы можете поболтать в отеле, — Джек сворачивает на Келлс.

Дана закатывает глаза на заявление Джека, а я снова поворачиваюсь вперед.

— Я представляю себе какого-нибудь горячего итальянского жеребца, — говорю я, чтобы подколоть Джека. Приятно пошутить, и, когда он смотрит на меня, в его глазах мелькает предупреждение.

— Дана, скажи Мейв, что она ошибается.

— Да, Мейв, ты ошибаешься.

Я представляю, как Дана закатывает глаза. Наше подшучивание прекращается, когда мы подъезжаем к отелю. Никто из нас не двигается, и Дана прочищает горло.

— Итак... Увидимся внутри?

— Да, — Джек молчит, поэтому отвечаю я, а Дана выходит из машины.

Когда проходит мимо моего окна, она дарит мне полуулыбку, и я ненавижу то, насколько нечестна я была с ней.

— Ты готова? — спрашивает Джек, наблюдая за людьми, заходящими в отель.

Нет.

— Да.

Джек поворачивается ко мне, и мне хочется прижаться к нему и поцеловать. Всё внутри сжимается, пока он не сводит с меня напряжённого взгляда, даже когда между нами проходят секунды.

— Когда мы приводим женщин на мероприятия, предназначенные исключительно для семьи, это сигнал для всех.

Прикусываю щёку изнутри.

— Это делает всё гораздо официальнее, чем ты можешь себе представить, — ухватившись одной рукой за руль, Джек не сводит с меня глаз.

— Насколько официально? — спрашиваю я. От его взгляда всё во мне превращается в кашу, и до меня доходит, как могут девушки сходить с ума из-за парня. Со мной не случилось такого прежде, но с Джеком всё впервые.

— Максимально официально, — говорит он, сопровождая слова улыбкой.

От его слов волоски на теле встают дыбом, и я согласна отдать ему свою душу.

— А что, если я не пойду? — спрашиваю я, зная, что пойду, но в его улыбке мелькает уязвимость, которая подталкивает меня посмотреть, что произойдёт. Он не часто её проявляет, и я давлю на него, желая увидеть больше.

— Не хотелось бы тебя тащить и так неудачно начинать нашу совместную жизнь.

Я прикусываю щёку, но не могу остановить расплзающуюся по лицу улыбку.

Опускаю голову, чувствуя себя до нелепого влюблённой. Джек придвигается ко мне, отпустив руль и обхватив моё лицо ладонями. Повернув к себе, заставляет меня смотреть на него.

— Ну, так что скажешь? — его игривость улетучивается, когда взгляд падает на мой рот.

— Думаю, через дверь я пройду сама.

Его улыбка возвращается.

— Хороший выбор.

Он впивается в мои губы, и я теряю себя с Джеком. В его запахе. В его прикосновениях.

Стук в стекло заставляет нас оторваться друг от друга. Шей, сунув руки в карманы пальто, наклоняется, ухмыляясь. Джек кивает ему, и парень удаляется.

— Нам лучше поторопиться, — говорю я, чувствуя вину за то, что наслаждалась поцелуем, в то время как Киан мёртв.

— Я не отойду от тебя, — Джек целует меня ещё раз.

Как только выходим из машины, Джек берёт меня за руку, придавая мне сил и уверенности, что после сегодняшнего дня мы сможем начать всё сначала.

ГЛАВА 36

ДЖЕК

Когда входим в зал, где проводятся поминки, я держу в своей руке маленькую ладошку Мейв. Слева от нас выстроились в ряд официанты. Каждого новоприбывшего гостя встречает один из них и провожает до стола. На место этого официанта заступает следующий, сохраняя облачённый в чёрное строй.

Этот отель принадлежит отцу, поэтому на расходы не поскупились. Может быть, отец чувствует вину за смерть Киана? Я крепче сжимаю руку Мейв, представляя, что было бы, если бы Киану удалось его затея? Что бы они с ней сделали?

Мы движемся по залу, маневрируя между большими круглыми столами, накрытыми белыми льняными скатертями. В центре каждого стоит массивная ваза с белыми лилиями. Это убранство скорее уместно для свадьбы, а не для похорон. Куда бы ни упал мой взгляд, я узнаю людей, рядом с которыми прошло моё детство. Каждый криминальный элемент, живущий в Ирландии или Англии, пришёл сюда принести соболезнования, познакомиться и наладить связи. Здесь находится опасно. Пять больших зеркал завешаны чёрной тканью, обычно что-то подобное делается в доме покойника, которого поминают. Мой отец постарался выказать максимум уважения к Шейну и Уне.

Нас с Мейв оглядывают со всех сторон. Я не спеша иду по залу, чтобы её увидели и обратили на неё внимание. Я хочу, чтобы они все хорошенько рассмотрели её, чтобы знали, что к ней нельзя прикасаться, что она моя.

— Почему на нас все смотрят? — шепчет Мейв, и я не реагирую на её милый голосок. Мне хочется улыбнуться, хочется остановиться и поцеловать её, но я продолжаю нашу прогулку по огромному залу.

— Они смотрят на тебя, — отвечаю я, одновременно кивая Ноэлю Мерфи. Его Семья правит Югом. Он старший из троих братьев, я его знаю не слишком близко и собираюсь это исправить в ближайшее время.

— Почему? — в голосе Мейв смешивается волнение со страхом.

— Я же говорил тебе, что это твоё знакомство с нашими людьми.

— В качестве кого? — голос Мейв дрожит.

На этот раз я останавливаюсь и поворачиваюсь к ней.

— В качестве моего будущего.

Она перестаёт дышать. Я отвожу прядь светлых волос с её щеки и наклоняюсь к ней. Лицо девушки вспыхивает от такого количества взглядов, устремлённых в её сторону. Она выглядит невинной и чистой.

— Дыши, Мейв, — её дыхание опалает мне щёку, и я целую её возле ушка. Поднимая голову, вижу, что отец смотрит на меня. Я выпрямляюсь.

— Останься с Даной, ладно? — обращаюсь к Мейв.

Она обводит взглядом комнату, прежде чем посмотреть на меня.

— Ты уходишь?

— Мне нужно кое с кем поговорить, — я не говорю ей с кем, а она не спрашивает.

Снова беру Мейв за руку и веду её к Дане. Сестра сидит у бара и пьёт коктейль из бокала с маленьким розовым зонтиком, словно это грёбаная свадьба. Заметив, нас, она широко улыбается.

— Никак не могу привыкнуть видеть вас вместе, — она принимается крутить зонтик, и меня так и подмывает сказать ей, насколько он неуместен.

— Мне надо кое с кем поздороваться. Ты составишь компанию Мейв?

Дана закатывает глаза.

— Как будто тебе нужно спрашивать, — она делает знак бармену. Тот идет развязной походкой, в его глазах похотливый блеск, который тает, как только тот замечает меня.

— Ещё один коктейль, — Дана подмигивает ему. Бармен благоразумно кивает и делает свою сраную работу.

Мейв усаживается рядом с Даной. Похоже, она всё ещё нервничает, но пока она с Даной, ей ничего не угрожает. Когда бармен возвращается с её напитком, я молча забираю бокал и вышвыриваю из него зонтик. Бармен пялится на меня, пока я целую Мейв в лоб.

— Я ненадолго, — сообщаю я, вкладывая напиток ей в руку. Она берёт бокал, и я бросаю ещё один предупреждающий взгляд на бармена, прежде чем отправиться на поиски отца.

Иду к тому месту, где видел его в последний раз, но он исчез.

Шей недалеко от входа беседует с Даррой. Собираюсь пройти мимо них, но Дарра останавливает меня.

— Твой отец искал тебя.

— Какое совпадение, я занят тем же.

Бросив взгляд на Шея, киваю ему.

— Он вышел во двор. Хозяйничает там, — хмыкает Дарра.

— Лучше не заставляй Короля ждать.

Дарра ухмыляется и опрокидывает в себя жидкость из своего стакана. Я спешу оставить их, пока Шей не начал задавать вопросы о том, что мне нужно от моего отца. Его взгляд красноречиво показывает его намерения.

Личные телохранители отца стоят у дверей, ведущих в пустынный двор. Отец — единственный его обитатель. Он стоит спиной ко мне, засунув руки в карманы брюк. При виде него внутри меня начинается буря.

Передо мной распахивают двери, и я выхожу на прохладный воздух. Небо приобретает багровый оттенок, словно дурное предзнаменование того, что непременно случится после этого разговора.

— Я решил подождать тебя здесь, — говорит отец, не оборачиваясь, зная, что это я. Зная, что я приду.

Спускаюсь по деревянному настилу, ведущему на небольшую площадку, где расставлена деревянная мебель.

Зонты сложены, столы пусты. По периметру расставлены растения. Их буйство красок не соответствует моему настроению.

— Значит, ты привёл Мейв. Ты дал понять, что она твоя, — произносит он, стоя ко мне спиной.

— Если бы кто-то угрожал причинить маме вред, когда вы только познакомились с ней,

что бы ты сделал? — заслышав мой вопрос, он поворачивается.

— Убил бы, — не задумываясь, отвечает отец.

Адреналин струится по венам, собираясь в кулаках, и я спешу спрятать руки за спину, прежде чем сделаю что-то, о чём буду жалеть. Я никогда не поднимал руку на своего отца, я бы никогда не посмел, но сейчас он толкает меня туда, куда я не хочу заходить.

— Тогда я должен убить тебя? — этого никогда не случится, но он должен знать, насколько серьёзны мои намерения.

— Киан сам пришёл ко мне. Он хотел участвовать в испытаниях, чтобы получить шанс стать Королем.

Я пристально смотрю в лицо отцу, шокированный тем, что он признаётся в содеянном. У меня на языке остаётся горечь.

— Шанс, который даже не был реален.

— Надежда в чьих-то глазах — то, что нужно для достижения наших целей. Он сказал, что знает её и что она без проблем пойдёт с ним. Я не должен был поддерживать его решение.

Отец вынимает руки из карманов. Он спокоен, собран. Я не представляю для него угрозы.

— Почему ты хотел убрать её с глаз долой? Чем она помешала? — кроме того, что хотела помочь своей семье и я этим воспользовался.

— Ничем, — отец отходит от меня.

Сжимаю кулаки, сдерживаясь, чтобы не схватить его за шкуру и не вытрясти из него ответы на эти чёртовы вопросы.

— Ты никогда не проявлял интереса к женщинам, поэтому я договорился за тебя про одну девушку.

Я бы рассмеялся, если бы не понимал, насколько он сейчас серьёзен.

— Договорной брак?

— Да. Девушка из семьи Мерфи. Это укрепило бы наши позиции на Юге. Это легко устроить, и девушка согласна выйти за тебя замуж.

— Я женюсь только на Мейв.

На лице отца не дрогнул ни один мускул, но его взгляд предупреждает меня отступить.

— Теперь я это понимаю. Но мне придётся придумать альтернативу нашему затруднительному положению.

— Ты хотел сказать — твоему затруднительному положению.

Я никогда не видел отца с такой стороны и подумать не мог, что он попытается женить меня. Если бы не встретил Мейв, наверное, я бы не отрицал такую возможность. Такой союз был бы для нас во благо, но мне нужна только Мейв. Она принадлежит мне.

— Шейн знает, что ты послал Киана за Мейв?

Отец впервые выказывает какую-то реакцию: потирает подбородок.

— Нет, и пусть так и остаётся.

— Так он не знает, что ты послал его сына на смерть.

Отец кривит губы.

— Его сын сам пришёл ко мне. Судя по тому, что ты уничтожил отчёт коронера, кто-то из вас: ты или Мейв, приложили руку к его сломанной шее.

По спине пробегают мурашки страха. Он знал, конечно, знал. Коронер никогда бы не солгал ему, и я был глупцом, даже на секунду допустив, что может быть иначе.

Отец кивает, как будто уверился в правоте своих слов.

— Когда твоя мать была беременна тобой, Уна выкрала её и спрятала от меня.

Отец целиком завладевает моим вниманием.

— Что? — я не мог представить, чтобы Уна была способна на такое. — Почему? — и почему она всё ещё дышит?

— Потому что в то время она представляла опасность для Семьи. Это был глупый поступок Уны. Она могла навредить тебе или твоей матери.

Отец никогда так не откровенничал, поэтому перед информацией о его прошлом, всё остальное пока отходит на второй план для меня, в том числе договорной брак и смерть Киана.

— Что случилось? — я до сих пор не понимаю, как Уна дышит. Это так не похоже на моего отца — прощать и позволять кому-то жить.

— Шейн влюбился в неё. Он забрал её себе. Поэтому её нельзя было трогать. В противном случае, я думаю, он бы убил её сам. Мейв никто не тронет, ты заявил на неё свои права. Всё, что здесь сказано, должно здесь сегодня и остаться.

Вот почему он рассказал мне. Решил завоевать моё доверие, рассказывая мне грёбаную душещипательную историю. Если бы он не был моим отцом, я бы задумался о том, чтобы убить его.

— Шей всё знает, — я слегка привираю. Он знает о Киане, но не о том, кто послал Киана. Во второй раз я застаю отца врасплох.

Он приподнимает бровь.

— Не думал я, что ты такой дурак, — его оскорбление вызывает у меня ухмылку.

— Не думал я, что ты настолько безжалостен, — произношу я, имея в виду то, каким образом он пытался избавиться от Мейв, и я вижу, что он понимает это.

— Шей хочет править Востоком.

Отец раздражается смехом, и пространство вокруг меня замирает. Это предупреждение, как будто ты облажался, и он вот-вот заставит тебя поплатиться за это. Или как вспышка молнии — предупреждение о последующем раскате грома.

Я продолжаю, понимая, что это мой единственный шанс уберечь Мейв.

— Он предложил занять престол четырём Королям, чтобы поровну взять под контроль Север и Восток.

Смех отца обрывается.

— Ты думаешь, он будет править на равных? — рычит он.

— Не знаю. В наше время трудно понять, кому доверять. Но я готов попробовать что-то изменить. Я готов довериться ему, — в этот момент я понимаю, что доверяю Шею, и править вместе с ним было бы неплохой идеей. — Впервые в истории мы будем контролировать Север. — я делаю шаг к отцу с воодушевлением, которого он явно не разделяет.

— Его положение на Севере временное, — напоминает мне отец.

— Это не продлится вечно, так же, как и моё положение здесь когда-то изменится, — это тонкое напоминание о том, что однажды я стану Королем. — Ты не можешь этому помешать. В один прекрасный день я взойду на престол. — мне совсем не улыбалось подталкивать отца, угрожая, что Шей откроет Шейну правду о Киане. Угрозы никогда на него не действовали, так что, возможно, сработает напоминание о том, что я его сын и однажды стану во главе Клана.

— И могу я спросить, кто займёт эти два других места?

— Шей выберет одного, я второго.

Лицо отца искажается, как от боли. Одна из дверей открывается, телохранитель собирается что-то сказать.

— Закрой дверь, — повышает голос отец, и телохранитель, схватившись за ручку, закрывает дверь, но не до конца.

— Прошу прощения, — в дверях появляется моя мать, и я замечаю, как преобразается, увидев её, отец.

— Не знал, что это ты. Прости, что повысил голос, — он подходит к матери и целует её в щёку.

Мама переводит взгляд карих глаз на меня.

— Ты в порядке? — хмурится она.

— Да, всё отлично, — выдавливаю из себя улыбку.

— Что-то случилось? — спрашивает отец, возвращая её внимание к себе.

— Шейн искал тебя. Он не хочет оставлять Уну одну, — взгляд мамы полон скорби. — Я сказала, что найду тебя, чтобы он мог остаться с ней.

Я задаюсь вопросом, что, если бы Шейн узнал, что из-за моего отца погиб его сын, стал бы он его искать? Я не думаю, что Шейн станет особо церемониться. Мне кажется, он потеряет голову и попытается убить моего отца.

— Я подойду к нему через минуту. Мы с Джеком почти закончили.

Мама гладит отца по щеке, и радость, озаряющая её глаза, предназначена только для него.

— Хорошо. Я ему передам.

Она смотрит с улыбкой на меня, а затем мы с отцом молча наблюдаем, как она поднимается по настилу и исчезает в дверях.

— Семья для неё — главное, — отец пристально смотрит на меня. — Я пока ещё Король Востока, так что вот как мы поступим. Мы согласимся на условия Шея.

Я облегчённо выдыхаю. Так будет скрыто то, что случилось с Кианом. Мейв будет свободна. Это всё, чего я сейчас хочу. Меня так и подмывает поблагодарить отца, но что-то в его взгляде заставляет меня промолчать.

— Твои испытания продолжатся, для тебя будет зарезервировано место, а я продолжу своё правление. Шей займёт своё место, а кто получит последнее — я сам решу.

Это не совсем соответствует условиям Шея, но я молчу.

— Рэд Мерфи должен получить компенсацию за несостоявшуюся свадьбу его дочери. В противном случае у нас с Югом может начаться война. Отказываться от такой сделки неразумно...

Я стискиваю зубы.

— Тебе стоило подумать об этом прежде, чем заключать её.

— Мне придётся предложить им союз с другим О'Риганом.

— С Ричардом? — я качаю головой. — Он ни за что не согласится на такое.

Отец, скривив губы, не скрывает своего отвращения. Ричард разочаровал его. Все, кроме матери, знают это, в том числе и сам Ричард.

— Шей. Они не сильно обрадуются союзу с северянином. Если Рэд Мерфи откажется, я могу подсластить пиллюлю возможностью одному из его сыновей править вместе с нами, мы действительно сможем объединить Юг, Восток и Север, — я впервые наблюдаю волнение в

глазах отца. — Это может сработать.

Я совсем не разделяю его воодушевления.

— Шей не согласится на договорной брак.

Отец выдыхает и отворачивается от меня, словно я успел его утомить.

— Предоставь это мне. Он согласится.

Отец подходит вплотную ко мне и словно втягивает в себя все эмоции и признаки волнения, которые могли выдать его во время этого разговора.

— И чтоб я ничего не слышал о смерти Киана, только то, что он убит выстрелом в голову. И всё. Никогда и ничего, кроме этого.

— Меня это устраивает, — соглашаюсь я.

Отец пристально смотрит на меня.

— А сейчас мне лучше пойти и найти Шейна, — отец уходит, а я наблюдаю за тем, как перед ним открываются двери. Его телохранители сопровождают его, пока я остаюсь размышлять о нашем разговоре, и о том, как будет выглядеть будущее, в котором вместе заправлять делами будем мы с отцом, Шеем, а теперь ещё и с одним из парней Мерфи.

Я покидаю дворик в уверенности, что очень скоро всё выясню.

ГЛАВА 37

ДЖЕК

В смешанных чувствах выхожу из внутреннего дворика. Самое главное, чего мне удалось добиться то, что Мейв теперь со стороны отца ничего не угрожает. Пересекаю коридор и с удивлением почти натыкаюсь на Мейв, выворачивающую из-за угла. Она хватает меня за плечо, притягивает ближе к себе, и меня охватывает страх, когда заглядываю в её карие глаза.

— Что случилось?

— Они всё узнают, — она говорит слишком громко, и я оглядываюсь, чтобы убедиться, что рядом нет посторонних. Мы одни, но в любой момент из-за поворота может кто-нибудь появиться.

Я беру её за руку и открываю дверь в женский туалет.

— Выйдите, — две женщины, находящиеся внутри, обернувшись, смотрят на меня, а моё терпение скоро иссякнет. Одна из них накрасила помадой только нижнюю губу, другая трясёт мокрыми руками.

— Убирайтесь нахрен отсюда, живо!

Та женщина, что вертелась у зеркала, хватая свою сумочку и наклоняет голову, проходя мимо нас, другая медлит, разглядывая Мейв. Как только они выходят, я вхожу в уборную, не отпуская руку девушки. По очереди открываю все четыре двери в кабинках, чтобы убедиться, что мы одни, а затем поворачиваюсь к ней.

— Почему ты так думаешь?

— Я слышала, как твой отец разговаривал с Шейном. Парень, который, как они считают, стрелял в Киана, появился в каком-то пабе.

Блядь!

— Ты видела, куда они пошли? — спрашиваю я, выпуская руку Мейв. Вынимаю из кармана телефон и набираю отца.

— Нет, — Мейв качает головой. — Я сразу пошла на твои поиски. — губы у неё дрожат. Поднимаю руку и глажу её по щеке.

— Всё будет хорошо.

— Сына Джона заметили в пабе «Курятник». Я еду с Шейном, — отвечает в трубку отец.

Меня так и подмывает крикнуть, чтобы он не пускал туда Шейна.

— Кто за рулём?

— Я, конечно.

Киваю, отстранившись от Мейв.

— Уже выезжаю.

Нажимаю «отбой».

— Остайся с Даной.

— Он скажет им, что не делал этого, — волнуется Мейв. Я тоже чувствую, как во мне поднимается паника, но мне нужно, чтобы она сохраняла спокойствие.

— Сейчас важно, чтобы ты вернулась на поминки.

Открывается дверь, и на пороге застывает женщина.

— Занято. Выйдите.

Она торопливо закрывает дверь.

— Что ты будешь делать? — с беспокойством спрашивает Мейв. Пользуясь моментом, целую её, стараясь забыть обо всём плохом.

— Я ненадолго, и, когда вернусь, мы сможем выпить. — делаю шаг назад. — Возвращайся к Дане. Скоро буду.

Мейв колеблется, но выходит из уборной.

Вновь достаю телефон и звоню Шею. Он отвечает мгновенно.

— Я слежу за ними.

— Ты уехал без меня? — отключаюсь, не удосужившись выслушать его ответ. Блондинка, которая пыталась войти всего несколько минут назад, отпрыгивает в сторону, когда я выхожу из туалета и возвращаюсь во двор. Бегу вдоль стены до стоянки перед отелем, где припаркован мой Range Rover.

Пока запрыгиваю в джип и завожу двигатель, прокручиваю в мыслях множество сценариев развития событий. Нажимая на педаль газа, сворачиваю на шоссе в Навану. Дорога займёт двадцать минут, а у них была десятиминутная фора. За десять минут может многое случиться. Даже за десять секунд может произойти что угодно.

Сначала Шейн будет пытаться его; он захочет услышать, как тот убил Киана. Если парень продолжит отрицать этот факт и признается, что стрелял в Коннора и Финна, это будет выглядеть подозрительно. Я и так вдавил газ в пол, и не могу ехать быстрее. Я обгоняю все впереди идущие машины, но всё равно еду недостаточно быстро.

Звонит телефон, и я включаю громкую связь.

— Они взяли его, — это Шей. — Его везут в промзону Бич Маунт. У Шейна есть там ангар на отшибе, номер тридцать два.

— Не позволяй им допрашивать его, — говорю я, в то же время понимая, что Шейна ничто не остановит; единственный человек, у которого есть шанс, это мой отец.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — Шей нажимает отбой.

Через двенадцать минут я въезжаю в Навану. Это впечатляет, но мне кажется, что я плетусь по дороге к промышленной зоне Бич Маунт. Район застроен в основном крупными магазинами мебели, которые открыты только по рабочим дням. Мне приходится сбрасывать скорость, так как через каждые пять метров на дороге вырастают лежачие полицейские. Это бесит, но, наконец, мне удаётся добраться до нужного адреса.

У боковой двери стоит Шей, и это не очень хороший знак.

— Шейн его допрашивает, — в голосе Шея звучит та же безнадега, которую чувствую я. Почему в первую очередь позвонили моему отцу? Я оставлял сообщение, чтобы сразу же звонили мне, но в очередной раз отцу никто не посмел перечить. Я должен это исправить, чтобы в следующий раз ни у кого не возникло соблазна не подчиниться мне.

Сын Джона привязан к стулу. Его лицо превратилось в месиво. У меня возникает желание пристрелить его, чтобы избавить от страданий. Шейн использует его физиономию в качестве боксёрской груши. Мой отец стоит неподалёку и оглядывается на меня, когда я вхожу.

Шейн останавливается и орёт парню в лицо:

— Говори!

Тот даже не может пошевелить губами, и за него отвечает мой отец.

— Он отрицает, что стрелял в Киана и Коннора.

Я усмехаюсь.

— Разумеется, он будет отрицать, — подхожу ближе, безуспешно пытаюсь разглядеть лицо. Я только имею представление, где должны быть глаза, нос и рот. Я бы не смог опознать, что это за комок плоти, если бы не знал анатомию. — Не думаю, что он способен говорить, Шейн. — произношу я, и мужчина, сидящий на стуле, поворачивает голову на мой голос. Видеть он меня не может.

— Он не лжёт, — Шейн пытается отдышаться, поворачиваясь ко мне.

Меня пронзает страх, и адреналин заставляет меня собраться.

— Он и в Коннора стрелял, однако не признаётся, — отец выходит вперёд, но Шейн не сводит с меня глаз.

— Что случилось с моим сыном? — лицо Шейна искажается, и я не узнаю своего дядю. Он хочет разорвать меня на части.

— Этот ублюдок застрелил его. Почему ты смотришь на меня? — сжав кулаки, делаю шаг к Шейну. — Что, мать твою, ты хочешь, чтобы я сказал? — говорю громче и с напором. Меня толкает страх. Он не должен узнать, неважно, что мне придётся сделать для этого, просто знаю, что он не должен узнать. Если дойдёт до того: я или он, я сделаю выбор в свою пользу.

— Что ты сделал с моим сыном? — он моргает, и это признак того, что у него опустилось забрало настоящей ярости, которая толкает его на меня.

Вынимаю пистолет из-за пояса брюк.

— Ты хочешь обвинить меня в убийстве Киана? — спрашиваю я, приставив дуло пистолета к голове Шейна.

— Джек, — предупреждение в голосе отца не может проникнуть сквозь панику, которую я чувствую, пытаюсь удержать ситуацию под контролем. Я не должен позволить Шейну убить меня. Помню, что Шей где-то позади меня, но понятия не имею, где он будет, если начнётся заварушка.

— Блядь, да Киан был мне как брат! — ору я, вплотную приблизившись к Шейну. — Я бы никогда ничего ему не сделал.

Толкаюсь дулом пистолета в лоб Шейну, он поднимает руки, глядя мне в глаза.

— Джек, — вновь предупреждает отец.

— Я не убивал Киана. Этот ублюдок сделал это.

Секунды тянутся слишком медленно, пока Шейн не отрываясь смотрит на меня.

Наконец Шейн выдыхает, опускает руки, и в выражении его лица появляется что-то напоминающее стыд. Я отступаю, а Шейн, собравшись, поворачивается к сыну Джона, намереваясь выбить из того правду, даже если это будет на последнем вздохе парня. Меня всего скручивает от страха. Бросаюсь вперёд и несколько раз нажимаю на курок.

Оглушительный грохот разносится по большому помещению, когда я стреляю из пистолета в грудь сына Джона. Я жму и жму на курок, не замечая, что пули уже кончились.

Убираю палец с курка и, повернувшись к Шейну, произношу:

— За Киана.

Шейн моргает, и одна-единственная слеза скатывается по его щеке. Он бросает последний взгляд на тело и молча покидает ангар. В тот момент, когда за ним закрывается дверь, у меня слабеют колени, но я выпрямляюсь.

Я так и стою с пистолетом, глядя на тело, не позволяя одержать верх воспоминаниям о том, что я наставил пистолет на Шейна. Отец, подойдя вплотную ко мне, кладёт мне руку на плечо. Я поднимаю голову и замечаю в его глазах что-то, чего прежде никогда не видел. Гордость. Он гордится тем, что я только что сделал. А я нет. Яжимаю плечами и убираю пистолет.

— Почему он стрелял в них? — спрашиваю я. Мне необходимо знать, за что я только что отнял у человека жизнь.

— Он целился в тебя, — говорит отец. — Это была месть за то, что я убил его отца.

Я спросил не об этом, но слишком устал, чтобы спорить.

— Ты знал, что он не стрелял в Коннора? — обращается отец к Шею. Я всё ещё не могу прийти в себя из-за того, что наставил пистолет на Шейна; это вынужденная мера, к которой, надеюсь, мне больше никогда не придётся прибегнуть.

— Довольно давно, — раздаётся голос Шея за моей спиной, и я оборачиваюсь.

— Ты знал, что он не стрелял в твоего отца? — выходит, парень говорил правду. — Значит, единственным, в кого он стрелял, был Финн, а целью был я? — спрашиваю я у отца.

Он кивает, но не сводит глаз с Шея.

— Почему ты остался, когда твой отец сообщил тебе, что мы тут ни при чём? Что в него стрелял кто-то с Севера?

— Мне здесь вроде как нравится, дядя Лиам.

Отец делает ещё один шаг к нему.

— Джек сказал мне, что вы хотите на равных контролировать Юг и Север Ирландии, это правда?

Я снова поворачиваюсь к мёртвому телу, голова у него откинута назад, рот широко открыт. Мне хочется испытывать чувство вины за то, что лишил его жизни, но ничего нет. Я чувствую вину за то, что наставил пистолет на Шейна и заставил его поверить, что он неправ, и что я никогда не причиню вреда его сыну и не скрою его смерть.

— Группа из четырёх, равный контроль. Думаю, это может сработать, — отвечает Шейн отцу.

— Может. Это может быть круто, — ответ отца заставляет меня подойти к сыну Джона и отвязать его от стула. Тело с глухим стуком падает на пол, привлекая внимание Шея и моего отца.

— Я подумал, ты захочешь принять участие в этом разговоре, — в голосе отца звучат нотки раздражения.

— Я могу слушать и работать одновременно, — не могу сдержать улыбки на губах. — Я

думаю, это может быть круто, — честно отвечаю я, представляя себе объединённую Ирландию. Может, хотя бы в криминальном мире будет так, ведь она разделена уже сотни лет.

— Я согласился на условия Джека, — лжёт отец.

Шей, разумеется, пристально смотрит на меня.

— Четыре престола. Я, ты, мой отец и один из мальчиков Мерфи, — говорю я.

— Значит, на мои условия вы не согласны, — Шей переводит взгляд с меня на отца.

— Ты должен вступить в договорной брак. Таковы условия, — произносит отец, подёргивая манжеты.

Я подхожу к стене и поднимаю кусок полиэтиленовой плёнки, которую оставили здесь, по всей видимости для того, чтобы заворачивать тела.

— Ты меня за кого принимаешь? За какого-то пиздюка? — у Шея есть яйца.

Я смеюсь, волоча плёнку к тому месту, где лежит тело. Мой отец не встречал никого похожего на Шея. Шей должен знать, что он может начать копать себе могилу, по одной лопате за раз.

— Таковы условия, Шей, или ты можешь отправляться обратно на Север, где тебе самое место.

Тон отца заставляет меня бросить полиэтилен. Шей, похоже, готов достать пушку. Мой пистолет разряжен, но, если Шей наставит оружие на моего отца, я без колебаний застрелю его.

Шей смотрит на меня, и я знаю, что он думает о том, что он сделал для меня, что я обещал ему взамен.

— У тебя есть кто-нибудь, на ком ты хочешь жениться? — спрашиваю я Шея, опускаясь на колени, переваливая тело на плёнку. Оно тяжёлое, но мне удаётся его поднять.

— Нет, но не в этом дело, мать вашу.

— Именно в этом дело. Ты либо хочешь участвовать, либо нет, — я знаю, что изворачиваюсь, но он должен понять, что здесь нет места для торга. И лучше он узнает это от меня, а не от моего отца.

Я заворачиваю тело в пленку.

— Ты напиздел мне про своего отца, — останавливаюсь и смотрю на Шея, чувствуя поднимающуюся во мне злость на него. — О чём ещё ты соврал?

— Я узнал об этом всего несколько дней назад и уже увяз по колено в этом, — отвечает он и вытягивает пачку сигарет из кармана.

— Что ж, я дам вам двоим возможность это обсудить. Шей, я жду твоего ответа в ближайшее время. Я могу надеяться, что ты здесь приберёшься? — спрашивает отец, поворачиваясь ко мне.

Я киваю, и он уходит.

Шей прикуривает сигарету.

— Какая она из себя? Одноглазая цыганка или что-то вроде того?

Я рад, что Шей размышляет о своём договорном браке, пусть даже в негативном свете. Он думает о нём, и сейчас это главное.

— Понятия не имею, — я не стал упоминать, что она была предназначена для меня. Шею такое не понравится. Ему не нравятся чужие объедки.

— Вряд ли она будет выглядеть как покемон? — Шей выпускает дым вверх.

Я выпрямляюсь.

— Что это значит?

— Покемон?

Я киваю.

— Как изумительный экземпляр. Крышесносно.

— Для тебя это так важно? — спрашиваю я и киваю на тело. — Помоги мне его поднять.

Шей бросает сигарету на пол.

— Я не хочу спать с цыганкой, — говорит он, давя окурок ботинком.

Я ухмыляюсь.

Значит, он всё же допускает эту мысль.

Подобрав окурок и сунув его в карман, Шей помогает мне.

— Несём на улицу, — мотнув подбородком, показываю в сторону чёрного входа.

— Сколько ей лет?

— Не знаю, — ухмыляюсь, даже несмотря на то, что вес трупа вызывает у меня желание как можно быстрее дойти до выхода и избавиться от тела.

Одной рукой удерживая тело, другой нажимаю на ручку двери. На улице ещё светло. У стены стоит открытый мусорный бак.

— На счёт три, — командую я Шею.

Он не ждёт, когда я досчитаю, а сразу забрасывает труп в бак, отчего я едва его не роняю. Освободив руки, закрываю крышку.

— Избавимся от него позже, а пока приведём в порядок ангар, — обращаюсь к Шею, пока мы возвращаемся обратно в помещение.

— Мне следовало сразу рассказать тебе о своём отце.

Я останавливаюсь и киваю.

— Да, так и есть.

— Честно говоря, я не подумал, что твой отец может быть в курсе, и к тому же мне хотелось остаться. Я на полном серьёзе хочу объединить нас всех.

— Если мы собираемся работать вместе, не должно быть никакой лжи. Никаких секретов.

— Ага, — кивает Шей.

— Это отец послал Киана за Мейв. Он хотел убрать её из поля зрения, — признаюсь я.

— По правде говоря, я не удивлён.

Мы молча смотрим друг на друга.

— Ты не такой, как он, Джек.

Я не уверен, комплимент это или оскорбление.

— Ты пиздюк. Но не такой пиздюк, как он.

Я смеюсь, глядя на Шею. Только он может безнаказанно сыпать такими словами.

— Нам пора возвращаться, — мы и так слишком долго отсутствуем.

— Насчёт того, что ты сделал с Шейном. Так и надо. Хотя понимаю, как это нелегко.

Я оценил поддержку Шею, но мне не нужно, чтобы один из нас превращался в тряпку.

— Забрать жизнь никогда не бывает легко. Особенно, у того, кого любишь, — это предупреждение, которое, надеюсь, не придётся воплощать в жизнь.

Шей снова кивает.

— Ага, — вижу вспышку раздражения в его тёмных глазах, и мне хочется оставить это в прошлом и начать всё с чистого листа.

— Теперь всё позади. Мы можем идти дальше, — мы выходим из ангара, и я запираю за нами дверь.

— Так ты согласен жениться? — спрашиваю я Шейна.

Он закуривает ещё одну сигарету.

— Я подумаю об этом.

— Что, если она окажется уродлива, как собачья задница?

— Тогда ты и твой отец можете сразу идти на хуй.

Смеюсь, забираясь в джип.

— Увидимся в отеле, — опустив стекло, киваю Шею. — Мы могли бы выпить.

— Клан, — расплывается Шей в улыбке.

Завожу мотор и повторяю вслед за ним:

— Клан. — потому что это то, что нас объединяет. Семья, которая вместе взойдёт на вершину и вместе умрёт. То, что держит всех нас, О'Риганов, вместе — ложь и секреты, которые как клей намертво связывают нас.

Клан.

ЭПИЛОГ

МЕЙВ

(две недели спустя)

Меня так завораживает выражение лица моей мамы, что кажется — всё остальное вокруг кружится и сливается в одно цветное пятно. Мама счастлива.

— Ты готова? — спрашивает она с улыбкой, которая не трогала её губы уже много лет. Я киваю, потому что боюсь заговорить и выдать перед ней дрожь в голосе. Мама открывает дверь своей спальни и входит внутрь. Её глаза светятся от гордости.

— Это потрясающе, — мне приходится прервать зрительный контакт с ней и оглядеться вокруг. Большая двуспальная кровать, покрывало с узором из роз, вся комната в нежных, истинно женских оттенках.

— Мне так здесь нравится, — она оглядывает спальню вместе со мной так, будто видит впервые. Мама живёт здесь уже неделю, и я никак не могу привыкнуть к переменам, произошедшим с ней.

Снизу доносится голос Джека, он болтает с Декланом о прошедшем футбольном матче. Кажется, что всё так идеально.

— Не знаю, как тебя и благодарить, — во взгляде мамы появляется оттенок той былой грусти, а мне очень хочется, чтобы она волшебным образом исчезла.

— Ты можешь меня накормить. Я умираю с голоду.

Волшебство срабатывает, и она спешит на кухню.

— Жаркое почти готово.

Я смотрю ей вслед, пока она спускается по лестнице своего нового дома. Мама стала убираться и готовить, и выглядит она сейчас гораздо лучше. Она скрывается за дверью кухни, и, едва я собираюсь последовать за ней, слышу из гостиной голос Деклана.

— Мейв, ты никогда не говорила мне, что в нашем лагере есть предатель.

Я захожу в небольшую, но уютную гостиную. Серый диван, на котором сидят парни, только из магазина, а ещё мне нравятся подушки кремового цвета на диване и креслах.

От улыбки Джека и его взгляда, скользнувшего по мне, всё внутри сжимается.

— Он болеет за Дублин! — возмущённо восклицает Деклан.

— Я болею за команду победителей, а Дублин каждый год побеждает, — защищается

Джек.

— Ты совсем не житель Мита, — Деклан качает головой и оглядывается на меня. — Теперь ты перестанешь быть любимчиком мамы.

Моя мама ярая болельщица команды Мита, всегда ею была. Я усмехаюсь.

— Ну, это вряд ли. Мне кажется, в её сердце я занимаю одно из лучших местечек.

Деклан откидывается на спинку.

— Думаю, это может стать решающим фактором.

Посмеиваясь, выхожу из гостиной и иду на кухню, чтобы помочь маме. Солнце постепенно садится, пока я наблюдаю за тем, как та помешивает соус, и с видимым удовольствием отхлебывает из бокала вино. Она стала меньше пить, но не бросила окончательно.

Я должна радоваться мелочам, поэтому так и делаю, когда захожу на кухню. Мама поворачивается и улыбается мне, ставя бокал на стол.

— Я накрою на стол.

— Спасибо, милая.

Пока сервирую стол, не могу не думать о том, что мой отец вернётся и сделает эту картину идеальной. Но всё же, впервые я задаю себе вопрос, действительно ли всё будет настолько идеально, или это просто кажется, что через дорогу трава всегда зеленее?

Рука на моём бедре заставляет меня улыбнуться. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто это.

— Не могу дождаться, когда отвезу тебя домой, — шепчет Джек мне на ухо, и я отталкиваю его бедром, продолжая накрывать на стол. Мне нравится гостить вместе с ним здесь, в доме у мамы, но я с нетерпением жду того момента, когда мы с ним вернёмся домой.

— Джейн, могу я чем-нибудь помочь? — так странно слышать, как Джек разговаривает с моей мамой.

Её взгляд смягчается, когда она смотрит на Джека.

— Ты и так уже сделал достаточно. Садись. Ужин почти готов.

Джек послушно садится, но не сводит с меня глаз.

— Деклан, ужин готов! — зовёт его мама так, словно для нас это в порядке вещей — сидеть за столом и ужинать. Это первый семейный ужин за много лет, и когда стол накрыт, и все сидят, я делаю то, чего не делала уже давным-давно.левой рукой я беру ладонь Джека, а правой — Деклана. Они повторяют за мной, соединяя руки с мамой, и я благодарю Господа за еду на нашем столе, за наше здоровье и, самое главное, за нашу семью. Произношу последнюю фразу, поднимаю голову и вижу, что Джек наблюдает за мной. Я не думаю, что когда-нибудь привыкну к тому, как он смотрит на меня.

Надеюсь, я никогда к этому не привыкну.

— Аминь, — произношу я и отпускаю руку Деклана. Держусь за ладонь Джека ещё немного, а потом мама приглашает всех попробовать жаркое, и мы приступаем к трапезе.

— Джек, я ещё раз хочу поблагодарить тебя, — голос мамы слегка дрожит. — За помощь Деклану, за то, что вытащил его из такой беды.

— Не надо об этом вспоминать, — Джек смотрит на меня, и я задаюсь вопросом, что я упускаю.

Мама откладывает нож и вилку.

— Я связалась с Джеком по поводу уголовного дела на Деклана и спросила, может ли он помочь.

Мне не понравилось, что мама так поступила, но я молча слушаю.

— Все обвинения с Деклана сняты. Не думаю, что мы когда-нибудь сможем отплатить тебе, Джек.

Джек небрежно отмахивается, но мама права. Вряд ли мы когда-нибудь сможем отблагодарить его.

— Ты правда это сделал? — я смотрю на него так, будто вижу впервые.

— Хватило одного телефонного звонка. Это оказалось всего лишь простым недоразумением, — последние слова Джек произносит, глядя на Деклана. Тот кивает, но его плечи напряжены.

— Что ж, спасибо, — говорю я, и воцаряется неловкое молчание.

— Кажется, я знаю, как ты можешь меня отблагодарить, — говорит Джек, немного помолчав. Он отрезает в своей тарелке кусок мяса, не глядя на меня.

— Всё, что пожелаешь, — и я серьёзно. Я сделаю ради него всё, что угодно.

— Так уж и всё? — спрашивает он, и его властный тон напоминает мне прежнего Джека, того, который пугал меня.

Я высоко поднимаю голову.

— Да.

Он кивает и возвращается к своему ужину.

— Завтра мы можем прийти сюда и посмотреть, как Дублин разгромит Мит.

Деклан фыркает.

Облегчение разливается по моим венам.

— И ты наденешь футболку Дублина, — подытоживает Джек.

Вот так ты и провоцируешь в нашем доме ссоры.

— Этому не бывать! — восклицаю я, и мы хохочем.

Мы едим и смеёмся, как это бывает в нормальной семье, а для нас — впервые. Этот момент как никогда близок к идеалу.

Ближе некуда.

Больше книг на сайте - Knigoed.net